

ГРИГОРИЙ ПЛАТОНОВ

НАРЕЧЕНИЕ
ВЕРНЫЙ ХОД

МАСТЕР

Скиталец

Григорий Платонов

Мастер

«Автор»

2026

Платонов Г.

Мастер / Г. Платонов — «Автор», 2026 — (Скиталец)

Мне снова девятнадцать. Могу разогнуться без кряхтения, разглядеть мелкую насечку и весь день работать руками. Уже за это стоило бы поблагодарить, да знать бы кого. С остальным - разбираюсь. Мир чужой, деньги незнакомые, здешние мастера дают вещам имена. Судя по результатам, дело полезное. Надо бы освоить. А пока нужны еда, крыша над головой и работа. Начну с работы. За полвека у верстака я кое-чему да научился.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	63
Глава 6	77
Глава 7	88
Глава 8	99
Глава 9	111
Глава 10	122
Глава 11	132
Глава 12	141
Глава 13	151
Глава 14	161
Глава 15	171
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Григорий Платонов Мастер

Пролог

— Куртку снимай! — крикнул я. — Руки из рукавов!

Железная рама заваливалась на молодого слесаря. Он застрял между ней и стеной, зацепившись рукавом за придавленную решетку, и теперь дергал ткань обеими руками.

На мой крик парень обернулся, но куртку так и не отпустил.

За спиной заглушили погрузчик. Стало слышно, как скрежещет железо.

— Справа заходите! — Я показал двум рабочим проход вдоль стены. — Под руки его берите. Куртку режьте!

Один сразу побежал. Второй шагнул следом, пригнулся под рамой и отпрянул: сверху посыпалась бетонная крошка.

— Ильич, придавит!

— погоди, сейчас приподниму.

Между тумбой и ограждением еще можно было протиснуться. Я полез туда боком, зацепился плечом, рванул куртку и услышал, как треснула ткань.

У нижней перекладины торчала рукоять ручного подъемника. Мы его ставили лет двадцать назад, чтобы приподнимать эту раму при ремонте. С тех пор здесь все переделали, но подъемник остался.

Я ухватился за рукоять и надавил. Внутри хряснуло. Рама поднялась на ладонь, и рабочий успел проскользнуть.

— Еще немного, Ильич!

Попробовал нажать сильнее, больное колено согнулось и пришлось упереться плечом в тумбу.

Меня ведь позвали всего на два часа, показать старые крепления перед переносом оборудования. Начальник участка даже машину предлагал, обещал к обеду вернуть домой. Я отказался — двадцать минут на автобусе, чего человека гонять.

Теперь бы ногу переставить поудобнее. Я чуть ослабил нажим. Рукоять тут же пошла вверх, а рама опустилась над спиной рабочего. Пришлось снова навалиться всем весом. Стопор сломался, подъемник уже ничего не удерживал.

— Ильич!

— Держу! Вытаскивайте его!

Один рабочий обхватил парня под мышками. Второй достал нож, но слесарь все еще тянул рукав и мешал подобраться к зажатой ткани.

— Пусти куртку! — крикнул я.

Он нехотя разжал пальцы.

Его можно было протащить вдоль стены, если рама еще немного побудет на весу. Я подставил правую ногу под себя, собираясь покрепче упереться и тут подломилась левая.

Рукоять едва не выскочила из ладони, хорошо, что успел прижать ее боком, но сам осел почти до пола. В пояснице прострелило так, что несколько секунд я только и мог рот открывать как рыба, выброшенная на сушу.

В семьдесят два года надо было сидеть рядом с начальником участка, пить его чай и показывать крепления на чертеже, а не вот это все.

— Держится? — спросил рабочий.

Я кивнул, на нормальный ответ не хватало дыхания.

Левая нога подвернулась. Вытащить ее можно было, только приподнявшись, а стоило мне шевельнуться, рукоять начинала ползти вверх.

Куртку наконец разрезали, парень освободил руку и сам ухватился за плечо рабочего.

— Выходите, Ильич! — Голос у него сорвался. — Я уже...

— Вот и вылезай. Давай, давай.

Его потащили к проходу. Он помогал здоровой ногой, скреб ладонью по бетону. На запястье болтался электронный браслет с треснувшим экраном.

— Еще чуть-чуть!

Я повернулся и налег на рукоять грудью, под рубашкой было мокро, пот стекал с бровей в глаза.

Парня выволокли из-под рамы. Один рабочий подхватил его, второй выбрался следом и подставил плечо. Слесарь повис между ними.

— Теперь все отойдите!

Начальник участка подошел ко мне.

— Роман Ильич, руку!

Я потянулся к нему, одновременно пытаюсь освободить ногу.

Наверху послышался резкий звук. Рама дернулась вбок, ударила по тумбе. Рукоять вырвало из рук. Начальник отшатнулся, а я поднял голову и увидел железную перекладину, которая падала на меня.

Ударило в грудь. Воздух вышибло разом.

Я еще пытался вдохнуть, когда погас свет.

Пальцы заскользили по мокрому дереву.

Я висел на борту телеги. Под ногами мелькали камни, рядом вращалось колесо. Сапог задел его, и ногу дернуло вниз.

Кое-как подтянув колени, я сильнее стиснул край доски. Сейчас руки разожмутся. В последнее время я даже крышку на банке открывал через полотенце.

Я рванул вверх и грудью налег на борт. От неожиданности чуть не свалился обратно. Перекинул локоть через край, зацепился сапогом и перевалился внутрь.

Щекой ткнулся в мешок, во рту стало солоно. Несколько секунд лежал, хватая воздух. Грудь была цела. Ничего в ней не хрипело, не кололо, хотя по мне только что ударило железом.

Телегу тряхнуло, я уперся руками в доски и замер.

Кожа на руке была гладкой. Возле большого пальца — свежая ссадина, а старого ожога на запястье не было. Как и коричневых пятен.

Я сжал кулак, разжал. Пальцы слушались. Да-а-а, дела-а-а...

— Ярко! Держись!

А? Это он мне? На облучке сидел худой седой человек в темной куртке. Правой рукой тянул вожжи, левую прижимал к боку. Между пальцами проступала кровь.

За лошадиной спиной дорога уходила вниз. Слева стояли сосны, справа за редкими кустами открывался крутой обрыв.

Сзади дробно застучало.

Я оглянулся. За телегой бежали три зверя. На волков похожи, только у ближайшего нижняя челюсть выдавалась вперед и зубы торчали из закрытой пасти. Он приближался к заднему колесу.

Во тварюка мерзкая какая...

На ухабе меня бросило плечом на борт.

— Тормози! — крикнул я.

— Ее сорвало!

Старик натянул вожжи. Лошадь мотнула головой, попыталась сбавить ход, но телега катилась все быстрее.

Я перебрался вперед, держась за крепления груза. Возле облучка торчало нечто похожее на тормозной рычаг. Под ним болтался отсоединившийся железный прут, а по доскам перекачивался штырь, которым их скрепляли.

Я поймал штырь рукой, лег на живот и потянулся к пруту.

— Ярко, сядь!

— На дорогу смотрите!

Голос у меня оказался молодым и хриплым.

Телегу снова тряхнуло, пальцы прижало. Я выругался, уперся плечом в доску и перехватил прут ближе к концу. На краю сознания промелькнула мысль о том, что говорю я точно не на русском, но при этом все понимаю. Странно как-то.

Куда делся цех, я понятия не имел. Почему руки стали такими — тоже не ведомо. Зато с тормозом все ясно: вернуть штырь на место и нажать на рычаг. Желательно до поворота, к которому нас несло.

Со второй попытки я соединил детали и вдавил штырь до упора. Проверил, держится ли, поднялся на колени и потянулся к рычагу. Правое колесо катилось по краю дороги. Камешки сыпались из-под него в обрыв.

Я надавил. Тормоз схватил резко, телегу качнуло, пришлось чуть отпустить и нажать снова, плавнее.

— Левее берите!

Старик натянул вожжи. Лошадь свернула, колесо соскочило с рыхлой обочины и застучало по камню.

Поворот мы прошли. Я осторожно выпрямился, продолжая придерживать тормоз, и только тут заметил, что стою на обеих ногах. Левое колено свободно согнулось. Попробовал перенести на него вес тела — тоже ничего.

Я невольно улыбнулся. Столько лет выбирал, как сесть, за что ухватиться, чтобы подняться, а тут вскочил с голых досок и даже не поморщился.

За спиной скребнули когти. Крупный зверь вцепился передними лапами в задний борт. Над досками показалась мокрая морда.

У-у-у, какая морда! Тьфу на тебя!

Я схватил лежавший рядом брус и ткнул ему в грудь. Зверь сорвался, ударился о дорогу, но тут же вскочил. Брус я втянул обратно и положил возле себя.

Старик смотрел на меня через плечо. Взгляд у него задержался на брус, потом на моем лице.

— Ярко, ты...

— Куда дальше?

Он повернулся к дороге.

— К укрытию. Вон оно, за соснами.

Впереди показались две каменные стены и навес между ними. Над входом на столбе висел большой фонарь. Ворота отсутствовали, проход под навес был открыт.

— Они туда за нами не полезут?

— При свете не подойдут.

Я посмотрел на темные стекла фонаря.

— А зажечь его как?

Старик подался вперед. Долго смотрел на укрытие, потом выругался сквозь зубы.

— Погас...

Кровь с его левой руки капала на облучок. Он попытался сесть и зажмурился.

Я снова оглянулся. Крупный зверь догнал остальных и теперь бежал впереди. До заднего колеса ему оставалось несколько прыжков.

— К столбу подъедьте, — сказал я. — Вплотную.

Старик кивнул. Вожжи он держал кое-как, но лошадь направил куда надо.

Я придерживал тормоз, пропуская каменную стену вдоль борта. Фонарь висел высоко, с земли до него было не дотянуться, а вот с облучка — в самый раз.

— Еще немного... Стойте!

Телега остановилась. Я подхватил брус, встал на облучок и ухватился за столб.

Внизу захрипел старик:

— Ярко, сзади!

Крупный зверь бежал вдоль борта. Я протянул руку к фонарю, нащупал щеколду и откинул ее большим пальцем.

Дверца открылась в тот же миг, когда и зверь прыгнул.

Глава 1

Я выставил брус поперек груди. Зверь клацнул зубами у самой руки и вцепился в дерево. От удара меня качнуло к столбу, упираясь в него плечом, я толкнул брус вниз. Зверь сорвался с облучка вместе с деревяшкой.

Телегу дернуло. Лошадь рванула в сторону, но старик натянул вожжи и удержал ее возле столба.

— Сметка, стой! Стой, родная!

Брус лежал за бортом, и я уже не мог дотянуться до него. Возле колеса подбирался второй зверь. Я снова ухватился за столб и заглянул в открытый фонарь. Что-то мне подсказывало, что это важнее.

Внутри пахло старым маслом. Закопченные стекла почти не пропускали света, зато через дверцу все было видно: маленький бачок вверх, тонкая трубка под ним, фитиль на дне. Трубка выскочила из проволочной скобы и перегнулась. На конце фитиля еще тлела красная точка.

— Ярко! — окликнул старик. Он едва удерживал лошадь, костяшки пальцев на вожжах побелели.

— Сейчас, погоди!

Горячую трубку удалось подцепить ногтем. Я приподнял ее, выправил перегиб и вернул под разогнувшуюся скобу. Проволоку сжал двумя пальцами. Обожгло, зараза, но бросить сейчас, значит начинать все заново. Из трубки набухла капля, упала на фитиль, за ней другая. Придержав крепление, я заслонил огонек дверцей от ветра и осторожно дунул.

Из-под обугленного края показался язычок пламени, совсем маленький, как у зажигалки. В ту же секунду зверь возле колеса прыгнул, но до меня так и не добрался, г поджал передние лапы и тяжело шлепнулся на дорогу.

На мокрые камни ударил желтый свет. Полоса была узкая, я бы через такую перешагнул. Зверь ходил вдоль нее, вытягивал шею и скалился, однако лапы держал в темноте. Самый крупный подошел сбоку, понюхал освещенный камень и отдернул морду. Попробовал обойти столб с другой стороны — там тоже остановился.

Я осторожно отпустил скобу. Трубка осталась на месте, пламя разгорелось ровнее.

— Под навес, — выговорил старик. — Давай под навес.

Закрыв фонарь, я вернулся к тормозному рычагу и отпустил его. Старик направил лошадь между каменными стенами, к задней стене укрытия. Под крышей поместились и фургон, и Сметка, а сбоку остался проход, по которому я вернулся к входу.

Все трое зверей дошли до края света и остановились. Я подобрал брус, на нем остались глубокие борозды от зубов, торчала длинная щепка. Свет касался моего сапога и половины бруса — обычный свет, даже тепла от него не чувствовалось. Поперек входа тоже ничего не было, я только что сам здесь прошел.

Ближайший зверь припал к земле. Я покрепче сжал брус, но тот отступил к кустам и лег, по-прежнему глядя на меня. Каким образом нас защищал этот фонарь, я понятия не имел. Выставлять ногу за освещенную полосу ради проверки тоже не собирался, глупая идея.

За спиной стукнуло. Старик выронил вожжи и сползал с сиденья. Я бросился к нему, подхватил под мышки и осторожно стащил с облучка. Он оказался тяжелее, чем выглядел, но я его удержал, присел и уложил у стены. Вот же странность: утром я боком спускался с автобуса, цепляясь за поручень, а сейчас колено даже не заболело.

— Перевязка у вас есть? — спросил я.

— Под сиденьем... Сумка, — ответил он, указывая на облучок.

Там нашлась кожаная сумка с костяной застежкой. Внутри лежали моток бечевки, нож, огниво, фляга и свернутое чистое полотно. Я принес все разом, снял свою куртку, свернул ее старику под голову и осторожно отвел его ладонь от бока.

Одежда до пояса пропиталась кровью. Пока расстегивал на нем куртку, еще надеялся, что порез неглубокий. Вот только рана оказалось хуже. Я сложил полотно потолще и прижал к ране, старик резко втянул воздух и схватил меня за запястье. Пальцы у него были холодные, правда сжал он их крепко.

— Вот здесь придержите, — попросил я и подложил его ладонь под свою. Пока он давил на рану, обвел оставшуюся ткань вокруг туловища и туго завязал. Сквозь повязку все равно проступало темное пятно.

Над руками появились буквы. Они висели на расстоянии, с которого я обычно читал газету, и сквозь них были видны ткань и пальцы старика. Что за галлюцинация?

Реестр создателей

Восстановлено изделие: дорожный охранный фонарь.

Уровень создателя: 1.

Доступно наречение созданных изделий.

Я моргнул и отвернулся. Надпись сдвинулась вместе со взглядом и оказалась прямо перед флягой. Прочсть удалось, понять — едва ли. Какое еще наречение? Тут старик потянул меня за рукав и попросил воды.

Когда я занялся пробкой, буквы исчезли. Мозг автоматически "придумал" оправдание - стресс, просто показалось. Смочив угол полотна, я обтер старику губы, помог сделать маленький глоток. Старик закашлялся и отодвинул флягу. Я поправил куртку под его головой и посмотрел на дорогу. За поворотом, между соснами, никакого жилья не было.

— Далеко отсюда до людей? — спросил я.

— Сосновый двор. За мостом.

— Лекарь там есть?

— Марфа есть, — ответил старик и прикрыл глаза.

Дышал он с трудом, втянет воздух, затаится, потом медленно выдохнет сквозь зубы. Я снова прижал повязку. На заводе случались травмы, приходилось останавливать кровь и сидеть рядом с человеком до приезда скорой. Сейчас я бы многое отдал за возможность позвонить и сказать, где мы.

— Попробуем вас довезти? — Я наклонился поближе, но старик покачал головой и сжал мой рукав.

— Подожди.

Пришлось остаться. Отсюда вход в укрытие хорошо просматривался, все трое зверей сидели за светом. Сметка повернула голову к хозяину, шумно потянула ноздрями воздух. Старик посмотрел на нее и шевельнул губами:

— Ничего, родная. Постоим...

Какое-то время мы молчали. Я держал полотно на его боку и следил за дыханием. Когда он пробовал повернуться, помогал, придерживал за плечи. От каменной стены тянуло, под спину я подложил мешок из фургона.

Старик все это время смотрел на меня. Наконец спросил:

— Ты меня почему на "вы"?

— Привык, — ответил я и сам понял, какую глупость сказал.

Он поманил меня пальцем, пришлось наклониться почти к самому его лицу. Глаза у старика были ясные, и смотрел он пристально.

— Имя скажи.

Я помедлил. На дороге он звал меня Ярко. На мне была рубаха этого парня, я двигал его руками, но что с ним случилось, понятия не имел. Соврать и назваться его именем, я не решился.

— Роман.

Старик медленно вдохнул, пальцы на моем рукаве разжались.

— А Ярко?

— Не знаю.

Он закрыл глаза. Я поправил край повязки, сам не понимая, зачем, она и так лежала ровно. Мне тоже хотелось знать, где этот Ярко. Жив ли вообще, раз в его теле теперь я? Ответить было некому.

— Ты на дороге... — начал старик и запнулся.

— Там был завод, — сказал я. — Человека придавило, я помогал его вытащить. Потом очнулся у вас на телеге.

Он слушал, глядя куда-то мне за плечо. Облизнул сухие губы, и я снова поднес влажное полотно.

— Хорван, — выговорил старик. — Меня Хорваном зовут. Под курткой, слева... Достань.

Из внутреннего кармана я вытащил плоский кожаный футляр и показал старику. Тот кивнул. В футляре я нашел сложенные бумаги, длинный ключ с двумя бородками и узкую медную ленту, свернутую в кольцо. Расправил ее на ладони, пригляделся к насечкам и цифрам.

Мерка, судя по всему, только деления непривычные. На конце медь потемнела от пальцев; кромку кто-то подогнул, чтобы не резала кожу.

— В Вежень поедешь, — сказал Хорван. — На Мостовую улицу, к Матвею Рудину. Фургон ему покажи. Скажи, Хорван послал.

Я повторил имя и адрес, чтобы запомнить.

— Ленту сбереги. Матвей поймет. — Старик говорил все тише, и я нагнулся к нему, чтобы расслышать. Он ухватил меня за руку. — Внутри никого не пускай. Как там все устроено... никому знать нельзя. Матвею тоже. Снаружи покажешь.

— Только снаружи, — пообещал я.

Тогда он ослабил хватку. Я покосился на фургон с потертой обшивкой, грязными колесами и заплатами на крыше. Для мастерской тесноват, да и что он там такое возит, если даже Матвею показывать нельзя?

— Бумагу прочти, — попросил Хорван. — Верхнюю. Сможешь?

На развернутом листе были странные буквы, с длинными хвостами и перекадинами в неожиданных местах. Я задержал взгляд на первой строке и вдруг понял написанное. Хорван оставлял фургон, упряжь, лошадь, инструмент и все свое имущество ученику Ярکو. Внизу стояли подпись и две печати. Чернила давно высохли, лист потерялся на сгибах.

Я начал читать вслух. Старик слушал с закрытыми глазами, а на перечне вещей остановил меня движением пальца.

— Дальше сам.

— Понял, сохраняю, — пообещал я и сложил бумагу по старым сгибам.

Хорван долго молчал. Я уже подумал, что он задремал, но он заговорил:

— Наружную дверь закроешь. За ящиком, на стенке... Планку вверх. Там замок.

Я повторил порядок. Он кивнул и выпустил мой рукав. Обернув ленту свободным краем кожи, чтобы не гремела, я убрал ее в футляр вместе с ключом и бумагами. Футляр сунул в карман.

Хорван повернул голову к лошади.

— Сметке...

— Накормлю, — сказал я. — Под крышу отведу.

Он слабо покачал головой.

— Размочи. Зуб у нее. Сухое не ест.

Лошадь стояла тихонько, изредка переступая передними копытами. На ремне возле уха засохла кровь хозяина.

— Размочу, — пообещал я. — Дам помягче.

Хорван прикрыл глаза. Я ждал, что он еще попросит воды, но старик провел пальцами по шву моего рукава и оставил руку на ткани. Он умирает, уж я-то знаю, успел много своих товарищей проводить в тот мир.

— И вас похороню, — добавил я шепотом. — По-человечески. Обещаю.

Он едва заметно махнул рукой. Я сидел рядом, подложив руку ему под плечо. Хорван дышал все реже, иногда надолго затихал, потом снова втягивал воздух. Каждый раз я подносил влажную ткань к его губам, хотя он ничего не просил.

Последний вдох был коротким. Я ждал следующего, держал пальцы у него на шее, потом еще долго так сидел. Сметка потянулась к сапогу хозяина и обнюхала носок.

— Подожди, — сказал я ей.

Ладонь Хорвана все еще лежала на моем рукаве. Я осторожно высвободил ткань, сложил ему руки на груди и прикрыл лицо чистым концом полотна. Мы даже толком поговорить не успели. Теперь у меня были его лошадь, ключи и еще адрес в каком-то городе, которого я впервые слышал.

Я сел на пятки. Колени выдержали, спина тоже. Хотелось закрыть глаза и хоть минуту посидеть, но в кустах шевельнулся зверь. Под навесом оставались мертвый человек и напуганная лошадь, о которых надо было позаботиться. До этого Соснового двора еще нужно добраться.

Первым делом я отвел Сметку к стене и подобрал вожжи. Она дала погладить морду, но, когда я потянулся к ремню возле рта, вскинула голову.

— Тихо, тихо. Я только поправлю.

Я ослабил перекрученный ремешок, вытер с него кровь. Сметка шумно выдохнула мне в плечо.

В фургон вела низкая задняя дверца. Я подобрал положение ключа, повернул его в замке и открыл. Внутри лежали мешки, стояли ящик и узкая скамья у стенки. За ящиком, по словам Хорвана, надо было искать планку. Пока я туда не полез, сейчас нужнее оказался сверток парусины рядом с мешками.

Парусину я расстелил под навесом и переложил на нее Хорвана. Куртку из-под его головы забрал, вместо нее подложил свернутый мешок. Руки у меня были сильные, но все равно пришлось помучиться. Сначала подтянул тело к низкому заднему порогу, потом приподнял плечи, втащил до пояса и уже следом — ноги. Приходилось постоянно менять хват, следить, чтобы не ударить его головой о край скамьи. Все время хотелось позвать кого-нибудь помочь.

Уложив Хорвана вдоль скамьи, я завернул края парусины, чтобы не распахнулись на ходу. Рядом поставил сумку с перевязкой. Полотно и моя рубаха пахли кровью.

Возле дороги оставался один зверь. Он сидел между соснами, а потом поднялся, еще раз посмотрел на фонарь и пошел вслед за остальными. Я подождал, подтянул проволоочную скобу в фонаре, проверил подачу масла. Закрыв дверцу и еще постоял у входа, прислушиваясь к лесу. Да-а, дела-а. Это что за мир, в котором звери так сильно света боятся?

Выходить за свет было страшновато. Стоило вспомнить, как легко эти твари догоняли телегу, и желание выйти из-под навеса пропадало. Но Сметка устала, стояла с опущенной головой. К ночи в лесу вряд ли станет спокойнее. Я надел свою куртку, поднялся на облучок и положил брус поперек колен.

— Давай, милая. До двора дотянем.

Лошадь тронулась раньше, чем я разобрался с вожжами. Я подобрал их покороче, чуть придержал левую, обходя колесом камень, и только потом сообразил, что раньше так не умел. На рыбалке случалось ездить в телеге, но всегда пассажиром.

Я посмотрел на пальцы, снова на дорогу. Откуда взялось это движение? Может, и другое вспомнится, раз с вожжами получилось? Я не решился проверять на ходу. Сметку приходилось то и дело подбадривать, а за лесом я следил едва ли не чаще, чем за дорогой. Оглядывался на каждом повороте, вслушивался в треск веток, благо звери больше не показывались.

Мост оказался деревянным, с пологими спусками к мелкой речке. Сметка остановилась у воды, и я дал ей немного отдохнуть. Сам смочил ладони, обтер лицо. Между расходившимися кругами проступило отражение: узкий подбородок, темные волосы, разбитая губа. Я провел пальцами по щеке — щетины почти не было. Из воды на меня смотрел мальчишка. Мозг снова попробовал "придумать" какое-нибудь оправдание, но получалось не очень. Я приказал себе не думать об этом, успеется.

Я плеснул еще раз, смыл с пальцев засохшую кровь и вернулся к лошади.

За мостом дорога пошла вверх. Между деревьями показалась крыша, дым над трубой, потом длинный забор. Над воротами висела вывеска с сосновой веткой и надписью: "Сосновый двор". Я прочел ее так же легко, как бумагу Хорвана.

Во дворе женщина в переднике спорила с работником, который тащил к сараю охапку тонких жердей. Увидев фургон, она оборвала разговор и направилась к нам.

— Доброго имени, Хорван!

Она подошла ближе, посмотрела на пустое место рядом со мной, потом на испачканную рубаху.

— Что случилось?

— Звери напали за мостом, — ответил я. — Хорван умер.

Женщина взялась за край борта. Я слез с облучка, обошел фургон и открыл заднюю дверцу. Она приподняла угол парусины, постояла немного, снова закрыла лицо. Она прикрыла свои глаза, выдохнула и вновь открыла взор. Кажется, он ей был дорог.

— Давно?

— Недавно. В каменном укрытии.

Она вытерла слегка подрагивающие руки о передник и позвала работника. Тот бросил жерди у сарая, подошел и заглянул в фургон.

— В дальнюю кладовую отнесем, — сказала ему хозяйка. — На стол. Возьми у меня простыню, постели.

Работник молча отправился в дом, а я спросил женщину:

— Вы Марфа?

— Я. Ты Ярко, его ученик?

Я кивнул, хотя и не сразу ответил.

— Мне бы его похоронить. Я обещал.

— Утром и похороним. За садом кладбище, место есть. Сторожу скажу.

Я расспросил про гроб и расходы. Марфа без суеты перечислила, сколько возьмут за похороны, отдельно назвала плату за лошадь и ночлег.

— Деньги-то есть? — Она заглянула мне в лицо.

— Сейчас посмотрю.

Кроме складного ножа и обломка карандаша, в карманах нашелся небольшой кошель. Еще у укрытия я нащупал его, когда убирал бумаги, но заглянуть не успел. Теперь высыпал на ладонь несколько серебряных монет и горсть медных. Сколько здесь медных дают за серебряную, я не знал, поэтому попросил Марфу отсчитать самой. Она взяла две серебряные и четыре медные, остальные сдвинула обратно.

— За похороны и корм до завтра. Если гроб дешевле выйдет, верну.

Я убрал кошель и предупредил про Сметкин зуб.

— Корм ей размочить надо.

— Помню я про ее зуб, — отозвалась Марфа. — Вон бадья. Теплой воды на кухне возьми, сам и размочишь.

За комнату я не стал платить, сказал, что переночую в фургоне. Хозяйка посмотрела на дверь и пожала плечами. Мы с работником отнесли Хорвана в кладовую. На широком столе уже лежала простыня. Я снял с него дорожную куртку, расправил руки, укрыл до груди. Марфа принесла таз с чистой водой и сказала, что дальше сама управится.

— На рассвете постучу, — добавила она. — Раньше нам все равно не успеть.

У двери я задержался. Седые волосы Хорвана прилипли к виску. Я пригладил их мокрой ладонью и вышел во двор.

Я отвел Сметку под открытый навес. С упряжью пришлось провозиться: часть пряжек сразу расстегнул, возле других крутился, пока не сообразил, что куда продето. Иногда с первой попытки находил нужный ремешок, даже посмотреть не успевал. С остальными такого не получалось. Марфин работник вернулся за жердями и показал, как снять тяжелый хомут, видимо заметил, мои мытарства.

Лошадь опустила голову мне на плечо. Я погладил ее по шее, поставил на место и принес воды. Пока корм размокал, выбирал засохшую грязь из шерсти, протирал ремни. Сметка медленно ела, подолгу перекатывая корм во рту. Иногда роняла обратно в бадью и снова тянулась за ним. Я подвинул бадью, дождался, пока она немного поест.

Возле общего колодца нашлось мыло в тряпице. Я вымыл руки и шею, попробовал отстирать рубаху на груди. Вода в тазу порозовела. Надевать мокрое было неприятно, но другой одежды я не нашел.

У ворот стукнуло дерево о дерево. Работник, который помогал мне с Хорваном, пытался закрыть тяжелую створку. Она протащилась по земле и уперлась углом в соседнюю. Мужик подхватил ее, приподнял и толкнул плечом.

— Погоди, — сказал я. — Руку уберешь, она опять сядет.

— Знаю. С утра так мучаемся.

Я подошел и покачал створку за край. Верхняя петля отходила от столба вместе с гвоздями. Сам столб стоял крепко, только возле крепления дерево раскрошилось. Хоть вдвоем поднимай, через минуту опять просядет.

На крыльцо вышла Марфа с охапкой грязного белья.

— Ярко, ты там надолго не застревай, — позвала она. — Суп скоро сниму.

— Я ворота поправить могу. Инструмент дадите?

Хозяйка поставила корзину на ступеньку и подошла к нам.

— Хорван научил?

— Такие ворота я делал.

— Если до темноты управишься, ужин с меня. И шесть медных за работу, утром рассчитаюсь.

Я еще раз осмотрел петлю, попросил брусок подпереть створку, молоток, клещи и гвозди подлиннее. Марфа передала работнику, тот пошел к сараю. Шесть медных — много это или мало, я пока не понимал. Но заработать ужин — уже хорошо.

Створку подперли снизу, чтобы перестала тянуть петлю. Я вынул расшатанные гвозди, расчистил крепление. Железную полосу удалось немного сместить и закрепить на целом дереве. Старые отверстия забил деревянными пробками, срезанными с сухой жерди.

Работник подавал инструмент и все норовил подхватить створку рукой, хотя она уже стояла на бруске.

— Держится, отпускаяй, — сказал я. — Лучше с той стороны посмотри, ровно ли идет.

Он отошел, прищурился вдоль края и подсказал, насколько еще поднять нижний угол. Я поправил створку и взялся крепить петлю. Молоток оказался с неудобной гладкой рукоятью, перехватил его пониже, почти у самого конца. Кисть легко справлялась. Гвоздь спокойно уходил в дерево, а у основания большого пальца совсем не болело.

На последнем я чуть поторопился. Пригляделся, куда выйдет острие: еще удар — раскол бы край. Пришлось вынуть гвоздь и забить наискось.

Когда убрали подпорку, створка осталась на месте. Я несколько раз открыл ее до упора и закрыл. Нижний угол свободно проходил над землей, засов попадал в скобу. Работник попробовал следом и довольно хмыкнул. Марфа тоже подошла, взялась за ручку, потянула на себя и от себя.

— Вот и хорошо, — сказала она. — А то нас уже двое тут ходили, ломались, цену набивали.

Я собрал щепки и вытасненные гвозди, острые обломки бросил в пустую жестянку у сарая. Марфа все еще стояла рядом.

— Дам тебе сухую рубаху. Эту на кухне высушим до утра.

— Верну, как свою приведу в порядок.

— Вернешь, — отмахнулась она. — Ты молоток держишь, как отец мой держал. Всю жизнь плотничал.

Я передал инструмент работнику.

— Удобная рукоять много значит. У этого бы с боков немного снять.

Мужик заинтересованно повертел молоток в руке. Я переоделся в Марфину рубаху и пошел ужинать.

Мне отвели место на конце длинного стола, поставили миску густой похлебки, хлеб и кружку. До первой ложки я даже не понимал, насколько голоден. Горячее щипало разбитую губу, пришлось есть осторожно, чтобы не бередить ранку.

У входа кто-то поздоровался:

— Доброго имени, хозяйка!

— И тебе доброго, — отозвалась Марфа с кухни. — Садись, сейчас принесу.

Доброго имени. Второй раз слышу. Я машинально повторил про себя, чтобы запомнить, и снова взялся за ложку.

Марфа принесла мне добавки и задержалась у стола, опираясь на спинку соседней лавки.

— В укрытии фонарь горел? — спросила она.

— Почти погас. Я трубку поправил, снова разгорелся.

— Хорошо, что сумел. Вчера возчики жаловались, смотритель все собирался сходить.

Я отложил ложку.

— А звери к нему совсем не подходят?

— Пока цел и назван как надо. Хорван разве не рассказывал?

— Я понять хочу, как это получается.

Марфа пожала плечами.

— Создателей спроси. Семь лет назад и я бы сказала, что лампой зверя не удержишь. А теперь вона, живешь.

Она забрала пустую миску с соседнего места и ушла на кухню. Я доел, вытер хлебом дно. Про семь лет расспросить бы, да и про создателей тоже. Только голова сейчас плохо соображала, а Марфа то к печи бежала, то к кому-нибудь из постояльцев. Отложил до утра.

На крыльце я задержался. За спиной звенела посуда, кто-то смеялся, просил еще хлеба. По привычке сунул руку в карман за телефоном и нащупал обломок карандаша. О, цивилизация, однако. Карандаши тут есть. Я поймал себя на мысли, что вечером должен был позвонить сын. Он обычно спрашивал, куда я ходил, что ел, нужно ли привезти продукты. Я отвечал, что все есть, а он все равно приезжал с пакетом. Внучка присылала фотографии из общежития. В последний раз показывала полку, которую они с подругой повесили. Я еще собирался объяснить, что такие дюбели в рыхлой стене долго не продержатся.

Теперь им позвонят с завода. Я сел на ступеньке, сжимая карандаш в кармане. Начальник участка знает сына, номер найдет. Только бы тот парень, которого вытащили, тоже с ним поговорил, рассказал, как все было. Сын наверняка станет спрашивать, зачем меня туда вообще позвали.

На крыльцо вышла Марфа, и я поднялся, уступая дорогу.

— Чего сидишь? Ложись, — сказала она. — Утром рано вставать. Я тебе постелю, недорого возьму.

— Спасибо большое, я в фургоне как-нибудь.

Женщина фыркнула, пожала плечами и ушла.

Я еще раз проверил Сметку, долил воды. Она потыкалась носом в бадью, поискала остатки корма и принялась жевать размоченное сено. На меня не оглядывалась. Фургон стоял в углу двора. Я забрался внутрь, запер наружную дверь и сел на скамью, где недавно лежал Хорван.

Снаружи кто-то прошел к конюшне, звякнул ведром. Сквозь щель возле двери тянуло дымом из кухни. Я наклонился и выглянул: виднелись край Марфиного крыльца, лампа под козырьком и работник с двумя пустыми ведрами.

Я достал футляр, вынул ключ, а бумаги разложил на коленях. На верхнем листе снова прочел имя Ярко. Под ним оказались дорожные бумаги Хорвана, лист с адресом Матвея и несколько расписок.

Ключ был длинный, с потертым круглым ушком. Наружный замок им я уже открыл, теперь надо разобраться с тем, который спрятан за ящиком.

Убрав бумаги, я потянул ящик на себя. Тяжелый, зараза. Внутри перекатилось что-то металлическое. Пришлось сдвинуть его вбок, потом развернуть. За ним нашлась узкая вертикальная планка, почти незаметная на стенке. Внизу пальцы нащупали углубление. Я нажал, потянул вверх, и под планкой открылась замочная скважина. Кажется, это тело уже не раз такое делало, мышечная память сказывалась.

Ключ вошел свободно, но поворачивать пришлось двумя руками. За стенкой щелкнуло, по краю появилась щель. Я потянул на себя, и скрытая дверь открылась.

За стенкой оказалась просторная передняя. Из нее в глубину уходил коридор, а через открытую дверь справа виднелись стол и край печи. На стене висела верхняя одежда. Под ней стояла скамья, у ножки — сапожная щетка.

Я подался вперед, стукнулся затылком о косяк и выругался. Потер голову, снова заглянул внутрь. Передняя никуда не делась. Над ней был потолок, достаточно высокий, чтобы я стоял в полный рост. Коридор заканчивался дверью, до которой было шагов восемь.

Я оглянулся на наружную дверь фургона. Между ней и ящиком едва хватало места вытянуть ноги. От переднего колеса до задней стенки всей телеги было шага четыре, я возле нее сегодня уже находился. А тут восемь до одной только двери, еще и комнаты по сторонам.

Некоторое время я просто стоял, придерживая открытую створку. Во чудеса-а-а...

Потом я вынул ключ и спрятал его в карман. Потрогал петли. Железные, теплые. С внутренней стороны нашлись ручка и деревянный засов. Хорошо хоть понятно, за что братья, если понадобится выйти.

Порог был невысокий, вытертый посередине. Я перешагнул через него и остановился. Под ногами лежал узкий половик. Пахло остывшей печью и чуть-чуть стружкой — как в доме человека, который работает тут же, где живет. Приятный такой запах.

Через открытый проем за спиной были видны скамья, мешки и сдвинутый ящик. Как-то все аскетично выглядело. Я прошел обратно, потрогал крышку ящика, потом снова вошел в переднюю. Закрыв за собой дверь, опустил засов, поднял. Створка открылась легко, ключ изнутри был не нужен.

Проверив еще раз, я оставил дверь открытой и подошел к правой комнате.

Это была кухня. У стены стояла печь, напротив — стол на четверых. На спинке стула висело полотенце, у мойки лежала перевернутая кружка. Все обычное, обжитое. Я провел ладонью по столу, у края была зарубка, виднелась мелкая светлая пыль.

Свет падал из широкого окна.

Я приблизился к нему и замер. За стеклом было Марфино крыльцо. Та же лампа под козырьком, та же ступенька, на которой я недавно сидел. Работник прошел мимо с двумя ведрами, поставил их у конюшни и выпрямился, придерживая поясницу.

Я подошел к самому стеклу. Отсюда двор был виден так, будто я смотрел из нормального большого окна. Только снаружи на этом месте никакого большого окна не было. Я ведь обходил фургон, когда снимал упряжь.

Вернулся в тесный отсек у наружной двери и приник к щели. Работник стоял там же, у ведер. До крыльца — то же расстояние. У лампы был виден тот же сколотый угол козырька.

На кухне все повторилось: двор, крыльцо, человек у конюшни. Я подождал, пока он нагнется за ведром, и еще раз сбежал к щели. Теперь мужик нес его к колодцу.

Похоже, в кухонное окно я смотрел туда же, куда через щель фургона. Только из кухни можно было разглядеть весь двор, стоя прямо, без необходимости прижиматься щекой к стенке.

Я вернулся к столу и оперся на него обеими руками. После сегодняшнего мне полагалось уже привыкнуть к невозможному. Однако от надписи перед глазами еще можно было отмахнуться: ударился, померещилось, отлежусь — разберусь. Здесь был стол. За ним спокойно уселись бы четверо, и еще осталось бы место пройти к печи.

Я отодвинул стул, сел, потом снова поднялся. Все боялся нащупать коленом наружную стенку фургона. До нее, по моим прикидкам, я уже давно должен был дойти.

У мойки торчала рукоять небольшого ручного насоса. Я взялся за нее, несколько раз качнул. Внутри забулькало, из изогнутой трубки сперва плюнуло воздухом, потом побежала вода.

Я подставил ладони, умылся, ополоснул рот. Холодная, до ломоты в зубах, с легким привкусом железа. Вода уходила через отверстие в мойке. Я стоял с мокрым лицом и чуть не смеялся. Здесь еще и вода была. Можно встать утром, умыться, поставить чайник. К колодцу через чужой двор идти не надо.

Лицо я вытер рукавом Марфиной рубахи и огляделся еще раз. На столе оставил кожаный футляр, но ключ держал при себе. Больше всего сейчас хотелось проверить остальные комнаты.

Из кухни я вышел в коридор. Слева была еще одна дверь, притворенная. Потянул за ручку и сразу узнал запах: масло, железо, стружка, аж ностальгия пробрала.

В мастерской стояли два верстака. Ближний, столярный, был весь в следах резца, у края темнели круглые пятна от горячего. Я положил ладони на крышку. Высота подходящая, строгать будет удобно.

Вдоль стены висели пилы, ниже лежали рубанки, от маленького, который помещался в ладони, до длинного и тяжелого. Для стамесок сделали подставку с прорезями. В ряду пустовали два места. Надо бы потом поискать, куда их дели.

Слесарный верстак стоял под вторым окном. Отсюда я видел сарай Соснового двора и край навеса, под которым оставил Сметку. Она повернула голову, за стеклом шевельнулось ее ухо. Я невольно подошел ближе, проверил, дотягивается ли она до воды. Дотягивалась.

Слева от верстака стояли подписанные от руки ящики с крепежом. В ближайшем оказались гвозди, перебранные по длине, кривые лежали отдельно. В следующем хранились шайбы, еще в одном — мелкие латунные детали, назначение которых я не смог с ходу определить.

Я задвинул ящик и взялся за рукоять тисков. Пошла туго. Повернув ее на четверть оборота, вернул обратно, сегодня разбирать уже не буду, и так за день хватило.

У дальней стены были сложены заготовки. Длинные — отдельно, короткие обрезки — по ящикам. Даже совсем небольшие куски сохранили. Я поднял один, покрутил в пальцах, положил обратно. Хорошее дерево, для рукояти или пробки вполне сгодится.

На соседней стойке висели клещи и молотки. Один я снял, взвесил в руке. Рукоять потемнела от работы, была гладкой, с утолщением под ладонь. Вот таким хоть весь день работай, пальцы не сведет.

Вернув молоток, я заметил пустое место посреди мастерской. В полу были оставлены четыре отверстия для креплений, сбоку лежала свернутая промасленная ткань. Под станок приготовлено. Какой именно, я не мог определить.

Я присел, осмотрел крепления, потом обошел пустое место. От стены далеко, подступиться можно с любой стороны. Света из окна хватало, длинную заготовку тоже было где развернуть. Я встал туда, где работал бы за станком, вытянул руки. Локтями ни за что не цепляюсь, до тисков четыре шага.

На заводе мне не раз приходилось расставлять оборудование. В тесноте выгадывал проходы, двигал шкафы, потом ругался, когда туда опять совали ящик с браком. Дома под инстру-

мент был шкафчик на балконе. Чтобы зажать что-нибудь в маленьких тисках, сперва приходилось снимать с окна цветочный горшок и отодвигать сушилку.

Здесь хватило бы места на два станка. Заготовки можно держать сухими, инструмент — под рукой. И вечером ничего убирать не надо: оставишь работу на верстаке, утром продолжишь. Кухня рядом, спать, должно быть, тоже есть где.

Я посмотрел на ладони. После фонаря на подушечках пальцев надулись небольшие волдыри, костяшки были ободраны, под ногтями темнело масло. Сжал кулаки, разжал. Уже прикидывал, куда поставлю точило, как разложу инструмент, что надо смазать первым делом. Потянулся к тискам, которые недавно оставил в покое, и тут вспомнил Хорвана.

У выхода висел его фартук с прожженным карманом. Под ним на табурете стояла чашка с засохшим темным ободком. Я переставил ее на полку, подальше от края.

Остальные комнаты решил пока оставить. Сначала надо кое-что проверить снаружи.

Через переднюю я вернулся в тесный отсек фургона, закрыл скрытую дверь, опустил планку над замком. Подвинул ящик на прежнее место и только потом открыл наружную дверцу. За спиной была обычная обшивка, даже щель, за которую я тянул, отыскалась не сразу.

На Сосновом дворе потемнело. Над крыльцом горела лампа, у конюшни работник опрокидывал пустые ведра. Я спустился с подножки и обошел фургон, считая шаги.

Ни широкого кухонного окна, ни окна мастерской снаружи не было. В стенках нашлись только узкие просветы. Через один я раньше смотрел на крыльцо. Если не приглядываться, их легко было принять за обычные щели старого фургона.

Я заглянул под днище. Колеса, оси, между креплениями застряла хвоя. До земли — меньше моего локтя. Помещение под фургоном тоже никак не могло уместиться.

Медная мерная лента расправилась с тихим скрежетом. Я еще не разобрался с единицами, поэтому приложил ее к боковой стенке и отметил длину ногтем. Потом измерил ширину. Внутри я только от кухонного стола до верстака прошел больше.

— Потекло, что ли? — окликнул работник от конюшни.

Я поднял голову.

— Да вот, смотрю после дороги. Сильно трясло.

Он что-то согласно пробурчал и вернулся к ведрам. Я убрал ленту, но все-таки прошел вдоль второго борта. Старые заплаты, железная полоса на углу, засохшая дорожная грязь. Провел пальцами по стенке напротив того места, где должна была стоять печь.

Холодная.

Я вспомнил, с какой силой Хорван держал меня за руку, когда требовал никого не впускать. До сих пор думал, что он спрятал в фургоне что-то ценное. Теперь я еще раз оглянулся на работника и поспешил внутрь.

Наружную дверь запер, прислушался. Мужик уже ушел к дому. Я сдвинул ящик, поднял планку. На этот раз ключ легче провернулся.

В передней все осталось как было. Из кухни падал слабый вечерний свет, в коридоре темнели закрытые двери. Я вошел и на этот раз притворил за собой.

У стены стояли две пары домашней обуви. Большие кожаные туфли, растянутые у косточки, со штокпой на правом носке, аккуратно задвинули под скамью. Маленькие бросили как попало, одна лежала поперек прохода, задник примят. Раньше я даже не обратил на них внимания.

Я поднял маленькую туфлю, посмотрел на подошву. Стерта с наружного края, точно так же, как у сапога на моей ноге. Поставил рядом со второй, выпрямил задник.

Хорвановы оставил под скамьей.

Потом сел и стянул сапоги. Подошвы облепило грязью, я уже успел наследить и в кухне, и в мастерской. Надо будет вытереть. Потер пятку, пошевелил пальцами. Ни распухших суставов, ни следов от тугих носков. Маленькие туфли пришлись впору.

Я встал, прошел на кухню и остановился у окна. На Марфином крыльце погасла лампа. Работника во дворе больше не было, только у конюшни стояли два перевернутых ведра.

Снаружи мой фургон оставался тесной старой повозкой. Здесь до печи надо было пройти мимо стола, за стеной ждала мастерская, а в передней сохли мои грязные сапоги.

Я потянулся к кружке у мойки. Хотелось напиться и завалиться спать. Утром надо похоронить Хорвана, забрать у Марфы заработанное, накормить Сметку. Потом вернусь сюда.

Я еще раз посмотрел в окно и убрал ключ в карман.

Все же мозг выдал вердикт - это другой мир, странный.

Глава 2

На следующий день Марфа постучала, когда я сидел на скамье возле наружной двери и натягивал сапоги. Ночью долго не мог заснуть: вставал проверить замки, прислушивался к звукам за окном. Под утро все-таки провалился, а проснулся с затекшей рукой под щекой и несколько секунд не понимал, почему лежу на узкой кровати возле чужого шкафа. Потом вспомнил Хорвана.

— Вставай, Ярко, — позвала хозяйка. — Столяр пришел.

— Сейчас выйду.

Ключ я убрал во внутренний карман куртки, рядом с футляром. Скрытая дверь была закрыта, ящик стоял на прежнем месте. Прежде чем отодвинуть наружный засов, я провел ладонью по планке над замком. Все ровно, придраться не к чему.

Во дворе пахло сыростью и теплой золой. Марфа стояла у подножки, за ней — широкоплечий мужчина с темной щетиной. Левую руку он держал у пояса, правой потирал переносицу.

— Радим, — представила его хозяйка. — Гроб привез.

— Доброго имени, — сказал столяр.

— И тебе доброго, — ответил я, вспомнив вчерашнее приветствие.

За завтраком я попросил отвезти Хорвана к укрытию, где он умер. Марфа сперва удивилась: место за садом уже присмотрели. Потом сказала, что за укрытием есть старый погост, там хоронят дорожных людей. Радим знал, к кому обратиться, и взялся договориться.

— Там сухо, — пояснил он. — Сосны, песок. От дороги в стороне.

Я кивнул. Ни родных Хорвана, ни его родины я не знал. Даже сколько ему лет было, мог лишь гадать. Но оставить его у тракта, возле которого он работал и ездил, казалось правильным.

В кладовой стоял простой гроб. Марфа вымыла покойного, причесала, надела чистую рубаху. Дорожная куртка лежала рядом, свернутая рукавами внутрь. Я постоял у стола, поправил ворот. Вчера рубаха на нем промокла от крови, сегодня у горла белела чистая ткань.

— Вещи заberi, — тихо сказала Марфа. — Пояс пока оставь. На прощание понадобится.

На краю стола лежал пояс с пустыми петлями. Я накрыл его курткой и вернулся к гробу. Мы с Радимом взялись за Хорвана; столяр поднимал правой рукой, левую только подставил под край. Два пальца на ней оставались согнутыми, даже когда он пробовал распрямить ладонь.

— Давай с этой стороны я возьму, — предложил я.

Радим кивнул, и мы поменялись местами. Переложили Хорвана, поправили ткань под головой. Я хотел помочь с крышкой, но Марфа остановила:

— На погосте закроем. Пусть простятся, кто придет.

Перед отъездом во двор вошла женщина в дорожной куртке, с кожаной сумкой через плечо. Шла быстро, однако возле повозки остановилась. Посмотрела на гроб и перевела взгляд на Марфу.

— Правда, значит?

Хозяйка кивнула. Женщина сняла перчатку, провела пальцами по краю гроба, немного постояла и повернулась ко мне.

— Ты Ярко?

— Я.

— Веста. У Хорвана мой заказ остался, замок от обозного ларя. Он тебе ничего про него не говорил?

— Не успел. Поищу, когда вернемся.

— С этим подождем. Бумаги он передал?

Какая у них тут бюрократия, однако же. Я достал футляр и вынул верхний лист. Веста прочла, проверила печати и вернула.

— Потом сходим к смотрителю. Пусть запишет, что имущество тебе оставлено. Подпись Хорвана я знаю, подтверждаю.

Я поблагодарил и убрал бумагу. Веста спросила у Марфы, где оставить верховую лошадь, отвела ее под навес и вернулась к нам.

Укрытие утром выглядело теснее, чем вчера. Под крышей темнела земля, примятая колесами, у стены остался бурый след. Фонарь горел ровно. Я поднял голову, проверил взглядом трубку и взялся за край гроба.

Могилу приготовили за укрытием, на небольшом возвышении. Между соснами виднелась дорога, оттуда доносился скрип проезжавших телег. На старых могилах стояли потемневшие столбики, кое-где надписи уже стерлись. На нескольких новых к столбикам крепились небольшие глиняные плитки.

Гроб поставили возле могилы. Марфа поправила на Хорване рубаху, расправила край полотна и отошла. Веста остановилась рядом с ней. Я стоял у изголовья и ждал, что скажут дальше: здешних обычаев не знал, испортить что-нибудь сейчас совсем не хотелось.

Радим достал из сумки плитку с вырезанным именем Хорвана. Вокруг букв шел узкий желобок, по краю виднелись следы инструмента. Столяр обтер глину ладонью и положил плитку возле рук покойного.

— Имя оставим, — сказал он. — Помяните, кто что помнит.

Марфа сделала полшага. В руках у нее был пояс Хорвана; она расправила его и положила поперек гроба.

— В позапрошлую зиму у нас дверцу печную выворотило, — начала она. — В доме холод, постояльцы ругаются. Он до ночи возился, пока не приладил. Утром уехал, я даже накормить толком не успела.

Она поправила пряжку, хотя пояс и так лежал ровно, и отошла к Весте. Радим посмотрел на меня. Я машинально коснулся кармана, где хранилась мерная лента.

— Достань, — негромко подсказал он. — Если отдал тебе, положи рядом.

Я развернул ленту и уложил на пояс. Медь потускнела, на сгибе блестела узкая полоска. Вчера эти насечки разглядывал Хорван, когда проверял, ту ли вещь я достал. Теперь он лежал передо мной, и рассказать о нем почти ничего я не мог.

— Сметке велел корм размочить, — сказал я. — У нее зуб болит. Сам уже говорить едва мог, а про лошадь объяснил.

Я замолчал, глядя на его руки. Большой ноготь был с трещиной, у основания указательного пальца темнела старая мозоль. Когда он держал меня за рукав, хватка была крепкая.

— Она поела, — добавил я. — И сегодня накормлю. Поручение ваше выполню, до Матвея доберусь.

Радим подождал, не заговорит ли кто-нибудь еще. Веста наклонилась, поправила край полотна возле плеча Хорвана. Потом столяр взял пояс с лентой и протянул мне.

— Это забирай. Его именованные вещи тоже сбереги. Имена при передаче оставляют прежние. Не знал, что ль?

Я принял пояс. Лента чуть развернулась, пришлось придержать ее пальцем. Радим накрыл лицо Хорвана, и мы установили крышку. Столяр работал правой рукой; я подавал крепеж и придерживал край.

Плитку с именем он положил сверху. Провел большим пальцем по желобку, проверил каждую букву. Возле последней задержался, подправил ее острием ножа, смахнул крошку и прижал ладонь к глине.

— Нарекаю: «Имя Хорвана».

Я смотрел на его руку. Радим помолчал, медленно выдохнул и убрал ладонь. В углублениях на миг проступил бледный свет. Он погас, но буквы стали отчетливее: темные, одинаковые на всей глубине, будто их заполнили другим материалом.

Столяр провел по имени большим пальцем. На коже осталась глиняная пыль, надпись не смазалась.

— Так сохранится, — сказал он. — Теперь можно.

Марфа коснулась плитки двумя пальцами и произнесла имя мастера. Веста сделала так же. Я положил ладонь на шероховатую глину; возле букв еще чувствовалось тепло.

— Хорван, — сказал я.

Радим убрал знак в сторону, и двое мужчин, которые готовили могилу, помогли нам опустить гроб. Когда вытащили веревки, Марфа первой взяла с земли горсть песка. Веста встала рядом с ней. Я подождал, пока они отойдут, и поднял лопату.

Радим работал возле меня. Левой рукой только придерживал черенок, правой поднимал землю. Я предложил сменить его, но он мотнул головой. Вскоре у обоих под рубашками стало мокро, а на черенках остались темные следы ладоней.

Холмик мы разровняли. Столбик Радим вкопал у изголовья, затем прикрепил к нему плитку. Я придерживал ее, пока он затягивал крепления. По темной глине прошла тень сосновой ветки, но имя по-прежнему читалось ясно.

Я убрал с могилы вывороченный корень и отступил. Марфа дождалась, пока мы соберем инструмент.

— Поехали, Ярко. Сделали все.

У укрытия я остановился возле фонаря. На стекле остались следы моих пальцев. Взял тряпку из сумки, стер копыт с дверцы; вчера на это времени не было. Веста подождала на дороге, потом подошла.

— Ты его поправил?

— Масло перестало идти. Крепление разогнулось.

Она посмотрела на ровное пламя и на мой большой палец с пузырьком от ожога.

— Хорошо, что успел.

Я закрыл дверцу, вернулся к повозке и взял вожжи. Сметка шла медленно, время от времени косилась на обочину. Стоило расслабить руки, нужное движение получалось само. Но полностью полагаться на это я пока не решался.

После похорон Веста поехала с нами к смотрителю. Его контора помещалась возле торговых рядов, в низком здании с двумя окнами. У входа толпились возчики. Один держал сломанный штырь и всем показывал, как его телега провалилась в мостовую. Мы дождались, пока он договорит и выйдет.

За столом сидел седой человек с чернильными пятнами на пальцах. Прочел бумагу Хорвана, спросил, где и когда тот умер. Я рассказал. Марфа подтвердила, что видела тело, Веста назвала мастера и заказ, который ему оставляла. Смотритель переписал имя Ярко в толстую книгу.

— Фургон, лошадь, упряжь и имущество мастера, — проговорил он, сверяясь с листом. — Споров о наследстве нет?

Никто не возразил. Он поставил печать и вернул бумагу, велел сохранить. Я убрал ее в футляр. По крайней мере, теперь было что предъявить, если кто-нибудь решит спросить, откуда у меня Сметка и фургон.

На крыльце Веста еще раз напомнила про заказ:

— Замок небольшой, железный, возле скважины кося зарубка. Если найдешь, заверни отдельно. К вечеру я снова буду у Марфы.

— Он вам денег должен?

— Заказ оплачен. Хорван редко брал вперед, но там деталь покупать надо было. Квиток у меня есть.

Она показала край сложенного листка в сумке.

— Найду — принесу, — пообещал я. — Если не закончил, скажу.

Веста уже спустилась на ступеньку, когда обернулась:

— На ряд сегодня поедешь?

— Купить кое-что надо.

— Сметку у мясных лавок не ставь. Там шкуры выгружают, она их не любит. Хорван обычно возле весов останавливался.

Я поблагодарил за подсказку. Веста пошла к рядам, а мы с Марфой вернулись на двор.

Хозяйка отсчитала мне шесть медных за ворота. Положила на стол отдельно от сдачи за похороны, и я убрал монеты в кошель. Теперь там было две серебряные и немного меди. На сколько этого хватит, еще надо выяснить. Инструмент покупать, похоже, не придется, но за корм, еду и ночлег платить все равно надо.

Сметку я напоил, размочил ей корм и оставил отдыхать под навесом. Сам забрался в фургон, закрыл наружную дверь и прошел в дом. Пояс Хорвана повесил возле его фартука, ленту убрал в футляр.

Стоп. Что? Это как так? Снаружи тут должно было быть не больше трех квадратных метров! А изнутри тут все сто. Я осторожно выглянул из фургона. Все верн, снаружи - фургон, а изнутри целый дом. Потрясающе просто!

Я разложил бумаги на кухне, стараясь не думать, что сейчас нахожусь в каком-то чудном пространственном кармане. Мало ли, вдруг тут это сплошь и рядом, а память Ярко - мне ничего не говорила по этому поводу. Я пригляделся к бумагам. Одни записи касались платы, другие — вещей, принятых в починку. Почерк у Хорвана был размашистый, неровный, кое-где чернила расплылись. Среди листов нашлась тонкая тетрадь с надписью «Ярко».

Я открыл ее. Ровные строчки, поля, аккуратно проставленные размеры. На одной странице нарисована дверная петля, на другой — зажим. Возле рисунков стояли пометки: что переделывать, где туго идет, какой зазор оставить. Один размер парень перечеркнул трижды, ниже вывел новый, обвел и написал: «Теперь сходится».

Я провел пальцем по исправлению. Парень разбирался в работе: проверял, переделывал и записывал, на чем ошибся. Такие тетради я и сам вел. У меня только почерк хуже, особенно в последние годы.

Записи Ярко сложил на сухую полку, туда же положил отдельные листки с набросками. Разберу, когда будет время. Он явно успел проверить многое из того, что мне пока пришлось бы начинать с нуля.

В мастерской нашелся и Вестин замок — в свертке, перехваченном бечевкой, с квитком поверху. Ключ поворачивался легко, язычок выходил до конца. Я проверил несколько раз, завернул замок и вынес в передний отсек фургона. Отдавать заказ надо было снаружи.

Хорошего инструмента у Хорвана оказалось много. Часть висела на своих местах, часть лежала в открытых ящиках возле пустого участка пола. На верстаке стояли снятые тиски, рядом хранились крепления и детали в промасленной ткани. Здесь что-то собирали или готовили к переделке. Разбирать чужие узлы наскоком я не стал и вернулся на кухню.

С печью было понятнее. Нижняя дверца закрывалась криво, а задвижка шла так туго, что я сперва принял ее за неподвижную часть. Очаг был вычищен, рядом стоял небольшой запас угля. Сначала поправить дверцу, потом можно разжигать.

Я принес инструмент и присел перед печью. Из петли вылез палец, дверцу перекосило, край терся о рамку. Вернул палец на место, закрепил, проверил ход. С задвижкой повозился дольше: в паз набилась сажа.

Когда огонь разгорелся, дым пошел в трубу. Я все равно вышел наружу, обошел фургон и посмотрел вверх. Из небольшого колпачка над крышей тянулась тонкая струйка. Вернувшись, поставил воду и заодно сварил немного каши из найденной в кухне крупы.

Минут через двадцать смог вымыться как следует. Развел горячую воду холодной, оттер шею, руки, засохшую кровь возле ногтей. Обожженные пальцы щипало, но это было терпимо. Печь грела спину, чистая рубаха лежала на стуле.

Я вылил грязную воду и сел возле стола. Ночью упал на кровать почти не раздеваясь, а сегодня уже мог помыться, просушить одежду, приготовить еду. На вечер оставалось найти чистое белье. Здесь я хотя бы высплюсь, прежде чем снова разбираться с чужими бумагами и здешними порядками.

И все же это что-то нечто - внешне - фургон, а внутри - целый дом.

К торговым рядам я поехал после полудня. Замок Весты лежал в переднем отсеке рядом с пустым мешком для покупок. Котелок оставил под крышкой, огонь в печи убавил. Проверил дверь и только тогда взял вожжи.

Сметка дошла до площади охотнее, чем возвращалась с похорон. Возле весов нашлось свободное место. Я поставил фургон так, чтобы потом выехать без разворота, и закрепил повод.

Торговали здесь всем понемногу. У одного прилавка висели ремни, возле другого лежали горки старых петель, скоб и всякого железного хлама. Дальше пахло хлебом и соленой рыбой. Люди с корзинами протискивались между лавками, ругались из-за места, перекликались через проход.

Я купил крупы, лука, хлеба и немного дешевых овощей для похлебки. Возле лавки с тканью задержался, прикидывая, сколько останется денег. Чистого полотна дома было мало, а вчера почти все ушло на перевязку.

Торговка отмеряла мне кусок, когда за спиной закричали:

— Деньги куда дела?!

У соседнего ряда плотный мужчина в кожаном переднике держал девочку за ворот. Она стояла на носках и обеими руками цеплялась за его запястье. Из-под короткой куртки торчала выцветшая рубаха, на одной ноге обмотка сползла почти до пятки.

— Отпусти! — выдавила девочка. — Больно!

Он встряхнул ее так, что клацнули зубы. Я оставил ткань на прилавке и подошел.

— На землю поставь.

Мужчина обернулся, продолжая держать ребенка.

— Иди своей дорогой.

Лет девочке было около десяти. Она пыталась повернуть голову, ослабить ворот, но мужик с каждым ее движением стискивал ткань еще крепче. Я взял его за запястье.

— Поставь, говорю. Задушишь.

Он дернул руку, ворот выскользнул из пальцев. Девочка отшатнулась, закашлялась и юркнула за фургон. Возле заднего колеса мелькнула ее пятка. Мужчина шагнул следом, и мне пришлось загородить ему проход.

— В чем дело-то?

— Мое дело. Девка у меня работает.

От него пахло потом и кислым пивом. На переднике висели небольшие весы, из кармана торчал обломок медной трубки.

— Работает — разговаривай. За горло зачем хватать?

— Деньги за мешок унесла.

— Что за мешок?

— Который продала! — Он ткнул пальцем мне в грудь. — Ты кто такой вообще?

Я отвел его руку.

— Сколько она тебе должна?

Мужчина прищурился и заговорил уже охотнее:

— За корм, за крышу. С зимы кормлю. Отработает — пусть идет.

— Врет он! — донеслось из-за колеса. — Я у него не ночую.

Девочка сидела на корточках под фургоном, возле оси, и терла шею. На коже проступала красная полоса. Я велел ей вылезти, но она только плотнее прижалась к колесу.

Мужчина попробовал обойти меня слева. Я переступил, снова закрывая проход.

— Зовут тебя как?

— Грач. Здесь всякий знает.

— Родня она тебе, Грач? Кто тебе ее отдал?

Он раздраженно повел плечом.

— Беспризорная. Я подобрал, я кормлю. Сам-то как думаешь, задаром?

— Бумага есть, что она у тебя работает?

— Для нее бумага нужна? Ты еще печать спроси!

Я и спросил бы, только он уже наклонился, пытаясь разглядеть девочку за моей спиной.

— Вылезай, паршивка! Хуже будет!

Она вздрогнула и закрыла шею ладонью. Я повернулся к Грачу.

— Отойди. Принесешь бумаги, тогда и поговорим, что она продала и кому.

Он оглядел меня с головы до ног. Ростом мы были почти одинаковые, только он заметно шире. Перед ним стоял худой мальчишка с разбитой губой и указывал, как себя вести.

— Ты мне приказывать будешь?

Грач схватил меня за куртку и толкнул. Сметка шарахнулась, звякнула упряжь. Я придержал повод, коротко прикрикнул на лошадь, а второй рукой снял Грачеву ладонь с воротника.

— Руки убери. Лошадь пугаешь.

Он замахнулся. Я выпустил повод и шагнул вбок; кулак прошел возле щеки, самого Грача понесло вперед. Поймал его за запястье, прижал предплечье к борту. Другой ладонью надавил между плечами, не давая выпрямиться.

На заводе приходилось разнимать пьяных. В последние годы я старался обходиться словами, но движение вспомнилось легко. Главное — самому под удар не подставиться. Я встал сбоку, уперся ногой и удержал его у фургона.

Грач зашипел, уперся свободной рукой в борт и попробовал лягнуть меня. Я отставил ногу. Обожженные пальцы саднило, зато кисть держала крепко.

— Стой спокойно, — сказал я. — Руку ломаешь.

— Отпусти, щенок!

— Перестань дергаться — отпущу.

К нам уже подходили люди. Торговка тканью взяла Сметку за повод и придержала возле оглобли.

— Сам полез, — сказала она кому-то за моей спиной. — Сначала девчонку душил, теперь на парня кинулся.

Из ряда с железом вышел здоровый мужчина в засаленной безрукавке.

— Грач, хватит. Ты мне покупателей распугал.

— Он мою работницу...

— Видел я. На шею ей погляди.

Я немного ослабил нажим. Грач попробовал подняться, но запястья я не отпустил, и он снова замер. Под ладонью у него быстро ходила спина.

— Сейчас отпущу, — сказал я. — За девочкой не лезешь.

Он промолчал. Торговец подошел вплотную, взял его за свободное плечо.

— Услышал? Отойди. Бумаги есть — со зрителем придешь. Здесь хватать никого не надо.

Я разжал пальцы и отступил к колесу. Грач выпрямился, несколько раз согнул руку. По взгляду было понятно, что ударить ему еще хочется, но мужчина в безрукавке оставался рядом, а вокруг стояли еще человек пять.

— Ты думаешь, на этом все? — спросил Грач.

— Отойди от фургона.

Он сплюнул возле колеса.

— Приду. И с людьми приду.

Грач протиснулся между зеваками и исчез за навесом. Несколько человек пошли следом, обсуждая случившееся. Торговец еще постоял возле нас, потом вернулся к своему железу.

Я забрал у женщины повод и поблагодарил.

— Ты девку-то вытащи, — сказала она. — Кобыла дернется, задавит ненароком. Пальцы у тебя целы?

Я пошевелил ими. На большом лопнул пузырь, выступила прозрачная влага.

— Целы.

Торговка покачала головой и ушла к прилавку. Я закрепил повод и присел возле колеса.

— Вылезай. Он ушел.

Девочка смотрела на меня из-под спутанных волос. Серые глаза были мокрыми, сердитыми. Она вытерла нос рукавом, но с места не сдвинулась. Я отступил, освобождая ей проход.

— Под колесом опасно. Встань с той стороны, за мной.

После небольшой паузы она вылезла, держась за обод и поглядывая туда, куда ушел Грач. На ногах оказалась совсем маленькая. Ворот куртки растянута, одна пуговица висела на нитке. Я достал купленный хлеб, отломил кусок и протянул ей.

— Будешь?

Она посмотрела на мою руку, потом взяла хлеб обеими ладонями.

За полотном я вернулся один. Девочка осталась возле фургона и следила за мной, пока я расплачивался. Когда подошел обратно, половины хлеба уже не было. Остаток она держала у груди.

— Как тебя зовут?

— Ника.

— Я Ярко.

Перед чужим именем я запнулся. Здесь так меня звали все; объяснять сейчас ребенку, кто я на самом деле, было бы некстати. Ника кивнула и снова посмотрела в проход между лавками.

— Что за мешок ты продала? — спросил я.

Она насторожилась.

— Мой. Железо возле ручья собрала. Проволока еще была.

Ника полезла за пазуху, вытащила две медные монеты и показала на ладони.

— Вот все.

— Убери, — сказал я.

Она подняла глаза.

— За хлеб?

— Хлеб я тебе дал. Деньги прячь.

Ника быстро сжала кулак и сунула его под куртку. Красная полоса на шее стала заметнее, под ухом проступал след пальца. Я спросил, больно ли глотать. Девочка пожала плечом:

— Немножко.

Я налил воды из фляги в крышку. Ника пила осторожно, маленькими глотками. Вторую порцию попросила сама. Пока она допивала, я спросил про долг Грачу.

— Он всем пишет, что должны, — сказала она после паузы. — За еду. Если мешок порвала, тоже. Или мало принесла.

— Ты у него живешь?

Ника резко мотнула головой.

— Там мальчишки. Я ушла.

— А ночуешь где?

Она покрутила крышку в пальцах.

— Где получится.

Больше расспрашивать о деньгах я не стал. Грач вернется, какой-нибудь лист с цифрами наверняка принесет. Сейчас надо было понять, есть ли кто-то, кому можно отвести девочку.

— Мать, отец есть?

Ника спрятала хлеб в карман.

— Нету.

Я забрал пустую крышку, закрутил флягу и занялся поводом. Стоять над ней с расспросами больше не хотелось. Можно было бы поговорить с Марфой: накормит, может, найдет место на кухне или в кладовой. Но Ника словно угадала.

— Ты меня на двор не веди, — попросила она.

— Почему?

— Он там найдет. У всех спрашивает. Скажет, что украла, и отдадут.

Говорила она, глядя на Сметкины ноги. Я уточнил, имеет ли она в виду и Марфин двор. Ника кивнула.

Вчера Марфа взялась хоронить чужого человека, принесла таз, чистое белье. Сегодня помогла мне со смотрителем. Я не думал, что она отдаст ребенка Грачу просто по первому слову. Но меня хозяйка знала со вчерашнего вечера, а его, возможно, много лет. Захочет разобратся, позовет к себе обоих. При нем Ника и слова не скажет.

— Меня по ночам ищут, — добавила девочка. — Я на сеновал больше не лезу.

За спиной послышались шаги. Веста остановилась возле фургона, посмотрела на Нику, на мой разодранный ворот.

— Что случилось?

— Грач за ней пришел, — ответил я. — За ворот таскал. Потом на меня полез.

Веста присела перед девочкой. Та сразу отступила к колесу.

— Трогать не буду, — сказала Веста. — Шею покажи.

Ника поколебалась и оттянула воротник. Веста выпрямилась, спросила, куда ушел Грач. Я указал на проход между лавками.

— За людьми и бумагами. Обещал вернуться.

— Вернется, — подтвердила она.

Я достал из фургона сверток с ее заказом. Веста узнала замок, проверила зарубку и повернула ключ. Убрала его в сумку, снова посмотрела на меня.

— Что делать собираешься?

Ника стояла у колеса, обхватив себя за локти. Если сказать ей «иди», она побежит. Забьется под какой-нибудь сарай, а вечером Грач вытащит ее и оттуда.

В доме у меня было место. Я коснулся ключа в кармане и вспомнил Хорвана: «Внутри никого. Как устроен — никто знать не должен». Он держал меня за руку и ждал ответа. Я сказал, что понял.

За скрытой дверью была кухня, вода, теплая печь. Можно поставить на стол еще одну миску. Пока я разговариваю с Грачом, Ника хотя бы поест спокойно.

Я провел ладонью по борту и повернулся к ней.

— У меня есть где спрятаться. И еда найдется. Хочешь — пойдем со мной.

Ника посмотрела на наружную дверцу.

— Он заглянет.

— Сначала со мной поговорит.

Она нахмурилась и спросила, куда мы пойдем.

— На Сосновый двор. Там поставим фургон, ты побудешь внутри.

— Я сказала, там он...

— Я слышал. В комнату у Марфы тебя не поведу.

Ника снова посмотрела на дверцу. Веста стояла рядом, не вмешивалась. Девочка помолчала и наконец сказала:

— Я сама пойду. За руку не надо.

— Хорошо. Под колеса только больше не лезь.

Я отвязал Сметку. Кобыла переступила ногами и потянула голову к выходу из ряда. Веста положила пустой мешок поверх покупок.

— Я с вами до двора пройду, — сказала она. — Если Грач успеет, у ворот его задержу. Надолго не обещаю.

Я поблагодарил. Веста, похоже, решила, что внутри фургона есть тайник. Рассказывать ей о доме я не собирался.

Из рядов выбрались медленно. Я вел Сметку под уздцы, Ника шла с другой стороны фургона. На поворотах отставала, оглядывалась и догоняла нас короткими быстрыми шагами.

Пришлось остановиться, пропуская телегу с бочками. Девочка подошла к заднему колесу, посмотрела на меня и тихо спросила:

— Ты меня продавать не будешь?

— Нет, — ответил я.

Она ждала продолжения. Я придержал Сметку, пока мимо проезжала телега.

— Захочешь уйти — скажешь. Сейчас поешь, согреешься. Потом решим, что дальше.

Ника потеряла нос рукавом и опять отстала на пару шагов.

На Сосновом дворе было людно. У кухни разгружали мешки, возчик ругался с работником из-за пролитой воды. Я повел Сметку вдоль забора, на прежнее место. Веста шла рядом с Никой, заслоняя ее от крыльца, потом осталась у ворот.

— Я здесь, — сказала она мне.

Девочка замялась посреди двора. Оглядела кухню, конюшню, открытую дверь кладовой. Подошла только после того, как я остановил фургон и обошел его сзади.

Я открыл наружную дверцу, убрал мешок с порога.

— Залезай.

Ника заглянула внутрь и обернулась ко мне.

— Здесь?

— Пока здесь.

Она ухватила за край, поставила ногу на подножку и поднялась. Села на узкую скамью боком, поджав одну ногу. Я передал ей покупки, забрался следом и закрыл дверь.

Ника тут же выпрямилась.

— Зачем запер?

— Смотри. Поднимешь вот это — выйдешь. Изнутри ключ не нужен.

Я показал засов и отступил. Она потянулась к нему, приоткрыла дверцу. В щели мелькнули двор и край забора. Девочка посмотрела на меня и закрыла обратно.

Я сдвинул ящик, поднял планку над замком. Перед поворотом ключа задержал руку. Еще можно было вывести ее наружу и искать другое место. Не показывать то, что Хорван велел сохранить в тайне.

Ника тихо сидела на скамье. Покупки держала на коленях обеими руками, чтобы ничего не упало. Из растянутого ворота выглядывала красная полоса на шее. Я отвернулся к замку и повернул ключ.

За открытой дверью показалась передняя. Ника сперва даже не встала: смотрела в проем, потом перевела взгляд на наружную стенку фургона. Осторожно положила мешок рядом с собой и подошла.

— А мы куда приехали?

— Никуда. На Сосновом дворе стоим.

Она вытянула шею, заглядывая в коридор.

— Тут дом.

Я кивнул, перешагнул порог и отошел в сторону. Ника осталась в тамбуре. Потрогала косяк, посмотрела назад, на закрытую наружную дверь.

— Мы через двор прошли?

— Только через эту дверь.

Девочка нахмурилась, словно я ее разыгрывал.

— Там места нет.

— Я вчера тоже проверял.

Объяснить больше я пока не мог. Взял покупки, отнес на кухню и вернулся. Ника стояла у порога, одной ногой уже на половике. Я позвал ее внутрь.

Она вошла, прижимаясь плечом к стене. Посмотрела на домашние туфли возле скамьи, но разуваться не стала. Когда я прикрыл дверь, сразу обернулась.

— Вот ручка, — показал я. — Засов такой же, как снаружи.

Ника сама нажала на ручку и толкнула створку. За ней оставались ящик, скамья и мешки. Девочка постояла, придерживая дверь, потом снова шагнула в дом.

— А если ты уйдешь?

— Откроешь так же. Сначала эту, потом наружную. Только сейчас давай посидим здесь, Грач нас ищет.

Она провела пальцами по засову и кивнула.

На кухне пахло углем и кашей. Я поставил покупки на стол, снял крышку с котелка. Ника остановилась возле окна.

— Он там.

У ворот Соснового двора стоял Грач. Пока один. Веста загородила ему проход и что-то говорила. Он пробовал заглянуть ей за плечо, она переступала вслед за ним.

— Отойди от окна, — сказал я Нике.

Девочка отпрянула и ударилась бедром о стол.

— Он увидел?

— Не знаю. Встань ближе к печи.

Я задвинул занавеску. На кухне стало темнее, но света из коридора хватало. Ника смотрела на ткань, не отрываясь.

— Окно большое, — прошептала она. — Он увидит.

— Снаружи там щель. Что через нее видно, я еще не разобрался. На всякий случай отойдем.

Она прижалась к печи, придерживая ладонью ушибленное бедро. Я поставил возле мойки чистую кружку и налил воды. Ника посмотрела на свои руки: в складки въелась грязь, под ногтями было черное.

— Помыть можно?

— Конечно. Давай покажу.

Я качнул рукоять насоса. Когда побежала вода, Ника сперва отдернула пальцы, потом подставила обе ладони. Мыло лежало рядом, я подвинул его поближе. Девочка долго терла руки; вода стекала по локтям и капала на пол. Лицо она трогать не стала.

Я повесил полотенце на спинку стула.

— Вытирайся. Сейчас поедем.

Веста все еще удерживала Грача у ворот. Надо бы выйти помочь, но тогда Ника останется одна в незнакомом доме. Снаружи говорили громко, однако слов я не разбирал. Решил сначала посадить девочку за стол.

Каша загустела. Я добавил горячей воды, размешал, разложил по мискам и нарезал хлеба. Купленные овощи пока оставил в мешке. Ника наблюдала за мной, держа полотенце обеими руками.

— Где тебе удобнее сесть? — спросил я.

Она выбрала стул возле двери. Подвинула его так, чтобы видеть и коридор, и меня. Я поставил перед ней миску, положил ложку.

— Горячая. С краю пробуй.

Ника кивнула, но руки убрала под стол. Я сел напротив и взял свою ложку. Девочка смотрела, как я ем, потом перевела взгляд на хлеб.

— Бери. Соль тоже на столе.

Она осторожно взяла кусок и положила возле миски. Куртку так и не сняла, только растегнула верхнюю пуговицу, чтобы ворот меньше тер шею.

— Если Грач придет, я выйду, — сказал я. — Ты посиди здесь.

Ника подняла глаза.

— Он скажет, я украла.

— Уже сказал. Выясним, что за мешок и кому ты продала. Руками тебя больше хватать не дам.

Она провела пальцем по краю миски.

— Он людей приведет.

— И с ними поговорю.

Сказал я это спокойнее, чем чувствовал. У торгового ряда все видели, как Грач таскал ребенка за ворот. Если теперь он приведет настоящего служащего с печатью, разговаривать будет труднее. Местных порядков я почти не знал. Но выводить Нику навстречу ему все равно не собирался.

— Ты из-за меня тоже должен будешь? — спросила она.

— С Грачом сам разберусь. Ешь, пока горячая.

Я подвинул к ней хлеб и взял свою ложку. Ника наконец вытащила руки из-под стола, провела большим пальцем по черенку ложки и зачерпнула с самого края.

В наружную дверь ударили. Девочка застыла с ложкой у рта, а я поднял ладонь и встал. Стук повторился, сильнее; теперь послышался голос Грача:

— Эй, мастер! Открывай!

Ника опустила ложку в миску. Пальцы задрожали, и она зажала их между коленями.

— Сиди, еда твоя, — сказал я. — Сейчас поговорю с ними.

— А если...

Она замолчала. Я остановился возле кухонной двери.

— Выход ты знаешь. Запирать тебя здесь не буду. Но снаружи сейчас Грач, лучше дождись меня.

Ника смотрела мне в лицо, потом медленно кивнула.

В коридоре я застегнул куртку, проверил карман с бумагами. Надо сначала выслушать, кто пришел и чего требует. Драться я сегодня уже попробовал, теперь хотелось обойтись разговором.

У скрытой двери прислушался.

— Я помощник смотрителя, — произнес незнакомый мужчина. — Откройте фургон.

Грач заговорил сразу вслед за ним:

— Он девку сюда привел. Я своими глазами...

— Ты помолчи, — оборвала его Веста.

Она все еще была рядом. Я нажал на ручку и вышел в тамбур. Из кухни донесся тихий звон ложки: Ника все-таки взялась за еду.

Я закрыл внутреннюю дверь, повернул ключ и опустил планку над замком. Подвинул ящик на место, сверху положил парусину. Оглядел тесный отсек: скамья, мешок с остатками покупок, сумка Хорвана. Ничего лишнего.

Снаружи опять ударили.

— Открывай. Покажешь, где беглянку спрятал.

Я взялся за засов. Через стенку, за моей спиной, Ника сидела у теплой печи с миской каши. Я велел ей дожидаться меня.

— Слышу, — ответил я. — Руки от двери уберите.

И отодвинул засов.

Глава 3

Я отодвинул засов и открыл дверь. Грач стоял совсем близко к подножке. Возле него переминался сухощавый мужчина в короткой куртке, застегнутой до подбородка. Сапоги у него были грязные, зато воротник чистый, подшитый светлой тканью. Веста держалась поодаль, у заднего колеса, и поправляла ремень сумки.

— Ну наконец-то, — сказал Грач и потянулся к дверце. — Вылезай.

Я убрал его руку с края и остался в проеме.

— Ты пока стой.

Мужчина в застегнутой куртке поднял подбородок.

— Я помощник смотрителя. На тебя жалоба поступила. Чужую работницу укрываешь.

— Как вас зовут?

Он помедлил, глянул на Грача.

— Савр.

— Доброго имени, Савр. Что хотите?

— Фургон осмотрим.

Я чуть отступил, давая заглянуть внутрь. Сбоку стоял ящик, на скамье лежала дорожная постель, возле порога — мешок с покупками. Скрытая дверь была закрыта. За гладкой стенкой, в кухне, оставалась Ника.

Грач привстал на носки.

— За тюками смотри. Вон там, у бочки.

Я едва не обернулся. Никакой бочки в тамбуре не было, тюков тоже. Я видел свой мешок, свернутую парусину, ремень на скамье. Грач между тем ткнул пальцем мне за плечо:

— Под серым пологом еще глянь.

Савр наклонил голову, приглядываясь туда же. Полог он, судя по всему, тоже видел.

У меня похолодели пальцы. Я крепче взялся за косяк и задел большим пальцем две мелкие насечки возле петли. Перед глазами на миг потемнело, а потом вместо Грача оказался Хорван.

Живой. В дорожной куртке, с закатанными рукавами.

Он стоял снаружи фургона, а я — по эту сторону порога. Только руки были меньше и без свежих ожогов. Хорван положил на скамью красный лоскут, спустился на землю и велел посмотреть, видно ли его с улицы.

Лоскут исчез. На его месте лежала пыльная постель.

«Покров через проем смотрящему показывает старую кладь», — произнес Хорван.

Я шагнул назад, в тамбур, и снова увидел красную ткань.

В виске резко заболело. Я зажмурился, стиснул косяк. Последним мелькнуло, как Хорван сам поднимается на подножку и переступает порог. Покров остался у него за спиной; внутри он сразу указал на лоскут.

Значит, пройти можно.

— Ты чего? — спросил Грач.

Я открыл глаза. Воспоминание исчезло, боль еще держалась над правой бровью. Грач стоял там же, Савр ожидал, когда я освобожу вход.

Теперь я хотя бы понимал, почему они разглядывают бочку, которой здесь нет. Через дверь постороннему показывалась тесная повозка, заваленная дорожным барахлом. Внутри все оставалось настоящим. Стоило человеку переступить порог — он увидит и ящик, и скамью, и стенку, за которой скрыт проход в дом.

Сам покров его не остановит.

Я передвинул ногу, снова занимая проем.

— Бумагу покажите.

— Какую еще бумагу? — вмешался Грач. — Я сказал, она моя должница!

Я смотрел на Савра.

— Вы пришли от смотрителя. Покажите, что он вам поручил.

Савр недовольно поджал губы. На улице за нашими спинами стукнуло ведро, из кухни вышла Марфа. Она направилась к нам, вытирая руки о передник.

— Что здесь происходит?

Грач заговорил сразу, торопясь пересказать все первым. Девчонка у него работает, деньги унесла, этот мальчишка вмешался, теперь прячет. Марфа дослушала до слов про нападение и остановилась возле подножки.

— Про нападение мне уже рассказали. От торговли с тканями работница приходила. Сказала, ты первый полез.

— Они сговорились!

— С кем она успела сговориться? Ярко она вчера впервые увидела.

Савр покосился на хозяйку, потом снова на меня.

— Ты нас пусти, раз ничего не скрываешь.

— Служебный знак покажите, — ответил я. — Или письменное поручение. Утром я у смотрителя был. Он имущество Хорвана на меня записывал. Давайте его позовем, пусть объяснит порядок.

Я говорил спокойно, хотя очень хотелось захлопнуть дверь. Но тогда Грач еще громче заорет про спрятанную девочку. Пока я стоял на пороге, он мог смотреть сколько угодно: покров показывал ему тюки, постель и бочку. Все настоящее начиналось за моей спиной.

Веста наконец подняла глаза от сумки.

— Запись утром сделали, — сказала она. — Я за подпись Хорвана поручилась. Смотритель помнит.

Больше она ничего не добавила, только отошла от колеса, чтобы Марфа могла подойти ближе.

Хозяйка оглядела Савра.

— А тебя я возле смотрителя не видела. Давно служишь?

Он сунул ладонь за пазуху, но вынимать ничего не стал.

— Я помогаю, когда требуется.

— Тогда знак покажи, — повторил я. Раз тут с бюрократией так принято, буду бить их же оружием — И основание, по которому ребенка надо отдать Грачу. Он ей кто?

Грач нахмурился.

— Я тебе уже объяснял!

— Что она должна — объяснял. Бумагу не показал.

Марфа повернулась к работнику у конюшни и велела сходить за смотрителем. Тот бросил щетку в ведро и направился к воротам. Савр проводил его взглядом. Рука, засунутая за пазуху, наконец опустилась.

— Я пришел разобраться, — сказал он Грачу. — Ты говорил, вещь украли.

— Деньги украла!

— Так и пиши жалобу. Чего меня по дворам таскаешь?

Грач уставился на него. Савр уже отступил от подножки, расправляя куртку. Я остался на месте. Протиснуться мимо меня он мог только силой — на глазах у хозяйки и Весты, после того как сам не смог подтвердить, кто его прислал.

— Смотрителю сам объясню, — бросил он и пошел к воротам.

Грач постоял еще немного. Склонил голову, заглядывая вглубь фургона, потом выпрямился.

— Вывели, значит.

Я промолчал. Он посмотрел на Весту, но та уже отвернулась к своему коню, стоявшему у ограды. Грач сжал челюсти и ткнул пальцем в мою сторону.

— Найду бумаги — по-другому заговоришь.

— Приноси смотрителю.

Он сплюнул возле колеса и ушел вслед за Савром. Я дождался, пока оба скроются за воротами, и только тогда спустился на землю. Над бровью все еще ныло, под рубахой было мокро.

Марфа посмотрела на меня.

— Девочка-то где?

— В безопасности.

Она задержала взгляд на фургоне. Я не стал ничего добавлять.

— Ладно. Про этого помощника все равно передам. По моему двору такие ходить не будут.

Хозяйка ушла к кухне. Веста проверила пряжку на конской сбруе и обернулась.

— На ряду свидетели остались. Торговка и хозяин железной лавки. Если спросят, к ним отправляй.

Я поблагодарил. Веста кивнула, будто речь шла о дороге или цене на овес.

— Работу возьмешь? У возчиков дорожная лебедка сломалась. Завтра на рассвете выходить, замены здесь нет.

Я посмотрел на нее. Еще минуту назад стоял в дверях, готовый оттолкнуть Грача с подножки, а теперь мне предлагали чинить лебедку.

— Что сломалось?

— На месте разберешься. Неисправную часть снимут, принесут. Три серебряных после проверки.

Три серебряных я пересчитал в уме сразу. Еда, корм, одежда ребенку. Уже можно было выбирать, что купить первым.

— Посмотрю. Заранее исправность не обещаю.

— Это понятно. Через полчаса пришло.

Она увела коня к навесу. Я вернулся в фургон, закрыл наружную дверь и присел на скамью. Боль постепенно отпускала. Осторожно коснулся насечек на косяке — больше ничего не произошло.

В памяти удержалось главное. Нареченный покров закреплен на наружных проемах. Изнутри видно то, что есть: комнаты, тамбур, двор за окнами. Снаружи — тесный отсек с обычной дорожной кладью. Поэтому Грач искал девочку за тюками, которых у меня перед глазами не было.

Но если бы Савр вошел, все пришлось бы решать иначе.

Я поднялся, отодвинул ящик и повернул ключ. За внутренней дверью было тихо.

Ника сидела за столом там, где я ее оставил. Ложка лежала поперек миски, каша почти не убывала. На мой шаг девочка подняла голову, но спрашивать не стала.

— Ушли, — сказал я и снял куртку.

Она еще несколько секунд вглядывалась мне в лицо.

— Грач тоже?

— Тоже. Его приятель никакой не помощник. Настоящий смотритель об этом еще узнает.

Я сел напротив, размешал остывшую кашу и попробовал. Ника следила за ложкой, потом придвинула свою миску. Ела понемногу, после каждого звука со двора прислушивалась. Когда возле конюшни стукнуло ведро, опять замерла.

— Это Сметке воду носят, — пояснил я. — Сейчас поешь спокойно.

Она кивнула, но проглотила только после того, как шаги за окном удалились.

Я налил воды и поставил кружку между нами. Расспросить про семью все равно надо было. Вчера она сказала лишь, что родителей нет. Может, оставалась тетка в соседнем городе или знакомый отца, у которого девочка могла пожить.

Отец умер зимой. Ника рассказывала коротко, глядя в миску. Делал крыши, сорвался, когда работал в мороз. Кто-то потом сказал, что сам виноват: полез на скользкое. За работу ему так и не отдали все, что обещали.

Мать умерла раньше, когда Ника была маленькой. Местной родни не осталось; о дальних родственниках она слышала, но где их искать, не знала.

Я спросил имя отца. Степан. Записал на свободном краю листка, рядом — улицу и человека, который остался ему должен. Ника следила за карандашом.

— Ты тоже записываешь?

— Чтобы не забыть, у кого спросить.

Она посмотрела на листок.

— Грач все в книжку пишет.

Я развернул бумагу к ней и показал, где имя отца, где улица. Ника придвинулась, провела пальцем по первой строчке. Читать, похоже, толком не умела, но эту запись разглядывала долго.

Потом я убрал карандаш и вернулся к еде.

К Грачу она попала уже после смерти отца. Сначала он давал за найденное железо похлебку и позволял ночевать под крышей. Потом оказалось, что мешок тоже стоит денег, место на полу — тоже. За потерянную скобу записали отдельно. За порванный рукав, за мало принесенного железа — еще.

Ника не знала, сколько должна. Когда пыталась спросить, Грач сердился.

— Я больше приносила, — сказала она. — Он все равно писал.

— Сегодня к нему не пойдешь. Поешь, потом место для сна устроим.

Девочка оглянулась в коридор.

— Здесь можно?

— Здесь.

Она помедлила, потом спросила про хозяина дома. Я ответил, что Хорван умер вчера, а утром мы его похоронили. Ника положила ложку и посмотрела в сторону передней, где стояли его туфли. Больше вопросов не задавала.

Мы доели молча. Я поднялся собрать миски, но девочка придержала меня за рукав. Из внутреннего кармана куртки она достала маленькую булочку, завернутую в бумагу.

Булочка примялась, сбоку прилипла к обертке. Ника осторожно отлепила ее, разломила и положила передо мной большую половину.

— Держи.

Я хотел отказаться, но она уже придвинула ко мне угощение.

— Я поела. Ты с утра все делаешь.

Булочку ей дали у пекарни за воду. Она берегла ее на вечер. Остаток Ника положила возле своей миски и посмотрела на меня, ожидая.

Когда внучка была маленькая, она так же делила со мной пирожок. Долго прикидывала, где больше начинки, потом совала мне тот кусок, из которого торчала вишня. Сама ела тесто и уверяла, что оно вкуснее. Я тогда тоже сперва пытался отказаться.

Я взял булочку.

— Спасибо.

Она была холодная, слегка подсохшая. Ника дождалась, пока я откушу, и принялась за свою половину. Крошки собрала пальцем, ни одной не оставила.

Я ополоснул посуду, нашел чистое одеяло и отнес в комнату, где спал сам. Девочка пошла следом. Возле кровати остановилась, пальцем потрогала край одеяла.

— На ночь здесь устроишься, — сказал я. — Белье поменяем. Я пока на кухне лягу.

Ника предложила скамью, но спорить со мной не стала. Постояла еще немного у кровати, потом вернулась на кухню.

Я собирался идти за работой, когда заметил: она опять смотрит на занавешенное окно.

— Через него нас не разглядели, — сказал я.

— Откуда знаешь?

Я сел на край стула. Надо было объяснить так, чтобы самому не запутаться.

— На фургоне покров. Наречение такое. Снаружи в дверь и окна смотрят — видят старую кладь. Изнутри все видно как есть.

Ника подумала, потом спросила:

— А если войдут?

— Тогда увидят настоящий тамбур. Поэтому чужих сюда пока не пускаем.

Врать ей, будто дом сам защитит от кого угодно, я не собирался. Девочка кивнула и посмотрела на внутреннюю дверь. Я показал ей еще раз, как действует засов, и пошел во двор.

Возчик принес снятый узел лебедки в мешковине. Поставил на край скамьи, развернул и показал погнутую деталь. Ручка вращалась, барабан тоже, но стоило отпустить — груз полз вниз.

Я присел перед узлом. Две железные щеки, ось, собачка, которая должна цепляться за зубцы. Тонкую пружинящую полоску вывернуло из крепления; на одном краю был задир, возле отверстия металл повело.

Возчик объяснил, что поднимали ларь. Его перекосило, дернули посильнее. До этого все работало.

Я повернул ось, подвел собачку к зубцу. Основное железо было цело. Полоску можно выправить, крепления совместить. Только подобраться неудобно: зажмешь в обычных тисках — губки закроют место, куда надо поставить вторую щеку.

— Посмотрю, нет ли трещины, — сказал я. — Если есть, эту деталь придется менять.

Возчик кивнул и оставил узел. Веста уточнила только одно:

— Проверять будем под грузом.

— Обязательно.

Она пошла за возчиком к его телеге. Я дождался, пока оба отойдут, закрыл наружную дверь и перенес железо в дом.

Ника встретила меня на кухне. Узнав, что это работа за деньги, пошла следом до мастерской. Я указал на свободный табурет возле стены, попросил пока посидеть подальше от верстака.

Она забралась на него с ногами.

Я разложил детали на старой ткани. Край полоски замяло, но трещины не оказалось. Очистил паз, снял задир, выправил металл. Пружинил он ровно, без хруста.

Вернуть полоску на место оказалось сложнее. Надо удержать изгиб, совместить отверстия и вставить ось. Вдвоем сделали бы быстро; одному пришлось бы прихватывать деталь проволокой, потом вытягивать ее из тесного зазора.

Я попробовал зажать полоску в тисках. Губки сходились криво: с одной стороны держали, с другой оставалась щель. Тонкий металл выворачивало. Вчера я заметил, что винт идет туго, но до разборки так и не добрался.

Теперь пришлось.

Под губками набилась засохшая грязь. Я снял их, вычистил посадочные места, проверил ход подвижной части. После чистки стало лучше, однако для такой мелкой работы тиски все равно были грубоваты. Мне требовалось ухватить узкую полоску, оставить оба отверстия свободными и не смять край.

На полке нашлись подходящие металлические обрезки. Выбрал два, примерил, отметил, сколько снять. Ника следила за руками. Когда я потянулся за напильником, она соскочила с табурета и подала ближайший.

Я поблагодарил, попросил тот, что помельче. Она нашла нужный и протянула рукоятку вперед.

Накладки получились узкими. Я подогнал их к губкам, закрепил, снял острые края. Несколько раз зажал ненужный обрезок, проверяя, не ведет ли. Теперь держало ровно, металл оставался целым.

Работать молодыми руками было до смешного приятно. Пальцы саднило после фонаря, но в суставах ничего не ныло. Можно прижать напильник как надо, повернуть кисть, несколько раз подряд затянуть винт. Я опять поймал себя на спешке и остановился проверить размер.

Полоску от лебедки новые губки удерживали хорошо. Первое крепление я подвел, со вторым снова вышла заминка. Чтобы посадить его на место, требовалось раскрыть тиски. Деталь сразу выпала.

Я поймал ее ладонью и положил на ткань.

Всего несколько секунд бы придержать. Развести губки, взяться за железо обеими руками, совместить отверстия. Потом ось вставлена, держать уже не надо.

Ника сползла с табурета и предложила помочь. Я посмотрел на ее пальцы, на тесный зазор между тяжелыми щеками.

— Здесь прищемить легко. Пока лучше смотри.

Она вернулась на место, а я снова взял полоску. Вспомнилась надпись, появившаяся после ремонта фонаря: «Доступно наречение созданных изделий».

Утром я видел, как это делает Радим. Сначала проверил каждую букву на плитке, исправил вырезанное. Потом дал ей имя.

Тиски я переделал сам. Подогнал, испытал. Знал, чего хочу от них.

Я положил ладонь на корпус. Возле губок металл чуть согрелся от рук, ниже оставался холодным. Надо, чтобы деталь удерживалась, пока я раздвигаю тиски и перехватываю инструмент. Мне в голову пришла мысль, которую я никак не мог прогнать. А, была не была...

— Напекаю: «Верный хват».

Ника перестала болтать ногой.

Сперва ничего не произошло. Я стоял с ладонью на тисках и уже собирался убрать руку. Потом под пальцами потеплело. Узкая светлая полоска прошла от неподвижной губки к подвижной и погасла.

Перед глазами появились строки.

Изделие: тиски.

Имя: «Верный хват».

Действие: сохраняет положение легкой детали после раскрытия губок.

Предел удержания: восемь ударов сердца.

Да-а-а-а, дела-а-а-а...

Я перечитал, осторожно повернул рукоять. Винт пошел ровно, как и после чистки. Губки разошлись. На вид — обычные тиски, разве что накладки свежие, светлее остального металла.

Я зажал тонкий обрезок. Проверил, стоит ли прямо, и медленно раскрыл губки.

Железка осталась между ними.

Я убрал руку, наклонился ближе. Слева зазор, справа зазор. Под обрезком пусто. Даже если между губками застряла тонкая проволока, я должен был ее увидеть.

Ника спрыгнула с табурета.

— Держится!

Я подставил ладонь. Через несколько мгновений обрезок упал на нее и больно стукнул по обожженному пальцу. Я выругался, переложил железку в другую руку и посмотрел на тиски.

Лебедка лежала рядом. От нее я уже отвлекся совершенно.

За жизнь я перевидал всякие приспособления. Электромагнитные плиты, подвесы, захваты, хитрые зажимы. У каждого было понятно, за счет чего держит. Подвести ток, создать давление, зажать, притянуть. Здесь я своими руками раскрывал губки и оставлял между ними железо.

Я снова установил обрезок.

На этот раз Ника крутила рукоять, а я нащупал пульс на запястье. Считал удары, глядя на неподвижную деталь. Восьмой — и она упала на приготовленную ткань.

Девочка засмеялась. Коротко, от неожиданности. Потом зажала рот ладонью, но глаза у нее так и остались веселыми.

Я взял сухую щепку, зажал вместо металла. Если магнит — с деревом ничего не выйдет.

Щепка тоже осталась висеть.

Я поднес палец, провел под ней. Ничего. Сбоку тоже ничего. Когда она упала, я поймал ее и невольно рассмеялся сам.

— Еще? — сразу попросила Ника.

— Сейчас.

Я отошел от верстака, потер лицо ладонями. Хотелось, чтобы рядом оказался кто-нибудь из наших, с завода. Поставить перед ним тиски, отойти и сказать: ну, давай, объясни.

Потом вспомнил, где остался завод, и смеяться перестал.

Тиски стояли передо мной. Никуда не исчезли. На верстаке лежала щепка, которую я минуту назад держал в воздухе. В семьдесят два года я еще мог удивиться железе сильнее, чем мальчишка.

Я потянулся к рукояти — и снова заболело над правой бровью.

На этот раз боль была резкой, короткой. Вместо верстака на миг возникло широкое окно кузницы. Я стоял снаружи, держался пальцами за край подоконника и едва доставал подбородком. Во дворе вокруг толпились люди.

У горна кузнец смотрел в пустоту перед лицом. Шевелил губами, потом выругался и схватился за новые клещи.

Челюсти у них раскалились докрасна. Кузнец держал рукояти голой ладонью.

Кто-то крикнул, чтобы бросил. Тот повернул инструмент, показал руку. На коже ничего не было. Стоявший рядом подмастерье потрогал рукоять, отдернул пальцы от неожиданности и полез проверять снова.

Пахло углем, мокрой шерстью, горячим железом. Возле моего уха спорили двое взрослых. Один уверял, что такие же буквы видел бондарь на соседней улице. Другой требовал позвать городского писаря: пусть разберется, что за напасть.

Картинка оборвалась. Я стоял у верстака, стиснув пальцами край. Ника держала меня за рукав.

— Тебе плохо?

— Голова. Сейчас отпустит.

Я сел на табурет. Некоторое время видел только ее руки и собственные колени. Потом боль ослабла, осталась тупая тяжесть под лбом.

Вместе с картинкой вернулось знание, которого минуту назад у меня не было. Так вспоминают давно забытый день: лица еще расплывчаты, но уже знаешь, когда это случилось и почему вокруг столько людей.

Семь лет назад.

Тогда у мастеров начали появляться надписи. Вещи, которые они делали, после наречения приобретали свойства, невозможные прежде. Люди пробовали, спорили, носили соседям показать удавшееся. Одни предметы работали, от других ждали зря.

Ярко видел начало.

Марфа ведь сказала: семь лет назад сама бы не поверила, что лампой зверя удержишь. Я услышал и отложил на потом, потому что в тот день хватало другого.

Выходит, этот мир совсем недавно обходился обычными печами, инструментом и замками. Люди по-прежнему ковали железо, шили одежду, строили. Только теперь хорошая вещь могла получить имя и делать то, чего от нее раньше невозможно было добиться.

Откуда все взялось, в воспоминании ответа не было. У кузницы как раз об этом спорили.

Я попробовал удержать в голове лицо кузнеца, вспомнить еще хоть что-нибудь. Под бровью снова кольнуло. Пришлось остановиться. Вытаскивать чужую память силой, похоже, было плохой затеей.

Ника принесла кружку воды. Я выпил, поблагодарил и немного посидел, пока она разглядывала тиски.

— Они теперь твои? — спросила девочка.

— Мои. Я их переделал.

— И имя твоё?

— Мое.

Она провела пальцем по краю верстака, до самого инструмента не дотронулась. Я поднялся и взял тяжелую заготовку.

— Давай еще одну проверку. Потом работать надо.

Зажал ее, подложил ветошь. Стоило раскрыть губки, заготовка сразу осела. Я подхватил ее, не дав стукнуть по столу. Ника посмотрела на легкий обреза, потом на тяжелый кусок. Я дал поддержать оба по очереди.

Предел был понятен. Восьми ударов сердца хватало не на все, тяжелое тиски не удерживали. Но для тонкой полоски от лебедки должны были сгодиться.

Я вернулся к ремонту.

Тиски удержали изгиб, я подвел первое крепление, раскрыл губки и обеими руками поставил второе. Отверстия совпали. Ось вошла почти до конца; я подтолкнул ее и закрепил.

Когда наречение перестало удерживать полоску, та уже стояла на своем месте.

Я несколько раз повернул ось в обе стороны, приглядываясь к собачке. К зубцу она прижималась плотно, на ходу отскакивала и снова садилась на место. Я проверил края, покрутил еще — нигде не закусывало.

Ника подошла ближе посмотреть на собранный узел. Я объяснил ей, что теперь надо испробовать его на самой лебедке, завернул железо и убрал инструмент. Девочке велел пока побыть в кухне. На тиски она оглянулась дважды.

Во дворе мы вернули узел на лебедку и попробовали поднимать груз: сперва полегче, потом тяжелее. Возчик сделал несколько оборотов и осторожно разжал пальцы на рукояти. Я следил за грузом — тот остался на прежней высоте.

Возчик снова взялся за ручку, поднял груз выше, приспустил и остановил. Под полной нагрузкой я осмотрел крепления и попросил все повторить. Он присел рядом, сам проследил, как собачка входит в зацепление, а уж тогда вытер ладонь о штаны и полез за кошельком.

Возчик отсчитал мне три серебряных. Я пересчитал деньги и спрятал во внутренний карман. Теперь Нике можно было купить рубаху, чулки и обувь; еще останется на корм и дорожные расходы.

— Утром еще проверю, — сказал я. — Если туго пойдет, сразу зовите.

— Хорошо, мастер, — ответил возчик и занялся лебедкой.

Он произнес это буднично, даже не взглянул в лицо. Получил работающую вещь, рассчитался. Я отошел к фургону, чувствуя монеты в кармане.

Веста стояла возле своих лошадей. На мой взгляд коротко кивнула и вернулась к разговору с другим возчиком. Хвалить меня она не стала.

У кухни остановила Марфа. Работник вернулся от смотрителя: никакого Савра тот помощником не назначал. Грачу велел прийти с письменной жалобой. Имена торговцев, видевших нападение, ему уже передали.

— Сейчас этот у него шумит, — добавила хозяйка. — Пусть там и объясняет, что за помощников с собой водит.

Я поблагодарил. Марфа потянулась за ведром, я переставил его на ступеньку поближе.

— Девочке одежда нужна? — спросила она.

Я кивнул.

— Тогда зайди, как закончишь. У меня знакомая рядом шьет и старое продает. Через заднюю калитку пройдем, рядами тащиться ни к чему.

Ника встретила меня на кухне. Стояла у мойки, полоскала обе миски. Рукава закатала до локтей, на полу опять было мокро.

— Вытру, — сказала она прежде, чем я успел открыть рот.

— Потом вытрем. Посмотри лучше.

Я выложил на стол три серебряных. Девочка поставила миску и подошла. Монеты не трогала, только наклонилась над ними.

— За железку?

— За ремонт.

Она потянула вниз короткий рукав куртки. Я убрал деньги и сказал, что сейчас пойдем за одеждой. Ника начала возражать, но осеклась: перед моими глазами снова появились строки.

Первое собственное наречение завершено.

Уровень создателя: 2.

Доступен выбор умения.

Сила имени. Усиливает действие ваших новых наречений.

Чутье связей. Позволяет при касании различать сохранившиеся связи в нареченных вещах.

Ника посмотрела на меня, потом в пустое для нее место перед моим лицом.

— Опять буквы?

Я кивнул. Она сказала, что отец иногда тоже останавливался вот так и смотрел перед собой. Значит, кузнец в воспоминании Яркого был далеко не единственным. Здесь уже успели привыкнуть к тому, с чем я разбирался второй день.

Я сел за стол и прочел оба предложения еще раз.

Усилить собственные имена хотелось сразу. Тиски уже работали. Сделать следующие мощнее, чтобы держали тяжелое, — это вполне понятная польза. Больше заказов, меньше возни.

Но в мастерской Хорвана лежали разобранные узлы. На рынке я видел целые кучи железа. Семь лет люди создают нареченные вещи, и семь лет эти вещи ломаются. Кто-то выбрасывает, кто-то хранит в надежде починить.

Фонарь погас из-за перекошенной трубки. Само наречение никуда не делось.

Если получится различать, что в старой вещи сохранилось, хотя бы буду знать, за какую стоит браться. Ремонтировать я умел.

Я выбрал чутье связей.

Надпись исчезла. Ничего особенного не случилось: ни жара в ладонях, ни вспышки. Я потрогал кружку, край стола. Обычная глина, обычное дерево.

Ника ждала.

— Тиски остались? — спросила она.

— Остались. У них свое имя, его я не менял.

Она заметно успокоилась. Я поднялся за курткой, по дороге заглянул в мастерскую. Между губками «Верного хвата» лежал легкий обреза. Я затянул винт, потом раскрыл тиски.

Железка осталась висеть.

На этот раз я только постоял рядом и дождался, когда она упадет.

Марфа ждала у задней калитки. При виде Ники задержала взгляд на ее шее, но спрашивать, где девочка пряталась, не стала. Мы прошли узким проулком между дворами. До торговых рядов оттуда даже не было видно.

Ника держалась возле меня, за руку не бралась. На открытом месте отставала на полшага, прячась за плечом. Я не торопил.

Лавка Марфиной знакомой помещалась в пристройке к дому. Под навесом висела одежда, у стены стояли корзины с тканью. Внутри пахло шерстью и травами.

За столом сидела женщина с толстой косой, уложенной вокруг головы. Она придержала ладонью шитье и подняла глаза.

— Доброго имени, Марфа.

— И тебе доброго. Девочке надо подобрать. Чтобы носилось.

Портниха отложила работу, позвала Нику ближе. Та сперва прижалась ко мне, потом все-таки подошла.

Первую рубаху отложили: велика. Следующая подошла. Ткань была плотная, мягкая от стирок. Возле ворота аккуратно поставили заплатку в цвет, рукава оставались целыми и ладони выглядывали как надо.

Я осмотрел швы, попросил Нику поднять руки. Нигде не тянуло.

— Берем.

Девочка сразу опустила руки.

— Ты цену не спросил.

Портниха назвала цену. Я кивнул и попросил подобрать чулки и обувь. Ника держала рубаху перед собой, будто боялась выпустить.

С обувью чуть дольше провозились. Одна пара жала возле пальцев, другая болталась на пятке. Девочка уверяла, что подойдет, но я велел пройти до двери и обратно. Уже на третьем шаге стало видно, что ей не удобно.

— Снимай. Другую найдем.

— Разносится.

Я посмотрел на нее.

— Я в тесной обуви достаточно находился. Еще одну покажите.

Портниха полезла на нижнюю полку. Подходящая пара нашлась в отдельной корзине. Ношенная, зато подошва крепкая, носки целые. Ника прошла, остановилась, пошевелила пальцами. На этот раз вроде удобней стало.

За покупки я отдал серебряную и несколько медных. Кошелек еще ощутимо тянул карман. Рубаха, чулки, обувь у девочки уже были, на еду и корм тоже осталось.

Пока портниха складывала старые вещи в мешок, я осмотрел лавку. У дальней стены стояла низкая корзина с распоротыми рукавами, ремешками и обрезками. Поверх лежала детская куртка, вывернутая подкладкой наружу.

Я заметил хороший верх: темная плотная ткань, потертая на локтях, но еще крепкая. Пуговицы все на месте. Возле правого плеча подкладка разошлась.

Проходя мимо, я задел свисавший край, и под пальцами кольнуло. Ощущение было коротким, будто через ткань коснулся натянутой тонкой проволоки. Убрал руку — исчезло.

Я присел и взял куртку.

— Эта продается?

— На лоскуты оставлена, — ответила портниха. — Верх хороший, подкладка расползлась.

Я провел ладонью по внутреннему шву. Возле ворота проступила бледная надпись. Часть букв расплывалась, другие оставались четкими.

«Теплый шов».

На самой ткани ничего написано не было. Я повернул ее к свету, убрал пальцы, снова приложил. Надпись появилась на том же месте.

— Нареченная? — спросил я.

— Была.

Портниха подошла, показала маленькую метку под воротником. Куртка держала печное тепло до утра: нагреешь вечером, наденешь — и всю ночь тепло, пока ткань сухая, а подкладка целая.

Ярко, наверное, слышал о таких вещах. Я попробовал вспомнить, но голова отозвалась тупой болью. Оставил эту затею. Портниха вон, стояла рядом и могла сама рассказать.

Куртку разодрали. Прежняя хозяйка подлатала ее, как сумела, потом подкладка снова вырвалась. После этого наречение перестало действовать.

Ника слушала, вытянув шею.

Я осмотрел край. Старые стежки шли мелко. Поверх них пытались пришить подкладку другой ниткой, крупнее. Новый шов стянул ткань; возле плеча она вырвалась вместе с узкой полоской основы.

Портниха объяснила, что заменить подкладку для обычной носки можно. Но прежнего тепла от этого не будет. Такие вещи уже приносили, она пробовала. Наречение после замены не возвращалось.

Я кивнул и приложил большой палец к месту, где заканчивался старый шов.

По краю проступила тонкая светлая линия. Уходила вниз, огибала боковой шов, поднималась к другому плечу. Когда убрал руку, поблекла.

Значит, надо касаться.

Я провел подушечками пальцев вдоль крепления. Теперь различались и другие линии. Они проходили глубже обычных ниток, соединяли ворот, плечи, внутренние швы. Большая часть оставалась целой.

Возле разрыва одна линия обрывалась. На сохранившемся куске подкладки я нашел ее продолжение.

Я поднес края друг к другу.

Светлые концы почти совпали. Между ними оставался небольшой промежуток. Я чуть повернул ткань, проверяя, куда должен лечь старый шов. Линия стала отчетливее.

Портниха смотрела на мои руки.

— Если девочке надо, другую выберем. Эту еще чинить и чинить, новая подкладка выйдет дороже.

Ника отвернулась и начала складывать купленную рубашу. Тщательно совмещала рукава, разглаживала ладонью заплатку.

— Мне моей пока хватит, — сказала она.

Я попросил ее немного подождать.

Куртка больше не грела, это верно. Но наречение почти целиком сохранилось. Под пальцами я различал его от ворота до нижнего края. Порвано было одно соединение, и оба его конца оставались здесь.

Портниха умела сшить новую подкладку. Я видел, что менять всю не требуется.

Я положил куртку на край стола.

— Дадите иглу и нитки? Хочу проверить.

Женщина посмотрела на Марфу. Та пожала плечами.

— Ворота мне вчера поправил, сегодня лебедку возчикам. Дай попробует.

Портниха отодвинула свое шитье и принесла иглу. Положила рядом несколько мотков, предупредила, чтобы я не выдергивал старые стежки: ткань возле них едва держится.

Я как раз собирался их сохранить.

Ника подошла с другой стороны стола. Посмотрела на раскрытую подкладку, на мои пальцы.

— Она ведь больше не греет.

— Пока не греет.

Я выбрал нитку, проверил ее на разрыв. Подвинул куртку к свету и еще раз нашел оба конца линии. Теперь они были видны отчетливо.

Ника молча придвинула мне стул.

Я сел, расправил подкладку и совместил старые края. Здесь надо было попасть точно в прежнее крепление. До целой линии не хватало совсем немного — одного правильно положенного стежка.

От автора: Доброго имени, дорогие читатели! Это моя первая попытка что-то написать, поэтому для меня очень важна обратная связь, о-о-очень сильно нужны

Ваши 5 "звездочек", чтобы я понимал нравится ли Вам написанное, али нет. Огромное Спасибо Вам за то, что поставили 5

Глава 4

Игла прошла в старый прокол. Я придержал большим пальцем расплывшийся край, подтянул нитку — и два тусклых конца соединились. Под подкладкой проступила золотистая полоска. От моего стежка она потянулась к воротнику, свернула вдоль плеча и скрылась в сгибе.

Я остановился, полоска оставалась на месте.

Стоило слегка ослабить нитку, как возле прокола снова появилось темное пятнышко. Прижал ткань, вернул натяжение. Теперь держалось. Я осторожно отвел большой палец и, прежде чем закреплять, еще раз расправил плечо.

Над столом наклонилась портниха.

— Что там?

— Крепление сошло. Сейчас посмотрим, надолго ли.

С одного стежка толку не будет, если Ника завтра поднимет руку и выдернет его вместе с клочком подкладки. Ткань вокруг истончилась, местами просвечивала. Я выбрал крепкий участок, подхватил его вторым стежком и распределил натяжение. Старую нить оставил, расправив возле узелка.

Свет больше не прерывался.

Пока я работал, хозяйка держала возле моей руки маленькую подушечку. Каждый раз, когда откладывал иглу на стол, она все ближе передвигала подушечку. На третий раз я догадался и воткнул иглу в ткань.

— Привык на верстак класть, — сказал я, стараясь скрыть неловкость от своей недогадливости.

— У меня одна в щель ушла. Полдня искали.

Она перевернула подушечку, будто проверяя, хорошо ли воткнул. Возле края торчали еще две иглы: потолще и короткая, с широким ушком. Все слегка отличались друг от друга.

Я вспомнил коробку у жены. Иглы десятками лежали в пакетиках, старые булавки мы собирали магнитом, а гнутые без раздумий выбрасывали. Здесь над каждой тряслись. А ведь при их технологиях надо тянуть металл, точить, пробивать ушко, доводить, чтобы нитку не резало.

Портниха перехватила мой взгляд.

— Эти из Рудного. У нас хоть с железом полегче. Обозники с юга берут сразу по десятку, если хорошие попадутся.

— Рядом делают?

— Полдня пути. Руду там копают, кузен мой уголь возит. Гвоздь купить можно, а такую попробуй найди.

Она коснулась самой тонкой иглы ногтем и убрала подушечку от края.

Теперь становилось чуть понятнее, почему в здешних воротах я видел железные полосы, а порванную детскую куртку собирались разбирать до последнего лоскута. Руда поблизости, кузни тоже. А вот хорошую ткань везли издалека. Да и работа мастера стоила денег независимо от того, много ли железа лежит в горе.

Ника стояла с другой стороны стола. Она следила за моими пальцами и время от времени заглядывала под отогнутый край.

— Здесь еще дырка, — сказала она.

— Да обычный разрыв. Зашьем.

— Я могу.

Она протянула руку, но остановилась, дожидаясь разрешения. Я показал участок ниже плеча. Золотистая линия проходила в стороне, ее было трудно задеть. Портниха вынула из узкого костяного футляра вторую иглу, проверила острие и отдала девочке.

— Закончишь — сюда воткнешь. На столе не оставляй.

Ника согласно махнула копной волос. Она быстро продела нитку, конец закрепила маленьким узлом. Подвернула рванный край внутрь и принялась шить ровными короткими стежками.

Я придерживал куртку, чтобы подкладку не перекашивало, и проверял плечо. Новое крепление выдержало, когда вытянул рукав и согнул его в локте. Под пальцами линия отзывалась слабым покалыванием. На обычной ткани ничего подобного не было.

Раньше я бы начал разминать кисть, решив, что отлежал руку, а сейчас сидел в незнакомой мастерской, трогал старую куртку и искал в ней магию. При этом сама работа оставалась до смешного привычной: закрепить то, что разошлось, уберечь целое, проверить под нагрузкой.

Ника закончила раньше, чем я ожидал. Ее шов получился аккуратнее моего. Равный шаг, края сошлись без складки. Портниха провела по нему пальцем, одобрительно хмыкнула и дала кусочек ткани укрепить слабое место ниже.

— Мать показывала? — спросила она.

Девочка кивнула, продолжая шить. Хозяйка больше расспрашивать не стала.

Я закрепил последний стежок на плече и вернул иглу в подушечку. На ладони остался едва заметный золотистый отсвет, потом исчез. В самой куртке связи теперь прослеживались

целиком: вдоль плеча, к воротнику, вниз по спине. Объяснить, что именно вижу, я пока не смог бы. Ни ниток таких не существовало, ни проволоки. Пальцами ощущалось одно, глазами — другое, и оба ощущения совпадали только тактильно, при касании.

Надо было привыкать.

У стены топилась маленькая печь. Хозяйка убрала с сушильной рамки чулки, освободила место. Мы расправили куртку, поставили на расстоянии ладони от горячего бока. Я несколько раз повернул ее, проверил подкладку. Ткань нагревалась понемногу.

Ника подставила руку под рукав и улыбнулась.

— Уже.

— Погоди.

Я попросил ненужный обрезок такой же ткани. Портниха немного поискала и принесла лоскут величиной с ладонь. Даже его осмотрела, выбирая худший край.

Мы нагрели оба, затем я вынес куртку под навес у задней двери. Повесил на свободный крюк. Лоскут положил рядом на перевернутое ведро. В переулке тянуло холодом, под воротом сразу стало зябко.

Ника выглянула из-за моего плеча. Я предложил ей вернуться к столу, пока куртка висит, и заняться вторым манжетом. Девочка послушалась, хотя до последнего оглядывалась на крюк.

Марфа сходила к себе и вернулась с хлебом и сыром. За едой портниха рассказала про эти куртки. Три зимы назад их привезли с обозом. Несколько одинаковых, разных размеров, все с одним свойством. Прогреешь у печи — до утра можно идти в холодную ночь. Создатель потом уехал на юг. Кто-то говорил, что нанялся к большому торговому дому; сама хозяйка его больше не видела.

Со временем у курток расходились швы. Детям надставляли рукава, меняли подкладку, и после некоторых переделок наречение пропадало. Эту принесли вместе с изношенной одеждой, в счет долга за шитье.

— Двум мастерам показывала, — сказала хозяйка. — Оба велели вынимать подкладку. Одну ткань оставить. Потом заново нарекать, если возьмутся.

Я посмотрел на мои неровные стежки. Она зашила бы лучше. И те мастера, вероятно, разбирались в своей работе. Только я знал, какое крепление надо сохранить, а они, судя по всему, его уже не различали.

Вот зачем оказалось нужно новое чутье.

Раньше приходилось искать неисправность по звуку, нагреву, едва заметному люфту. У меня добавился еще один способ. Пока я видел только то, что касалось пальцев, и быстро уставал от непрерывного внимания. Тем не менее плечевой шов мы нашли за несколько минут. Разбирать всю куртку не надо.

Под конец ожидания портниха дважды выходила к задней двери. Первый раз трогала только рукав, второй забралась ладонью под подкладку. Вернулась, ничего не сказала и взялась за свою работу. Начала быстрее шить.

Когда за окном стали закрывать ставни, она отложила ножницы.

— Теперь час точно прошел.

Лоскут на ведре остыл. Я приложил его к внутренней стороне запястья, потом дал хозяйке. Куртка снаружи тоже была прохладной.

Под подкладкой сохранялось ровное тепло.

Я провел рукой вдоль спины, проверил плечи. Портниха отодвинула меня локтем, сама сунула ладонь внутрь. Поддержала, распахнула куртку и ощупала воротник.

— Да чтоб тебя...

Она осеклась, вспомнив про Нику, и посмотрела на меня уже совсем иначе.

Перед глазами появились строки:

Реестр создателей

Восстановлено наречение: «Теплый шов».

Прежнее имя сохранено.

Свойство: удержание накопленного тепла.

Я дважды прочитал сообщение. Вчера вернул подачу масла в фонарь, сегодня восстановил чужую работу так, что сохранилось наречение. Ничего о третьей ступени Реестр не сообщил, но теперь у меня было подтверждение: это получилось.

Снять куртку с крюка хозяйка позволила только после еще одной проверки. Заглянула в разрыв, потрогала мой стежок, затем велела Нике надевать.

Девочка просунула руки в рукава. Куртка была немного велика, зато плечи сидели свободно. Я подвернул манжеты, попросил вытянуть руки и обнять себя. Нигде не тянуло.

На второй пуговице Ника остановилась. Прижала ладони к бокам, потом спрятала подбородок в воротник.

— Теплая.

— До утра проверим. Если начнет остывать, скажешь.

Она застегнула остальные пуговицы и больше снимать куртку не собиралась.

За нитки и укрепляющий лоскут я заплатил. Хозяйка пересчитала медь, часть вернула: мы израсходовали меньше, чем она прикидывала. Саму куртку отдала по прежнему уговору. В корзине та уже числилась тряпьем.

Но у двери портниха придержала меня за рукав.

— Ярко, у сестры покрывало есть. Дорожное. В дождь заворачивались, внутри все сухо было. Теперь один угол мокнет. Она на него целый сезон откладывала.

Я спросил, что с ним случилось. Покрывало зацепили за железо на телеге, потом зашили. После стирки перестало работать. Прежде чем обещать, надо было самому посмотреть.

— Принесет — осматрю.

Хозяйка сразу уточнила, сколько возьму за восстановление. Я подумал и назвал серебряный, если будет похожее повреждение и удастся сохранить имя. Если работа будет сложнее, сначала договоримся.

Она без торга приняла сумму.

За обычный шов столько бы никто не дал. За целое дорожное покрывало с работающим наречением — охотно. Я запомнил и это.

Мы вышли с Никой и Марфой в переулок. Девочка шла, засунув руки в карманы, и время от времени прижимала локти к бокам. На ветру ей теперь было тепло.

А у меня появился первый заказ. Странно, если честно. И мир странный, и заказ такой же.

Мы возвращались задней улицей. У лавок снимали навесы, запирали ставни. Возле одной двери хозяин собирал с прилавка железные скобы и пересчитывал, перекладывая в ящик. Небольшой обломок тоже подобрал.

После разговора об иглах я начал замечать то, на что не обращал внимания. Железа здесь хватало: на воротах, колесах, в упряжи. Только никто им не разбрасывался. У Марфы в кладовой стояла отдельная корзина для сломанных петель, гнутых гвоздей и старых подков. Грач, похоже, собирал по дворам как раз такое добро.

Руда под боком еще не означала бесплатного металла. Ее надо добыть, довезти, выплавить. Потом кузнецу расплющить заготовку, закалить, подогнать. Я прикинул, сколько рук прошло через иглу портнихи.

На Сосновом дворе пахло горячей едой. Из конюшни донеслось ржание. Сметка высунулась из стойла и потянулась к нам, раздувая ноздри. Ника подставила ладонь, кобыла обнюхала пальцы и принялась искать что-нибудь в рукаве.

— Карманы проверяет, — сказал я. — Следи за пуговицами.

Ника тихо засмеялась и погладила ее по шее.

Корма оставалось на дне. Мягкое Сметка ела охотно, на сухой овес в соседней кормушке не смотрела. Я попросил работника узнать, кто лошадям здесь зубы лечит. Он назвал человека с Нижней улицы и обещал утром передать.

Марфа дождалась, пока мы отойдем от стойла, и рассказала новости. Настоящий смотритель уже выслушал торговцев. Савр у него никогда не служил. Грачу велели принести бумагу о долге и назвать свидетелей, которые видели, как этот долг возник. Тот пошумел, затем ушел.

— Вернуться обещал, — добавила хозяйка. — Но сюда пока не приходил. Нашим я сказала: будет буянить, сразу меня звать.

Ника стояла возле моего локтя. При имени Грача лицо у нее стало неподвижным.

Я поблагодарил Марфу и повел девочку к фургону. Разговаривать о долгах посреди двора больше не хотелось. На сегодня хватило.

У подножки остановился и поднял голову. Фургон стоял на прежнем месте, подпертый под колесо камнем. Крыша, стенки, облучок. Я мог достать до карниза, если вытянуть руку. Между колесами помещалось меньше шагов, чем между кухонным столом и печью внутри.

За вчерашний вечер я уже обошел его со всех сторон, проверил окно, потрогал колеса. Толку от этого мало. Каждый раз, подходя снаружи, снова пытался мысленно втиснуть туда комнаты.

И каждый раз ничего не выходило.

Ника заметила, что я задержался.

— Что?

— Да вот смотрю.

Она тоже оглядела фургон, потом кивнула с неожиданным пониманием.

Сначала вошли в тамбур. Здесь все было обычным: тесный проход, закрепленные ящики, дорожная постель, несколько связок инструмента. Я затворил наружную дверь, освободил скрытый замок и отодвинул внутреннюю створку.

За ней тянулся коридор.

Я не первый раз его видел, но все равно задержался на пороге. Неплохая планировка. Слева находилась кухня с печью, столом и мойкой. Справа — мастерская. Дальше по коридору располагались комнаты, кладовая. В воздухе стояло оставшееся после готовки тепло. Из широкого кухонного окна было видно крыльцо Марфы, тот самый столб, мимо которого мы только что прошли.

Я зашел внутрь, закрыл проход и невольно оглянулся на стену. За ней должны были находиться заднее колесо и грязный двор. Вместо этого справа открывалась мастерская, где вдоль стены стоял длинный верстак.

— Разувайся, — сказал я Нике. — Сейчас поедим.

Она села у входа и взялась за шнурки. Я прошел к кухне, положил на стол сверток с покупками, но не стал разбирать. Достал медную мерную ленту Хорвана.

Надо было хоть понять, чем я владею.

Измерял без особой точности, прикладывая ленту туда, куда дотягивался. Кухня выходила как в приличном доме. Мастерская еще больше. Длинный коридор, две жилые комнаты, маленькое помещение рядом с кухней, кладовая — навскидку под сотню квадратных метров.

Я вернулся к входу и постоял с лентой в руке.

Сотня метров. Своя мастерская, свой стол, место под станок, отдельная постель. И все это стоит на четырех колесах, которые тянет одна лошадь.

На Земле я годами прикидывал, как бы расширить гараж. Куда поставить верстак, чтобы можно было обойти машину, где хранить длинный металл, как провести отопление. Сначала денег не было, потом свободного места. Под старость руки дошли, да только сил поубавилось.

Здесь я мог расставить инструмент и работать хоть завтра. Отъехать от надоевшего соседа. Остановиться ближе к заказу. Закрыть дверь и остаться дома, где бы ни стоял фургон.

Поймал себя на том, что улыбаюсь пустому коридору.

Потом взгляд упал на обувь Хорвана у стены. Улыбка пропала. Ленту я аккуратно смотал, убрал в карман. Про Вежень и Матвея Рудина забывать не надо. Просто впервые за весь день по-настоящему понял, что старик мне оставил.

Ника уже переобулась. Новую пару поставила рядом со старой, выровняла носки. Куртку сняла и повесила на спинку стула, подальше от печи: хотела проверить, долго ли будет греть сама.

Я показал ей маленькую комнату рядом с кухней. До сих пор туда только заглядывал. Внутри стоял пустой сундук, у стены лежало несколько свернутых кусков ткани. На единственной полке пылилось пустое глиняное блюдо.

Комната была узкой, но кровать и небольшой стол здесь поместились бы. Дверь закрывалась плотно. У окна хватало места присесть с шитьем.

Я раскрыл ставню. За стеклом оказалась конюшня. Работник как раз выносил ведро и выругался, плеснув себе на сапог. Окно изнутри было широким, светлым. Снаружи на этом месте была узкая щель под крышей фургона.

Ника выглянула, потом посмотрела на меня.

— А нас видно?

— Снаружи нас не видят. Но кричать через окно все равно не стоит. Слышно наверняка хорошо.

Она отступила, оставив окно открытым ровно настолько, чтобы проветрить.

— Здесь будешь жить, — сказал я.

Ника еще раз обвела комнату взглядом.

— А вещи?

— Ткань уберем в кладовую. Сундук можешь оставить себе.

Она осторожно приподняла крышку. Та оказалась тяжелой, я подхватил ее и придержал. Внутри пахло сухим деревом, на дне лежал кусочек мела.

— Только крышку потом переделаю, чтобы пальцы не прихлопнула. Пока сама не открывай.

Мы перенесли ткань в кладовую. Ника вызвалась вытереть пыль, и я принес ей таз с водой. Ручка насоса над кухонной мойкой двигалась туговато, но вода пошла сразу. Я подставил ладонь, умылся и вдруг представил, как выглядел бы снаружи человек, который пытался найти под нашим фургоном водяную бочку.

Опять усмехнулся.

Здесь предстояло разобраться со многим. Я еще не знал, откуда берется вода и что происходит, когда фургон едет. Но сейчас она текла из крана, печь грела, через окно проникал вечерний свет. Все это можно было проверить руками.

Ника так старательно терла подоконник, что я даже попросил не сдирать покрытие. Оставил ее обживаться и вышел к Марфе.

С кроватью хозяйка помогла. У нее в кладовой хранилась старая разборная: прежде стояла в комнатке под лестницей, потом там устроили хозяйственный угол. Кровать оказалась узкой, крепкой, с двумя спинками и веревочной сеткой под тюфяк. В одном соединении отсутствовал клин.

Я перевернул ее, проверил ножки. Сухая, без трухи. На боковине сохранились следы старого ремонта, однако держалось все хорошо. Примерил ладонью ширину — ребенку хватит, и когда подрастет, тесно не станет.

Цену Марфа назвала вполне взрослую. За две спинки и несколько продольных деталей на Земле я бы столько отдавать пожалел. Здесь вспомнил осторожность портнихи с лоскутами и начал заново считать. Ровное сухое дерево надо где-то взять, выдержать, обработать. Сосны вокруг росли, но кровать из них сама собой не получалась.

Хозяйка добавила, что новую у Радима закажут почти вдвое дороже, еще ждать придется. Я покачал соединение, показал отсутствующий клин. Она немного уступила. На том и сошлись.

Отдельно Марфа вынесла тюфяки. Нике выбрал плотно набитый сухой соломой, себе — помягче, с добавкой растительного пуха. Молодость молодостью, а еще одну ночь на комьях я проводить не собирался.

Чистая простыня и маленькая подушка тоже стоили денег. Хозяйка разворачивала ткань передо мной, показывала швы, места, где перешивали чехол. Я купил и то и другое. На одежду второй раз тратиться не требовалось: рубаха, белье и обувь уже лежали в доме.

Когда расплатился, кошель заметно полегчал. Однако серебро еще оставалось. Еда и корм были оплачены, утром могли принести покрывало. До Вежени все равно надо было ехать с запасом, и я решил пока больше ничего не покупать.

Кровать разобрали у кладовой. Работник помог донести части до фургона, оставил на подножке и ушел. Ника принимала легкие вещи за внутренней дверью. Я переносил их по очереди, каждый раз закрывая наружную.

Дважды проходил мимо возчик. На разборную кровать он покосился, но расспрашивать не стал. В фургоне хватало места для такого груза. Куда я собираюсь ее поставить, его не касалось. Интересно, Марфа не подозревает ли меня в чем-то незаконном?

Кровать собирали уже при лампе. Потерянный клин я вырезал из подходящего обрезка. Мог бы сделать его красивее, только сейчас не до красоты, надо чтобы просто хорошо держал. Подогнал, осадил легкими ударами, натянул сетку.

Ника придерживала изголовье. Потом забралась на постель и осторожно покачалась. Вертки скрипнули, ножки остались на месте. Я сам надавил всем весом, проверил углы.

Надежно.

Сундук переставили к стене. Под крышку я подобрал подпорку с выемкой, чтобы случайно не сдвинуть. Крепление я решил пока оставить временное. В стене сохранились отверстия от старых крючков; туда и вставил два гладко обструганных колышка — нижний для Никиной куртки, тот, что повыше, для остальной одежды. Позже сделаю получше. Из кухни принёс маленький табурет и поставил у окна, под полкой. Здесь Ника могла шить при дневном свете или смотреть во двор.

От двери я ещё раз оглядел комнату. Кровать и сундук поместились, у окна осталось где посидеть. Взрослому было бы тесно, а для девочки в самый раз. Ника сидела на краю тюфяка, прижав руки к коленям.

— Сколько дней можно?

— Что можно?

— Здесь спать.

Я положил молоток на сундук. Она подвинулась к самому краю, будто уже собиралась вставать.

— Это твоя постель. Утром заправишь — и всё. Сворачивать её и отдавать кому-нибудь другому не надо.

Ника погладила чехол.

— А если люди приедут?

— Гостей устроим в другом месте. Здесь твоя комната.

Она посмотрела на крючок и полку, потом повернулась к двери.

— Закрывать можно?

— Можно, щеколда изнутри. Если одной страшно, оставляй приоткрытой.

Я показал, как поднять деревянную щеколду, и попробовал закрыть дверь. Та задевала снизу, так что пришлось подтянуть петлю и убрать сор с порога.

Ника несколько раз открыла и закрыла ее сама. Потом вынесла из кухни чистые вещи и начала складывать в сундук.

Каждую сперва расправляла на кровати.

Я не торопился. Собрал стружку, убрал инструмент. Когда вернулся, на полке уже лежали гребешок и аккуратно сложенный пояс. Куртка висела на нижнем крючке. В пустой комнате появились ее вещи.

Перед ужином мы еще раз прошли к выходу. Я дал Нике самой отодвинуть внутреннюю защелку, попасть в тамбур, открыть наружную дверь. Ключ изнутри не нужен был.

— Если задержусь, отсюда можешь выйти сама. Сперва послушай, кто на дворе. Двери открывай по очереди.

Она повторила, закрыла и открыла еще раз, осторожно выглянула наружу. Возле конюшни стоял Марфин работник, и Ника сама дождалась, пока он отвернется.

Я объяснил, что при пожаре или другой беде ждать моего разрешения не надо. Она нахмурилась при слове «пожар», посмотрела в сторону печи. Пришлось показать, где лежит совок, куда закрывается заслонка и почему вещи возле топки мы не оставляем.

Потом поели. Я разогрел кашу, добавил немного масла, нарезал хлеб. Ника свою миску опустошила и на этот раз сразу согласилась на добавку.

После ужина она вымыла посуду, а я поменял тюфяк. Старый свернул и убрал в кладовую. Новый приятно пружинил под ладонью. Я сел, снял сапоги и некоторое время просто сидел, вытянув ноги.

Из кухни доносился плеск воды. За стеной теплилась печь. В мастерской лежали мои инструменты, возле верстака оставалось свободное место, которое давно хотелось занять чем-нибудь полезным.

Под сотню квадратов.

Я покачал головой и рассмеялся вполголоса. Соседи на Земле годами выплачивали за жилье, в котором меньше места. А у меня еще и переставить весь дом можно так, как будет удобнее работать. Надо лишь о колесах заботиться и Сметку кормить вовремя.

По коридору прошла Ника. Пожелала спокойной ночи и скрылась у себя.

Чуть позже я вышел проверить печь. Новые ботинки стояли ровно у ее двери. Старые она убрала под сундук. Спать легла уже раздетой, рубаху повесила на свободный колышек. Куртку растелила поверх одеяла.

— Все еще теплая, — сказала она, когда я заглянул.

Я потрогал подкладку. Работало.

Ника повернулась на бок. Одну руку оставила поверх починенного плеча, другую подложила под щеку. Дверь попросила прикрыть наполовину.

Я так и сделал.

Утром куртка оставалась теплой. Ника принесла ее еще до завтрака, сунула мне в руки и ждала, пока проверю.

За ночь тепло ослабло, но сохранилось по всей подкладке. Я ошупал плечо, согнул рукав. Нитка держала, возле старых проколов ткань не расползлась.

Одно свойство мы теперь знали: прогретую куртку можно надеть вечером и дожить в ней до утра. Вторая проверка будет в дороге, когда придется двигаться, попадать под ветер, может быть, под дождь. Обещать девочке вечное тепло нельзя.

— Перед выходом еще погреем, — сказал я. — Только вплотную к печи не вешай.

Она сама отнесла куртку на рамку и отмерила расстояние ладонью, как вчера делал я.

Пока завтракали, мне несколько раз хотелось попросить ее снова дать вещь. Проследить наречение целиком, сравнить крепления справа и слева, понять, откуда оно берет способность так долго сохранять тепло. На Земле я бы искал слой утеплителя, отражающую пленку, хитрую ткань.

А здесь все шупал. Обычная подкладка.

Я отхлебнул из кружки, посмотрел на печь. Фургон у меня внутри больше, чем снаружи; детская куртка хранит жар всю ночь. При этом ложка гнется, если наступить, печная дверца провисает, а лошадь страдает от больного зуба.

Надо было выяснять по отдельности. Иначе за каждым обедом буду сидеть с открытым ртом.

После завтрака я занялся Сметкой и проверил тормоз. Временное соединение держалось, однако далеко отправляться с ним нельзя. Снял размеры, осмотрел железо. Штырь, которым спаслись на спуске, слегка погнуло. Для нового требовалась подходящая заготовка. Хорошо, что поблизости кузницы.

Радим пришел, когда я заканчивал.

В правой руке он держал сверток, левой поддерживал снизу. Два пальца поврежденной кисти оставались полусогнутыми.

— Доброго имени, Ярко.

— И тебе доброго.

Он поглядел на тормоз, спросил, что собираюсь менять. Я показал изгиб. Столяр кивнул, предложил после работы назвать кузнеца. Затем положил сверток на стол под навесом и развернул холст.

Внутри лежал рубанок.

Темная колодка, широкая задняя рукоять, гладкий хват впереди. Железко ухоженное и без ржавчины. Дерево отполировано ладонями. У основания рукояти виднелась более светлая вставка.

Радим сначала рассказал про куртку. Оказалось, портниха с утра успела зайти к его жене за пряжей. Принесла холодный лоскут, с которым вчера сравнивали, и велела расспросить Нику. Та уже была во дворе с Марфой. Жена столяра сама потрогала подкладку.

После этого Радим пошел домой за рубанком.

— Говорят, старое имя вернул, — сказал он. — Посмотришь?

Я протянул руку, но он задержал инструмент.

— Только сразу скажи, если заново нарекать надо. Я уже платил. Сам рубанок хороший, мне его жалко.

— Хорошо, осмотрю. Без тебя не буду разбирать.

Теперь он отдал.

Наречение называлось «Ровная подача». Пока работало, Радим мог вести инструмент по длинной кромке, почти не опасаясь, что поврежденная кисть подведет в конце движения. Сам рубанок стружку не снимал: нажимать и толкать все равно приходилось человеку. Но колодка ровно держала заданное направление.

За инструмент столяр отдал много, с нескольких заказов копил на такую покупку.

Потом треснула рукоять. Радим отнес ее в мастерскую. Дерево починили, рубанком снова можно было пользоваться, однако прежнее свойство исчезло. Другой мастер тоже осмотрел и признал наречение погибшим.

Я приложил пальцы к основанию рукояти.

Тусклая линия обнаружилась сразу. Короткий участок уходил вдоль колодки, другой огибал крепление. Между ними лежала новая вставка.

— Покажи, как работаешь.

Радим взял рубанок, закрепил у упора ровный обрезок и провел по нему. Вперед подался всем корпусом. Левая ладонь лежала на переднем хвате, два пальца почти не участвовали. К концу движения он немного повернул плечо, удерживая инструмент.

Второй раз получилось хуже. Стружка истончилась, оборвалась. Радим остановился и потер основание большого пальца.

— Долго еще могу. Только потом выравнивать приходится.

Я попросил повторить медленно. Смотрел, как ложится рука, куда приходится нажим, в какой момент колодка начинает уходить. Потом взял рубанок сам и коснулся того места, которое меня интересовало.

При нажиге отчетливее проступала старая связь. Возле вставки обрывалась.

Снаружи придаться было не к чему. Крепко, гладко, без щелей. Ремонт делал человек умелый. Даже направление новой детали он выбрал понятно, поперек трещины, чтобы лучше держала.

Вот только уцелевшая линия шла вдоль.

Я повертел рубанок и показал Радиму вставку.

— Чем чинили?

— Грушей.

— А рукоять?

— Низинный вяз. Из местного. Воды набирает мало, если правильно высушить.

У столяра нашелся подходящий обрезок. Он сходил за ним к своему запасу возле навеса. Пока выбирал, объяснил, что на дорогую работу держит дерево отдельно, под крышей. Свежее подешевле, только потом приходится переделывать. Для рукояти нужна небольшая часть, но взять первую попавшуюся все равно нельзя.

Я приложил брусок к повреждению. Связи через него еще не проходили. Я видел лишь уцелевшие концы и место между ними, которое можно было заполнить.

Придется сохранить старые края. Убрать здоровое дерево ради удобства нельзя, иначе лишишься остатков имени.

— Думаешь, выйдет? — спросил Радим.

— Путь вижу. За результат после проверки отвечу. Пока могу обещать, что попусту твою рукоять кромсать не стану.

Он взял рубанок, сам посмотрел в основание. Потом положил обратно.

Мы договорились, что новую вставку он вырежет по моим отметкам. За работу рассчитается, когда проверим свойство. Материал и подгонка будут с его стороны.

Меня это устраивало. Самому предстояло долго учиться различать здешнее дерево. Радим знал его, что называется, руками.

Пока столяр размечал заготовку, я принес тиски.

Ника попросилась посмотреть. Я разрешил, и она устроилась на лавке у стены. Свой гребешок уже убрала в комнату, куртку надела. Подтянула рукава, спрятала ладони в карманы и села так, чтобы никому не мешать.

Тиски закрепили на краю стола. Радим проверил, как я затянул крепления. Я его не останавливал. Сам бы тоже проверил чужой зажим, прежде чем ставить дорогой инструмент.

Из-под навеса подошел мужчина с небольшим кожаным футляром. Плотный, борода аккуратно подстрижена, кафтан добротный, с потертыми обшлагами. Марфа проводила его до соседнего стола и ушла за своей вещью.

Рубанок он заметил.

— Радим, снова рукоять?

Столяр обернулся.

— Ярво взялся имя посмотреть.

Мужчина перевел взгляд на меня.

— Норвей. Доброго имени.

Я ответил. Он положил футляр, подошел и попросил инструмент. Радим передал. Норвей провел ногтем возле светлой вставки, проверил крепления.

— После меня кто разбирает?

— Никто.

Значит, мастерская была его.

Норвей посмотрел на заготовку. Я показал отмеченное направление волокон и объяснил, что еще чувствую с обеих сторон разрыва. Он выслушал, затем коснулся основания рукояти большим пальцем.

Я ждал.

— С этой стороны осталось, — сказал он наконец. — До вставки.

Я перевернул рубанок.

— А здесь?

Он поменял хват. Несколько секунд ничего не происходило, потом Норвей чуть прищурился.

— Совсем слабо. Ты намерен через новую древесину свести?

— Вернуть прежнее положение. По возможности сохранить все, что осталось.

Норвей снова посмотрел на разметку. Он ставил деталь поперек, чтобы укрепить трещину. По обычной столярной работе решение было разумным. Я так и сказал.

Мастер помолчал, потом указал на узкую стенку рукояти:

— Здесь начнешь поддевать — отколется. Я ее стягивал, она уже расходилась.

Я благодарно кивнул, снаружи этого не было видно.

Он мог уйти, но остался возле стола. Разглядывал тиски, мои накладки на губках, зажимной винт. Потом коснулся металла и поднял брови.

— Сам нарекал?

— Вчера.

— Что держат?

Я достал из мешка легкую пластинку. Положил между губками, слегка сжал. Ника сразу придвинулась к краю лавки: знала, что будет дальше.

Радим стоял ближе всех. Я велел ему ниже подставить ладонь и развел губки.

Пластинка осталась на месте. Столяр осторожно провел пальцем под ней, затем перевел взгляд на винт. Норвей нагнулся почти до самого стола. Восемь ударов сердца прошли быстро. Металл упал Радиму на ладонь, звякнул о кольцо.

Норвей попросил повторить.

На этот раз я сам считал по пульсу. Мастер следил за промежутком между губками и пластинкой. Когда та упала, он выпрямился и взял более тяжелый кусок железа.

— Этот?

— Сразу вывалится.

Он проверил. Я успел подхватить заготовку.

— Значит, пока только легкое, — сказал Норвей.

— Да. Зато можно освободить обе руки, чтобы вставить штырь или совместить отверстия.

Я показал на разобранный рубанок. Один из маленьких крепежей как раз требовалось удержать при разборке, чтобы не потерять в стружке. Теперь Радим смотрел на тиски так, как я утром смотрел на свой дом.

Норвей еще раз тронул накладку. Потом попросил назвать предел времени, выслушал и кивнул.

— Куртку у швеи тоже ты восстановил?

Вот значит как? Слухи пошли?

Я подтвердил. Новость, выходит, уже разошлась.

— Если рубанок получится, позови. Хочу проверить на длинной кромке. Свою заготовку принесу.

— Приходите.

Он поднял футляр, но уходить не спешил.

— И старую вставку сохрани. Сравнить надо.

Он видел работающие тиски, нащупал конец старой связи и хотел понять, что из этого получится. Марфа принесла ему треснувшую застёжку. Норвей отошел к соседнему столу, разложил инструмент. Первым делом подстелил под мелкие части светлую ткань. Я поглядел и тоже расправил холст под рубанком.

Разбирать начали медленно. Радим придерживал рукоять, я освобождал крепления. В месте, на которое указал Норвей, поддевать не стал: зашел с другой стороны. Один тонкий штифт вышел сразу, второй пришлось понемногу расшатывать.

Сохранившаяся связь все это время оставалась перед глазами. Я касался дерева, проверял ее и снова брался за инструмент. Радим перестал спрашивать, долго ли еще. Теперь видел, почему я останавливаюсь.

Когда вставка наконец подалась, я подхватил ее целиком и положил на холст. Старые края уцелели.

Подошел Норвей. Присел рядом, посмотрел в основание. Я дал ему коснуться обоих концов. Он медленно провел пальцем вдоль дерева, затем отступил, оставляя мне место.

Радим подал заготовку.

До посадки надо было снять еще немного с верхнего края. Я уже поднял руку, чтобы показать сколько, когда на дворе застучали копыта.

Веста остановила лошадь у конюшни и прыгнула, передав повод работнику. На подоле плаща темнело мокрое пятно. Она нашла меня взглядом и быстро подошла под навес.

— Ярко, у канала подъемник сорвало. Человек внизу.

Я положил инструмент.

— Жив?

— Да. Нogu грузом прижало, но площадку разворачивает. Ты вчера на лебедке крепление выправил. Здесь надо хотя бы понять, за что браться.

Она говорила без уверенности, что я непременно все исправлю. Просто пришла не особо надеясь, что я пальцем пошевелю.

Норвей уже закрыл футляр.

— Я с вами.

Он спросил, какой подъемник, и, услышав ответ, коротко выругался. Там меняли одну из опор еще весной. Похоже, он знал это место.

Я завернул рубанок в холст и передал Радиму.

— Убери пока. И новую вставку сохрани.

Тот кивнул, подхватил все вместе. Ника встала с лавки. На тиски она посмотрела раньше меня.

Я снял их со стола.

Они не удержат платформу. Даже небольшой мешок не удержат. Но если придется совмещать крепление там, где невозможно подлезть обеими руками, восемь свободных ударов сердца могут пригодиться.

Тиски уложил в мешок вместе с креплениями. Добавил молоток, клещи, подходящие штыри. Каждый проверил по размеру, остальное оставил. Волоочь весь запас бессмысленно, да и потерять в воде хороший металл было бы жалко.

Марфа вышла навстречу. Веста все объяснила ей на ходу. Хозяйка подозвала Нику к себе.

Я присел перед девочкой.

— Будь у Марфы. Я вернусь.

Она посмотрела на мешок.

— Долго?

— Пока не знаю.

Ника кивнула и взялась за край Марфиного рукава. Я поднялся, подхватил тиски и пошел следом за Вестой.

До канала было недалеко. За последними домами улица спускалась к каменной пристани. Вода шумела еще до того, как мы ее увидели. Мимо шли груженные телеги, у въезда ссорились возчики: проезд перекрыли, а люди все пытались подъехать ближе.

Сюда, по словам Весты, поднимали из лодок руду и тяжелый товар. На берегу перегружали в обозы. Обычный ворот, обычные цепи. Нареченным было только небольшое железное кольцо у рукояти — оно звенело, когда вес приближался к допустимому. Сейчас кольцо дребезжало почти непрерывно.

Площадка косо повисла над водой. Один угол держался выше, другой опустился и время от времени задевал поток. Несколько мешков сползли к ограждению. Большой ящик прижал человеку ногу к стойке.

Мужчина держался за верхнюю перекладину. Здоровую ногу упирал в край ящика и каждый раз подтягивался, когда площадку качало.

Под навесом у ворота трое пытались повернуть рукоять. Четвертый лез с ломом под барабан.

Норвей первым пошел к ним.

— Прекрати. Лом вынь.

Возчик оглянулся, узнал его и послушался. На меня он пока даже не посмотрел.

Я положил мешок на сухое место, присел у крепления. Одна железная полоса лопнула у отверстия. Излом светлел среди ржавчины. Барабан перекосило, зубья уперлись краями. Чем сильнее люди давили на рукоять, тем больше нагружали оставшуюся сторону.

Норвей осматривал опору. Пальцем тронул старую трещину в дереве, затем вытащил нож и проверил глубину.

— Эту тоже менять, — сказал он. — Но сегодня она еще подержит.

Я попросил никого пока к вороту не подпускать и пошел к краю. Надо было увидеть площадку целиком.

Человек внизу поднял голову. Под шапкой у него темнели мокрые волосы.

— Слышишь меня?

— Слышу!

— За верх держись. Ящик сам не толкай.

— Да я... — Он запнулся, когда площадку качнуло. — Ногу бы...

Вода ударила в низкий угол, мужчина скривился и подтянулся. Мешок возле него сполз еще немного.

Веста остановилась рядом со мной. На верхнем затворе открыли воду для прохода лодок, посланный человек еще не вернулся. Перекроют — поток все равно не сразу ослабеет. К площадке уже пробовали подвести лодку. Ее развернуло и едва не ударило о стойку.

Я посмотрел вдоль береговой стены. К опоре вел узкий брус. По нему можно добраться до высокой стороны площадки. Если закрепить угол и положить короткую лестницу, человеку будет куда выбираться.

Но сначала надо убрать перекося у барабана. Иначе при любом движении вниз будет уходить противоположная сторона.

Я вернулся к вороту. Норвей придержал меня за плечо.

— Ты куда собрался?

Я показал целую стойку, место для каната, упор под рычаг. Объяснил, что хочу сначала удержать площадку от разворота, затем освободить перекошенное крепление и завести штырь. После этого появится возможность чуть поднять край и отодвинуть ящик.

Он выслушал до конца.

— Если этот брус подломится?

— Здесь ставим второй упор. Нагрузка уйдет ниже.

Норвей присел, проверил каменное основание, затем показал место на ладонь правее.

— Сюда. В середине шов разошелся.

Я согласился.

Он еще раз посмотрел на барабан, на цепь. Потрогал страховочное крепление и только после этого подозвал двоих возчиков. Одному велел принести толстый канат, второму освободить подход к берегу.

— Сначала разгружаем эту сторону, — сказал Норвей, указывая людям на то место, которое мы только что обсудили. — Дальше Ярко покажет.

Вот значит как, меня слушались.

Веста стояла у мешка с инструментом. Когда я подошел, она подала тиски и спросила, куда их ставить. Я попросил оставить под навесом, чтобы зазря не мочить.

У крепления болталось маленькое железное ушко. Само целое, штырь наполовину вышел. Стоило чуть приподнять край барабана, отверстия можно будет совместить. Рукой придерживать неудобно: пальцы окажутся между двумя тяжелыми частями. Вот здесь «Верный хват» пригодится.

Норвей проследил за моим взглядом.

— Тиски?

— Только ушко. Когда снимем с него вес.

Он кивнул. Мы оба видели, как тяжелая заготовка выпала из раскрытых губок у Радимова стола. Объяснять предел второй раз не надо.

С берега закричали. Один мешок свалился с площадки, ударился о воду и исчез в потоке. Освободившийся ящик сдвинулся, мужчина внизу резко выдохнул и поднялся на руках.

Я невольно сжал пальцы.

Перед глазами на мгновение возник заводской проход. Ржавый рычаг, зажатый рукав, руки под решеткой. Тогда я тоже прикидывал, сколько еще выдержит крепление и как долго смогу стоять в неудобной позе.

Я поставил ногу на низкий выступ, присел и выпрямился. Колено не подвело. Спина тоже.

Страшно было все равно.

Только теперь я мог двигаться, а рядом находились люди, с которыми уже успели договориться. Норвей проверял опоры, Веста держала остальных подальше от рукояти, двое возчиков несли канат.

Со стороны улицы появился Радим. Он оставил рубанок у Марфы, а сам принес длинный крепкий брус и топор. Сначала посмотрел вниз, затем на меня.

— Под рычаг?

— Подойдет?

Он положил брус, повернул сучком наружу, надавил всем телом. После этого показал, где ставить упор. Я бы выбрал почти то же место, только у него на проверку ушло несколько секунд.

— Хорошо. Клин сможешь быстро подогнать?

Радим опустил на колено. Достал из мешка сухой обрезок, начал тесать. Норвей подошел с другой стороны, назвал нужную ширину.

Я принял канат у бородатого возчика. Попросил развернуть середину, стряхнул грязь, перегнул на колене. Потертости были, рваных прядей не нашел. На такой можно положиться, если не дергать и грамотно распределить вес.

Людей пришлось расставить. Одного оставил у стойки принимать конец, двоих — выбирать слабины, когда закреплю петлю внизу. Радим с Норвеем займутся рычагом. Весте показал штырь и молоток, которые понадобятся следом.

Она переложила их так, чтобы взять сразу, и отступила от края.

— Еще кто наверх за водой пошел? — спросила у возчиков.

Один отозвался. Веста послала его к повороту встречать посыльного, чтобы тот не искал нас среди телег. Вернувшись, сама убрала с прохода брошенный лом.

Я снова подошел к краю. Человек на площадке смотрел на берег, присматриваясь к каждому нашему движению.

— Сейчас спущусь. Сперва закрепим угол, потом займемся ногой. Руки пока держи наверху.

Он вцепился в перекладину.

Короткую лестницу принесли из складского навеса. Я проверил ступени, выбрал сторону, которой положить к площадке. Пока оставили на берегу. Свободный конец тонкого каната обвязал вокруг себя и отдал одному из возчиков.

Радим поднес готовый клин. Норвей приложил его к щели, проверил посадку. Потом поднял голову и посмотрел на меня.

— Готово.

Я обвел взглядом людей. У каждого было свое место. Молоток лежал рядом со штырем, тиски — под рукой у Весты. Толстый канат обнесли вокруг целой стойки. Двое у берега освободили проход для пострадавшего.

Осталось добраться до высокого угла и закрепить петлю.

Я надел мешок через плечо, подтянул ремень. Поставил ногу на мокрый брус, ухватился за стойку. Под подошвой заскользило, пришлось сместиться ближе к железному креплению.

Внизу билась вода. Площадка вздрогнула, канат возле моего плеча натянулся.

— Ровно держите, — хрипло рыкнул я и сделал первый шаг.

Глава 5

Брус прогнулся под сапогом. Я остановился, снова положил ногу ближе к стойке и только после этого сделал еще один шаг. Канат за спиной натянулся: на берегу поторопились выбрать слабину.

— Отпустите немного. Я еще иду.

Меня перестало тянуть за пояс. Теперь можно было добраться до площадки.

Рабочий следил за каждым моим движением. Вцепился в перекладину, подбородок упер в плечо. Под ногами у него плескалась мутная вода. Ящик прижал левую ногу к стойке, а правой мужчина отталкивал груз, когда площадку разворачивало течением.

Увидев меня рядом, он попробовал подняться.

— Сиди пока. Сначала закреплю угол.

Я протянул канат вокруг целой поперечины. Под петлю попал обрывок веревки от мешка, пришлось вытащить его и заново завести конец. Мужчина дышал часто, сквозь зубы. На виске у него дрожала жилка.

— Больно?

Он осторожно кивнул.

— Терпи. Сейчас придержим, перестанет качать.

Я поднял руку. Норвей, наблюдавший с берега, сам подошел к возчикам и показал, сколько выбрать. Канат выпрямился, площадка немного повернулась. Я сразу приказал остановиться.

Рабочий выдохнул и чуть опустил плечи.

— Так лучше.

— Хорошо. Теперь держись. Я вернусь.

Он посмотрел на меня с таким испугом, что пришлось объяснить:

— Механизм наверху поправлю. Иначе ящик с ноги не снимем.

Мужчина снова кивнул. Я проверил петлю, потом по брусу вернулся на берег.

У ворота уже работали. Радим выставлял деревянную опору, Норвей придерживал рычаг. Рядом стоял незнакомый парень в закопченной рубахе. На светлой тряпке перед ним лежали скобы и несколько железных штырей.

— Из кузни прислали, — сказал он. — Илья.

Я показал на свободное место возле себя:

— Вставай сюда. Подавать будешь.

Парень сразу поближе подвинул железо, но с тряпки ничего не свалил. Скобы у него были разные: две старые, выправленные, еще одна свежая, с темной окалиной. Даже в спешке он принес все по счету. В кузнице потом спросят.

Веста отвела людей от края. Мешки, приготовленные к погрузке, уже оттащили к стене склада. Кто-то начал возражать, что товар замочат, но она сунула ему в руки свободный конец каната и велела либо помочь, либо отойти. Мужчина помог.

Я присел у сломанного крепления.

Вся задача сводилась к одному: чуть приподнять перекошенный край, совместить отверстия и поставить новый штырь. Пока мы этим занимаемся, площадку должны держать цепь, канаты и подпорки.

Маленькое железное ушко надо придержать между двумя тяжелыми частями. Если полезть туда пальцами, при малейшем сдвиге их раздавит. Тут и пригодятся тиски.

Я взялся за мешок, потом остановился и перевел дыхание. Сердце колотилось вовсю.

Норвей посмотрел на меня.

— Удержат?

— Ушко — да. Вес на них не отдаем.

Он махнул головой. Утром сам проверял предел «Верного хвата».

Мы закрепили тиски у целой стороны рамы. Илья подал скобы, помог затянуть. Радим подбил последний клин под опору и убрал руку.

На другом конце пристани дребезжало предупреждающее кольцо. Звук тонкий, надоедливый, с коротким срывом на каждом толчке площадки. До появления магии здесь, наверное, кричал смотревший за грузом человек. Сейчас-то крик все равно нужен.

Я разложил штырь и молоток так, чтобы взять не глядя. Примерил движение левой рукой, затем правой. Илья следил за мной.

— Как заведу штырь, подашь скобу. Вот эту.

Он выбрал нужную и зажал в пальцах.

Я повернулся к Норвею:

— Поднимаем.

Рычаг пошел вниз. Перекошенное крепление освободилось. Радим сразу подставил клин, а я вынул старый штырь и положил на тряпку.

Снизу закричали.

Один из возчиков дернулся, однако Норвей удержал его за плечо.

— Стоять. Держим.

Я глянул через край. Рабочий оставался на месте. Только ящик сполз еще немного, и ему пришлось подтянуться на руках.

Времени на вторую попытку могло не хватить. Я зажал легкое ушко, проверил положение и раскрыл губки. Железка осталась висеть. Первый удар сердца я услышал в ушах.левой рукой подтянул полосу, правой взял новый штырь. Он вошел в первое отверстие и уперся.

Второй. Третий.

Полоса стояла чуть ниже. Я приподнял ее большим пальцем, надавил плечом. Отверстия совпали.

Штырь прошел.

На мгновение захотелось бросить все и перехватить железку, пока не упала. Я заставил себя взять молоток. Два удара — конец показался с другой стороны.

Илья уже держал скобу перед моей рукой.

Я вставил ее, развел концы. Ушко качнулось и повисло на новом креплении.

Тиски больше ничего не держали.

— Есть, — сказал я.

Голос прозвучал хрипло. Я только теперь заметил, что задержал дыхание.

Радим осадил клин. Норвей велел понемногу отпустить рычаг. Крепление приняло нагрузку, без рывка. Я провел пальцем вдоль опоры, проверил, не расходится ли дерево.

Держалось. Площадку совсем немного подняли, хватило, чтобы высокий край приблизился к берегу. Возчики уложили короткую лестницу, привязали верх. Я пошел вниз еще раз.

Рабочий смотрел на меня. Он попытался что-то сказать, но площадка качнулась, и он сжал зубы.

— Потом. Давай ящик освободим.

С берега спустили петлю. Я завел ее под груз, поправил на углах. По моему знаку люди наверху натянули канат. Ящик отодвинулся на толщину ладони. Я подбил клин, затем второй.

Мужчина потянул ногу. Сапог зацепился голенищем, и он застонал.

— Погоди, погоди.

Я присел, освободил загнутую кожу. Нога вышла, рабочий сразу осел набок. Пришлось подхватить под мышки и посадить на край.

Тяжелый. Но поднять его я смог.

Спина выдержала, ноги тоже. Внизу было тесно, неудобно, под подошвами скользила грязь, однако тело слушалось. Мне не приходилось заранее рассчитывать, где встать, чтобы потом суметь разогнуться.

Спустился возчик. Вдвоем мы развернули пострадавшего к лестнице. Сверху подали еще один канат. Пока его подтягивали, я поддерживал здоровую ногу, чтобы не зацепилась за ступени.

Мужчина ругался, извинялся за ругань и снова ругался. Когда его подхватили на берегу, он ухватил ближайшего за шею и так и повис.

Я остался внизу.

Груз еще мог сдвинуться. Проверил петлю на ящике, забил клин глубже, убрал с прохода сползший мешок. От воды он потяжелел, но перетащить к стойке удалось.

С берега позвал Норвей:

— Теперь выходи. Остальное сверху закрепим.

Я оглядел площадку. Под ногами плеснуло. Вода добралась до нижнего края, затекла между мешками.

Можно уходить. На третьей ступени сапог скользнул. Я успел ухватиться за лестницу, подтянулся и выше поставил ногу. Я держался, до берега оставалось совсем немного.

Наверху кто-то протянул руку. Я схватил ее и выбрался.

Несколько шагов прошел сам, потом остановился возле каменной стены. Рабочего уложили на плащ. Человек с кожаной сумкой присел к его ноге, начал распускать шнуровку. Норвей стоял у ворота. Радим проверял подпорки, Илья собирал инструмент.

Все на берегу. Я тоже.

В цехе после этого уже ничего не было. Парня подхватили, я попытался вытащить ногу, сверху щелкнуло. Потом чужой мир, чужие руки, колесо возле сапога.

А сейчас можно было отойти. Сесть. Посмотреть на воду из безопасного места.

Я опустил на камень и упер локти в колени. На правой ладони содрал кожу, под ногтями набилась грязь. Сжал пальцы, разжал. Нормально. Поясница ныла от работы, но знакомого прострела не было.

— Держи.

Веста протягивала кружку. Я выпил почти всю воду, остатком смыл кровь с ладони.

Она не расспрашивала ни о чем, постояла рядом, убедилась, что я могу сам подняться, и вернулась к людям.

Я еще немного посидел. Потом встал, подхватил мешок и пошел снимать тиски.

Хозяин пристани появился, когда пострадавшего переносили на телегу. Сначала выслушал лекаря, велел работнику отвезти обоих. Потом направился к вороту.

Норвей его остановил.

— Поднимать больше нельзя. Опору менять, крепление переделывать.

Хозяин посмотрел на перегороженный спуск, на ожидающие телеги. За ними уже выстроились еще две, с рудой. Возчик на передней стоял во весь рост и выкрикивал что-то про уплаченную пошлину.

Мужчина стянул шапку, потер лоб.

— К вечеру хоть пустую площадку поднимем?

— После разгрузки и новых упоров, — ответил я. — Сейчас оставьте все как есть.

Он перевел взгляд на меня.

— Ты делал?

Норвей показал на новое крепление.

— Ярко. Мы помогали.

Хозяин еще раз осмотрел ворот, затем подозвал своего старшего работника. Велел отправлять обозы к нижней пристани. Разницу в плате обещал разобрать позже. Спуск перегородили канатом, у прохода оставили человека.

Лишь после этого нас пригласили в счетную.

Небольшая комната примыкала к складу. Стол стоял под окном, рядом — сундук. На стене висели связки бирок с зарубками, у каждой свое место. В нише лежала толстая книга, завернутая в потемневшую кожу.

Писарь сначала вытер стол. Потом достал из ящика тетрадь, раскрыл на нужной странице и придавил угол гладким камнем. Я загляделся на тесные строки: для новой записи внизу оставалась узенькая полоска, остальное исписали до самого края.

Я вспомнил пачки старых распечаток в нашей бухгалтерии. Здесь же берегли даже такую бумагу, грубую, с заметными волокнами. Хорошая, должно быть, обходилась и вовсе дорого.

Хозяин спросил, сколько с него причитается. Я напомнил про скобы и штырь — их надо вернуть кузнецу или оплатить. Канаты пока останутся на подъемнике, так что с их хозяевами тоже придется рассчитаться. Радим принес дерево на упоры, лекарь возился с пострадавшим.

— Это запишем, — сказал хозяин. — Ты-то сколько возьмешь?

— Двенадцать серебряных на всех.

— За такую работу в самый раз, — отозвался Норвей, когда хозяин посмотрел на него. — Человека вытащили, груз удержали. Ворот еще починить надо.

Хозяин кивнул писарю. Тот сделал пометку, достал деньги из сундука и принялся отсчитывать.

Пока писарь отсчитывал деньги, я попросил назвать тех, кто помогал нам у канатов. Старший работник начал перечислять. Часть оказалась пристанскими, двое — обозными. С хозяином договорились, что им заплатят при свидетелях.

Иначе потом кто-нибудь скажет, что просто рядом стоял и платы не заслужил.

Серебро появилось передо мной. Хозяин выложил всю сумму, вместе с моими деньгами. Я пересчитал и разделил.

Норвею две монеты. Радиму две. Илье одну. Еще одну оставил для Весты.

Парень из кузни сперва посмотрел на свою долю, затем на меня.

— Это с железом?

— Железо хозяин кузни получит отдельно. Это тебе.

Илья осторожно взял монету, провел ногтем по краю. Сунул за пазуху, потом поправил рубаху, чтобы не выпала.

Радим свою плату убрал в небольшой мешочек. Норвею деньги пересчитал и тоже спрятал. Никто от заработанного не отказывался.

Мне осталась моя доля.

Хозяин заметил, как я укладываю их в кошель.

— До вечера останешься? Надо все-таки ворот привести в порядок. Сговоримся.

Вчера я бы ухватился за эту работу. Сейчас я вспомнил рубанок под холстом, Сметкину упряжь, Нику у Марфы.

— Сегодня не возьмусь. Опору нужно готовить, детали заказывать. Спешкой снова кого-нибудь придавите.

Норвею назвал людей, которые делали подъемник и смогут правильно разобрать его. Хозяин поморщился, повернулся к писарю, велел послать за плотниками.

Отказываться от денег было непривычно приятно. Особенно когда они еще могли пригодиться. Просто теперь у меня уже лежали в кошеле двенадцать монет, а к вечеру ждал другой заказ.

Я попросил свидетельство о выполненной работе.

Хозяин не сразу понял, зачем. Пришлось объяснить, что дальше поеду в Вежень, там меня никто не знает. Нужна запись с его знаком: где работал и что сделал. Насколько я знал, такое практиковалось.

Писарь поднял глаза.

— На отдельном листе?

— Да.

Он назвал цену за бумагу, письмо и заверение. Я уже полез к кошелю, но хозяин остановил.

— Мой расход. Пиши.

Из ящика достали узкий лист, сложенный вдвое. Писарь разгладил его ладонью, проверил перо. Пока готовился, расспросил Норвею: знает ли меня, действительно ли я ученик Хорвана, видел ли работу от начала до конца.

Норвею подтвердил. Радим тоже назвал себя.

Писарь записал свидетелей и прочел составленное вслух. Я попросил поправить место, где ворот назвали исправленным.

— Его только закрепили. Ремонт еще нужен.

Лишние слова он перечеркнул тонкой чертой, надписал нужное сверху. Хозяин подтвердил исправление своим знаком.

Я стоял рядом и следил за строками. Местные буквы уже разбирал довольно свободно, хотя иногда на полвздоха задерживался перед незнакомым сочетанием. В памяти Ярко находи-

лось нужное, стоило перестать торопиться. С письмом было сложнее: пару раз в своих заметках я машинально вывел русскую букву и только потом заметил.

Здесь все написал человек, для которого это было обычной работой.

В конце хозяин приложил небольшую печать. Писарь дождался, пока чернила подсохнут, сложил лист и отдал мне. Я убрал его к документам Хорвана.

«Мастер Ярко, ученик Хорвана...»

Ни звания, ни нового умения от этих слов не прибавилось. Но когда в другом городе спросят, что я умею, будет что показать. И люди, чьи имена стоят внизу, подтвердят. Станный мир, странная бюрократия.

На выходе Илья дождался меня у телеги. Попросил еще раз посмотреть тиски. Я поставил их на борт, дал попробовать винт.

Парень сперва разглядел накладки на губках.

— Сам делал?

— Сам. Для тонкой детали понадобились.

Он провел пальцем по краю, прикинул толщину. О наречении спросил только после этого.

Мне понравился такой порядок.

— Завтра зайди на Сосновый двор, — сказал я. — Покажу спокойно. И штырь нужен.

Я объяснил размер, начертил на пыли форму концом палочки. Илья повторил вслух, уточнил длину. Бумагу ради этого он не стал доставать.

Веста стояла у отъезжавшей телеги с пострадавшим. Дождался, пока закончит говорить с лекарем, и передал ей серебряный.

— За работу у канатов.

Она посмотрела на монету, затем на меня.

— Хозяин заплатил?

— Да. Это твоя доля.

Веста убрала деньги в поясную сумку. Сказала, что проверит оставшихся людей на пристани, потом будет на дворе. Ни благодарности за благодарность, ни торга. Интересная дама.

Мы с Радимом пошли обратно.

По дороге он объяснил, сколько здесь зарабатывает хороший ремесленник на обычной работе. Выходило, что мои двенадцать серебряных — примерно за две удачные недели. Иногда дольше, если заказчик тянет с расчетом или половину платы приходится отдавать за материал.

Я еще раз ощутил тяжесть кошель.

Вчерашняя лебедка принесла три. Сегодня двенадцать. Куртку починил, рубанок готовился, портниха собиралась прислать покрывало. Уже можно было выбирать, чем заняться завтра.

Возле шорной лавки я остановился.

Новую упряжь вынесли в несколько комплектов. На самом дорогом блестели накладки, к пряжке была прикреплена узкая пластинка с вырезанным знаком. Хозяин предложил потрогать ремень.

— Нареченный. На подъемах шею меньше трет, если подогнать.

Радим узнал знак мастера и спросил цену. Я усмехнулся, услышав ответ. За нее можно было купить две обычные упряжи и еще оставить на корм.

Шорник ничуть не обиделся.

— Для тяжелых обозов берут. Семь лет назад все одной кожей обходились, теперь кому что нужно. Только неправильно наденешь — и это натрет.

Я выбрал обычную. Кожа гнулась ровно, возле отверстий не трескалась. Крепкий шов, гладкие края, хорошо выкованные пряжки. Все осмотрел, затем договорился о примерке на Сметке.

За старую упряжь мастер предложил немного уступить. Я оставил ее себе. Целые ремни и пряжки еще пригодятся.

На еду в дорогу ушло меньше. Крупа, соль, масло в маленьком горшке, сушеное мясо. Отдельно заказал корм, который удобно размачивать. Для больного зуба Сметки твердое зерно не годилось.

У торговца попросил мешки покрепче. Он назвал доплату, и я согласился. В моем доме теперь имелась сухая кладовая. Можно один раз уложить запас и не перекладывать каждый вечер с места на место.

Возвращаясь, поймал себя на желании поскорее все разложить. Мелочь, а приятно. Заработал, купил, принес домой. Завтра не придется начинать с поисков обеда.

У ворот Соснового двора нас ждали.

Ника стояла возле Марфы. Когда увидела меня, вышла навстречу, но задержалась: Норвей догнал нас и начал договариваться о вечерней работе. Он подготовит зажимы, Радим принесет рубанок и заготовку, я посмотрю связи.

Девочка переводила взгляд с одного на другого. Потом подошла ближе и взяла меня за край рукава.

— Рука?

Я посмотрел на ссадину.

— Задел немного.

Ника нахмурилась, помогла придержать мешок, пока я открывал фургон.

Внутри дома пахло едой.

Девочка успела перенести от Марфы горшок с похлебкой и хлеб. На столе стояли две миски. Вода в умывальнике еще была теплой: Ника оставила возле печи кувшин и теперь принесла мне.

Я отмыл ладони, снял мокрую рубаху. Снаружи, за стеной, кто-то спорил о свободной койке на ночь. В общем помещении у Марфы опять не хватало места.

Я стоял босиком на сухом полу собственного дома и выбирал, где развесить одежду.

В кухне мешаться не хотелось. Перенес ее в мастерскую, где было тепло от соседней печной стены. Инструмент разложил на верстаке. Покупки убрал в кладовую, масло поставил ниже, чтобы случайно не сбить.

Все помещалось. Еще и свободные полки оставались.

Ника ждала за столом.

— Ты если опять уйдешь... вернешься?

Я перестал развязывать последний мешок.

Она смотрела на мою руку, с которой еще стекала вода. На коленях лежало полотенце, край она скручивала пальцами.

Хотелось ответить уверенно. Сказать, что всегда вернусь, что теперь все будет хорошо. Вспомнил утро, когда поехал на завод. Наверняка тоже был уверен, что к обеду освобожусь.

Я сел рядом.

— Буду говорить, куда иду и когда собираюсь вернуться. Если задержусь и смогу передать, pošлю человека. Сегодня к Марфе работника отправил.

— Он сказал, что вытащили.

— Правильно сказал.

Ника немного помолчала.

— А если никто не придет?

— Спросишь у Марфы. Она знает, где меня искать. И сама спрашивай, когда я уйду. Даже если тороплюсь.

Она кивнула, отпустила край полотенца и подвинула ко мне миску.

После обеда я ненадолго прилёг. Сапоги поставил у кровати, сухую рубаху повесил над ними. До сих пор всё думал, как такое помещение уместится в фургоне. Теперь куда больше радовало, что за водой не надо идти через весь двор: она под рукой. Печь работает, инструмент можно оставить как удобно. У огня не приходится ждать, пока освободят тебе угол, а спать можно спокойно, не прижимая кошель к животу среди чужих людей. Я закрыл глаза и уснул.

Разбудили меня голоса снаружи. Пострадавшего рабочего привезли на маленькой телеге; он сидел, вытянув перевязанную ногу. Рядом устроился мальчишка лет семи в великоватой шапке. Когда я вышел, рабочий подозвал сына:

— Вот он.

Мальчик посмотрел мне в лицо, потом перевёл взгляд на руки. Я спросил, как нога. Лекарь велел несколько дней на неё не наступать, а после показаться ещё раз. Пальцы шевелились, и боль понемногу отпускала.

Рабочий протянул ладонь, и мы крепко пожали друг другу руки. Благодарил он коротко, а потом выдохнул и мотнул головой, будто сам ещё не верил, что сидит здесь.

Марфа принесла воды. Ника вышла следом, поставила табурет. Мужчине садиться было неудобно, и на него забрался сын.

Побыли они недолго. Перед отъездом мальчик спросил, можно ли посмотреть Сметку. Ника сама повела его к конюшне, показала, с какой стороны подходить, чтобы кобыла лучше видела.

Рабочий следил за детьми.

— Жена сказала сразу домой, — признался он. — Я только хотел показать.

Я улыбнулся.

Через несколько минут сын снова забрался на телегу. Отец придержал его за ворот, устроил рядом со здоровой ногой. Мальчик обернулся и помахал нам.

К вечеру я привел тиски в порядок. Винт очистил, вытер металл, смазал. В углублении возле основания обнаружилась мелкая каменная крошка. Выковырнул, проверил крепления.

Наречение работало.

Для пробы зажал легкую пластинку, раскрыл губки и подставил ладонь. Железка повисла в воздухе, как прежде. Я дождался, пока упадет, и еще некоторое время смотрел на раскрытые тиски.

В первый раз удивлялся самому чуду. Теперь вспоминал маленькое ушко возле барабана. Если бы пришлось удерживать его обычным зажимом, я потратил бы больше времени. Могли успеть. Могли и потерять площадку, пока возились.

Сегодня тиски помогли вытащить человека.

Я погладил большим пальцем край накладки, убрал пластинку и понес инструмент под навес.

Радим уже ждал. Рубанок лежал на прежнем холсте, все детали были разложены так, как утром. Новую вставку он почти подогнал. Рядом поставил кружку с теплым клеем, принес нож и несколько тонких прокладок.

Норвей появился чуть позже. Поздоровался, открыл футляр. Из него вынул маленькие зажимы и узкий резец.

— С этого края не поддевай, — напомнил он. — Там дерево уже расходилось.

Я кивнул. Помнил.

В старой рукояти сохранилась тонкая полоска дерева. По ней проходила часть уцелевшей связи. Если убрать ее ради удобной посадки, останутся два разрозненных конца. На куртке мне хватило одного правильно поставленного крепления; здесь пришлось бы восстанавливать гораздо больше.

Я показал полоску Норвею. Он приложил палец, долго держал, затем передвинул ближе к основанию.

— Начало различаю. Дальше у меня почти пусто.

— Здесь еще целая.

— До самой стенки. — Я провёл пальцем по дереву. Радим нагнулся поближе, тоже пыта-
ясь что-то разглядеть, а Норвей приложил заготовку к рубанку.

— Подвести-то её можно. Рукоять чем удержим?

Я попросил Радима взяться за рубанок, как он привык работать. Правой рукой он обхва-
тил заднюю рукоять, повреждённую левую положил впереди. От лёгкого нажима старое дерево
встало на место, и я наконец отчётливо различил линию у основания.

— Подержи так, не отпускай.

Теперь было видно, где поставить временный упор. С заменой опор я возился ещё на
заводе: тяжёлый узел приходилось удерживать в прежнем положении, не сдвигая остальных
частей. Дашь ему осесть — потом полдня потратишь, чтобы заново всё выставить. С рубанком
возни меньше, но рукоять и здесь нельзя было сдвигать.

— Когда он нажимает, мне связь лучше видно, — объяснил я Норвею, отмечая место
для упора. — Здесь придержим и подведём новую деталь снизу. Старые края оставим, трогать
их не надо.

Я ещё договаривал, а Норвей уже протягивал небольшой зажим.

— С этой стороны ставь, — показал он. — А то полоску сомнёшь.

Я взял зажим. Зря только растолковывал: он сам уже прикинул, как всё закрепить.

Мы закрепили рукоять. Радим убрал ладонь.

Линия осталась на месте.

Дальше работали спокойно. Столяр снимал с заготовки понемногу, я проверял посадку
и уцелевшие связи. Норвей следил за тонким краем, удерживал его своим зажимом. Дважды
он останавливал меня: дерево смещалось сильнее, чем казалось.

Я благодарил и поправлял.

Ника пришла с водой, поставила кувшин на свободный край стола. На рубанок посмот-
рела, но спрашивать не стала. Устроилась на лавке с небольшим куском ткани. Шила что-то
для себя, иногда поднимая голову.

За работой Норвей рассказал, что в первые годы после появления наречений мастера
ломали немало хороших вещей. Меняли рукояти, переставляли крепления, усиливали то, что
казалось слабым. Изделие становилось прочнее, а прежнее свойство пропадало.

— Поздно начали записывать, — сказал он. — Каждый у себя. Кто понял что-нибудь,
держал при себе.

Он открыл свою тетрадь.

Тонкая, в кожаном чехле, с зашитыми углами. Листы разного оттенка. Между короткими
записями теснились рисунки, новые строки добавлены на полях. У одной страницы нижний
край был подклеен полоской ткани.

Это хранили много лет.

Я вспомнил аккуратные записи Ярko в доме. Раньше я видел в них ученические упраж-
нения, но сейчас начал понимать, сколько труда и денег заключалось хотя бы в самой возмож-
ности вести такую тетрадь.

Норвей нашел нужный рисунок. Рукоять другого инструмента, поперечная вставка,
короткая пометка о том, что после ремонта имя перестало различаться.

Очень похоже на наш случай.

— Если получится, этот тебе принесу, — сказал он. — Хозяин согласится. Второй год
лежит.

Мне хотелось ответить, что получится обязательно. Вместо этого я еще раз коснулся
основания рубанка.

— Сначала Радим проверит.

Вставка наконец села плотно. Клей выступил узкой полоской, мы убрали лишнее. Норвей подтянул зажим, я остановил его, когда светлая линия начала слабеть. Немного отпустили. Связь снова выровнялась.

Местами она проходила так тускло, что приходилось ждать, пока различу. Но теперь соединялась через весь поврежденный участок.

Над колодкой проявилось название.

«Ровная подача».

Я медленно выдохнул.

Радим сразу посмотрел на меня.

— Есть?

— Имя вижу.

Он протянул руку, остановился и отступил. Норвей попросил проверить. Держал пальцы на дереве дольше моего, потом кивнул.

— Тоже различаю.

Столяр закрыл глаза на секунду, провел здоровой рукой по лицу. За рубанок он платил несколько лет назад, но расставаться с ним так и не решился. Хранил, ухаживал, носил к мастерам.

Мы пока вернули только возможность надеяться, что инструмент снова заработает. Это тоже было немало.

Норвей накрыл рукоять ладонью.

— До утра оставляем. Пусть крепление схватится.

Я согласился. Как бы ни хотелось снять стружку прямо сейчас, дергать сырой ремонт было рано.

Проверку обсудили тут же.

У Радима стоял заказ на оконные рамы. Дерево уже подготовлено, надо вывести длинные кромки и подогнать детали. Он выполнит всю партию сам, с обычными перерывами. Мы сравним первые детали с последними, затем снова осмотрим рукоять.

— Разок провести можно почти любым, — сказал Норвей. — Мне надо понять, что будет к концу работы.

— Правильно.

Я назвал цену: серебряный, если старое наречение выдержит проверку. Радим уже вложил свой материал и время в подгонку. Если наше крепление придется исправлять, второй раз платить он не будет.

Столяр согласился. Норвей записал условия возле рисунка, втиснув несколько строк между прежними пометками. Потом дал прочитать мне и Радиму.

Деньги не перешли из рук в руки. Но работа уже получила цену, проверку и свидетеля, который разбирался в ремесле.

Норвей убрал тетрадь, застегнул кожаный чехол.

— Когда закончите с рамами, позовете. Если все держится, я подтверждаю. И заказчику скажу, кто вернул инструмент.

Я посмотрел на укрытый рубанок.

Вчера меня звали исправить перекосившиеся ворота за ужин. Теперь чужой мастер соглашался поручиться за результат, если выдержу проверку. У него имелись заказчики, имя, собственные записи неудач. Он собирался впустить меня в свою работу.

Я подтянул ремень на тисках и поднялся.

У ворот громко заговорили. Марфа вышла из кухни и остановилась на пороге, Ника отложила шитьё. Рядом с настоящим зрителем стоял Грач. На этот раз он явился прилично одетым, в застёгнутом кафтане, с приглаженными водой волосами. Под мышкой держал свёрнутый лист, перевязанный шнурком; на шее висел плоский тёмный жетон. Савра с ними не было.

Смотритель подошёл ко мне. За день он успел умяться: под глазами залегли тени, сапоги были в засохшей грязи. У пояса висела плоская сумка с печатью торго на застёжке. Я уже знал, что он ведаёт торговыми дворами и пристанью, проверяет меры и разбирает споры о найме и долгах. Большие тяжбы уходили в город, а с записью о работнике или содержании ребёнка сперва обращались к нему.

— Доброго имени, Ярко. Девочка здесь?

— Здесь.

Грач взялся было разворачивать лист, но смотритель забрал его и сам распустил шнурок.

— Завтра утром нужен разбор. Принесли запись о содержании и рабочем сроке.

Я поставил тиски на стол.

— Чья запись?

Смотритель повернул ко мне бумагу и указал на имя хозяина ночлежного двора у старой пристани.

По словам Грача, тот принял Нику после смерти отца, кормил, одевал и имел право требовать отработки. Затем уступил свои требования Грачу.

Я попросил дать прочитать.

Бумага была плотной, местами залосненной на сгибах. По краям оставили поля, строки вывели ровно. Внизу стояли знаки свидетелей и оттиск двора.

Это уже не походило на вчерашние крики у колеса.

Я прочитал сумму. Потом сроки. Еще раз вернулся к тому месту, где ночлежника называли опекуном.

— Кто его назначил?

— Это тоже проверим, — ответил смотритель.

— На бумаге только сказано, что он содержал ребенка.

— Я вижу.

Грач не выдержал:

— Она у него жила. Спроси! Потом у меня ела. За все платить надо.

Смотритель повернул к нему голову.

— Дашь договорить?

Тот замолчал, но подошел ближе.

Я спросил, как здесь вообще заключают такой договор. Вопрос прозвучал для ученика, наверное, странно, но делать вид, будто знаю местные порядки, было еще страннее.

Смотритель объяснил. Человека, принявшего сироту, могли признать попечителем. Срок работы за содержание записывали при свидетелях. Если возникал спор, выясняли, кто имел право договариваться, что выдали, сколько уже отработано. Одной чужой подписи для передачи ребенка было недостаточно.

В этой записи Грач утверждал, что все уже было сделано как положено.

— Поэтому девочка нужна при разборе, — закончил смотритель. — И те, кто знает, где она жила.

Я вернул бумагу.

Руки у меня были еще в мелких царапинах от пристани. На белом поле осталась едва заметная грязная точка. Я машинально вытер пальцы о штанину.

Грач заметил и усмехнулся.

Его я не трогал.

Ника стояла возле лавки. При виде Грача подобрала свое шитье и прижала к груди. Марфа подошла к ней, положила руку на плечо.

Я повернулся к девочке:

— Сегодня никуда идти не надо. Завтра сходим вместе.

Она слушала, но смотрела на шнурок у Грача на шее.

Тот заметил ее взгляд и убрал жетон под кафтан.

Веста вошла во двор, когда смотритель называл время. Вернулась от обозных, несла кожаную сумку с расчетами. Увидела бумагу, остановилась рядом с Марфой.

Ничего не сказала, пока разговор не дошел до даты.

— Можно? — спросила она у смотрителя.

Он повернул лист. Веста прочитала нижнюю строку, затем еще раз начало.

— Здесь написано, что договаривались на старой пристани шестого числа?

— Так.

— В тот день этот человек ехал с нашим обозом. Мы уже были за Северной переправой.

Грач сразу направился к ней.

— Ты бы сперва вспомнила.

Веста продолжала смотреть на смотрителя.

— У меня расчет за переправу. Он вез с нами два тюка кожи, платил отдельно. В книге на переправе тоже должна быть запись.

— Принеси свою, — сказал смотритель. — И свидетеля, кто видел.

— Принесу.

Он не порвал бумагу и не отдал ее Грачу. Сложил по старым сгибам, убрал в сумку. Веста отошла, поправила ремень.

Я успел заметить, как Грач провел языком по губам.

Это еще ничего не доказывало. В дате могли ошибиться, запись могли составить позже.

Смотритель назначил разбор чуть позднее. Велел привести Нику, позвать свидетелей с торговых рядов и взять мои документы — подтвердить, кто я и где остановился.

Я спросил, остается ли ребенок у меня до разбора.

— Остается.

Грач заговорил почти одновременно:

— Увезет он ее!

— Ярко сказал, что явится. За него здесь знают.

Смотритель посмотрел на Марфу. Та назвала мой фургон, подтвердила, когда приехал, и добавила, что торговцев позовет сама. Норвей стоял у стола, слушал. Когда его спросили, подтвердил, что работал со мной на пристани и вечером был здесь.

Никто не утверждал, будто давно меня знает. Каждый сказал то, за что мог ответить.

Я пообещал прийти и уточнил, надо ли оплачивать запись разбора. Смотритель назвал небольшую пошлину. Грач ухмыльнулся, но я спокойно кивнул.

Деньги были.

Утром, когда я думал о запасе в дорогу, они означали корм и еду, но появилась еще и возможность явиться на разбирательство с бумагами, заплатить писарю и не зависеть от того, согласится ли кто-нибудь сделать за меня одолжение.

Марфа собралась увести Нику в кухню, но девочка потянула ее за рукав и попросила меня подойти.

Я наклонился.

— Жетон, — прошептала она. — Такой у меня был.

— У Грача?

Ника кивнула.

— Всем давали. Кто у него жил.

Я не стал расспрашивать при нем. Велел побыть с Марфой, проводил смотрителя до ворот и еще раз подтвердил время.

Веста задержалась рядом.

— Поеду за тетрадью, — сказала она. — Человека с переправы до утра не привезу. Но возчик здесь, он помнит.

— Хорошо.

Она кивнула и ушла. Норвей предложил оставить рубанок у него до завтра, чтобы мне сегодня больше не отвлекаться. Радим забрал тиски и донес до фургона.

Грач остался во дворе.

Пока смотритель был рядом, он возился с ремнем на сапоге. Потом выпрямился и пошел следом за мной.

— Можно проще решить, — сказал тихо. — Сумму видел? Отдай, и забудем.

Я остановился у подножки.

— Завтра при смотрителе.

— Ты посчитай, сколько времени потеряешь. Ему еще платить, писарю...

Я повернулся. Грач осекся, однако уходить не стал.

Марфа привела Нику. Девочка держалась возле нее. Я открыл наружную дверь, пропустил ребенка в тамбур и встал на нижней ступени.

Через мое плечо Грач заглядывал внутрь. Для него там лежали обычные тюки и дорожные вещи. Ника прошла в сторону, за ящик. Скрытую дверь я пока не трогал.

— Утром, — повторил я. — С твоей бумагой и моими свидетелями.

Он посмотрел на Марфу. Хозяйка стояла у колеса, скрестив руки на груди.

Грач сплюнул в сторону и отступил.

Я поднялся, закрыл перед ним дверь и задвинул засов.

Несколько секунд мы с Никой слушали голоса снаружи. Грач еще что-то говорил. Марфа велела ему идти со двора. Затем шаги удалились.

Только после этого я открыл проход в дом.

В кухне горела лампа. В печи оставалось тепло. Из Никиной комнаты виднелся край заправленной кровати, на низком крючке висела ее рубаха.

Девочка сразу посмотрела туда.

Я поставил воду греться, подвинул к столу стул.

— Теперь расскажи про жетоны.

Она села, положила шитье на колени. Это оказался маленький мешочек из двух лоскутов. Для гребня, пояснила она, чтобы не терялся.

Я кивнул и подождал.

Жетоны выдавали всем детям Грачева двора. У каждого свой знак и зарубки по краю. Их носили на шнурке, показывали человеку, который принимал мешки с ломом.

Ника читать почти не умела, зато свой знак помнила. Наклонилась и начертила пальцем на столе.

Я принес маленькую дощечку для счета с восковой поверхностью, найденную среди дорожных вещей Хорвана. Дал ей палочку с гладким концом. Ника выцарапала знак, затем исправила одну черту.

Такой же ставили в большой тетради у приемщика.

— Он каждый раз писал? — спросил я.

— Иногда еще монету рисовал. Я смотрела.

— Тебе деньги отдавал?

— Грач забирал. Говорил, за еду.

Про эту тетрадь девочка рассказывала уверенно. Она видела ее много раз. Толстая, в засаленном чехле, нижний угол подшит грубой ниткой. Приемщик держал ее под столом, доставал после взвешивания. К вечеру относил в ящик.

Сама Ника однажды задела локтем чернильницу. За это ей досталось. Внизу страницы осталась клякса, рядом с ее знаком.

Я подождал, пока она закончит, и налил воды.

Значит, учет существовал ради железа. Грач продавал его кузнецам, приемщик отмечал вес и расчеты. В той тетради могли сохраниться дни, когда Ника приносила лом, и стоимость принесенного.

Сегодня нам показали только расходы на нее.

Я взял палочку, записал рядом несколько слов. Писать по воску было непривычно: нажал сильнее, прорезал почти до основания, пришлось заглазить и повторить. Зато чистый лист тратить не требовалось.

— Тетрадь он не даст, — сказала Ника.

— Смотритель спросит.

— А если спрячет?

Я посмотрел на ее знак.

— Тогда спросим у приемщика. И у тех, кто сдавал рядом с тобой. Ты кого-нибудь помнишь?

Она назвала двоих детей, потом взрослого возчика, который иногда привозил сломанное железо. Я попросил описать, где его видела. Ника заговорила быстрее, помогая себе руками. Тут она разбиралась лучше меня: знала, кто с какой стороны двора приходит, куда ставят весы, где приемщик держит мелкие деньги.

Я слушал и записывал.

Когда закончили, вода в кружке уже остыла. Ника взяла хлеб, отломила край, но есть не начала.

— Если он все написал, меня отдадут?

Я отложил палочку.

— Завтра будем разбирать, что он написал и что было на самом деле. Я пойду с тобой. Марфа позовет торговцев. Веста принесет свои записи.

Девочка посмотрела на дощечку. На ней рядом стояли ее знак, место хранения тетради и имена тех, кого она вспомнила.

Потом обернулась к своей комнате.

— Вещи собирать?

— Нет. Утром умоешься, позавтракаем и пойдем. Вещи пусть лежат.

Она медленно кивнула и откусила хлеб.

Я убрал ее мешочек подальше от кружки, накрыл документы сухой тканью и положил рядом кошель. Завтра надо было прийти вовремя, привести свидетелей и добиться, чтобы смотритель потребовал вторую тетрадь.

На бумаге Грача стояло, сколько Ника ему должна. Теперь надо выяснить, сколько он уже получил за ее работу.

На краешке сознания вертелась мысль, что эта девочка мне близка отчасти от того, что очень похожа на мою внучку. Вот уж парадокс — сам выгляжу как юноша, а отношение к Нике как к маленькому ребенку.

Глава 6

Ника вышла к завтраку в куртке. Застегнула все пуговицы, пригладила волосы мокрой ладонью и села на край стула. Мешочек с гребнем положила возле миски.

Я посмотрел на печь. В кухне было тепло, от горшка шел пар. Девочка сидела прямо, будто боялась опоздать, хотя до колокола оставалось время.

— Расстегнись хоть. Еще поедим.

Она послушалась, но куртку снимать не стала. Хлеб взяла, отломил кусочек и положила обратно. Я придвинул к себе кашу, добавил немного масла и начал есть. Через некоторое время Ника тоже взялась за ложку.

Я собирался без спешки. Проверил печь, отнес Сметке воду, попросил Марфиного работника еще немного подержать корм в теплой воде. Кобыла потянулась к ведру, обнюхала пустые руки и толкнула меня носом в плечо.

— Сейчас дадут. Не забыл я про тебя.

Вернувшись, застал Нику у мойки. Она уже ополоснула обе миски и теперь вытирала стол. Свой мешочек убрала в комнату. Я заметил это, когда доставал Хорвановы грамоты, но ничего не сказал.

У ворот ждали Марфа и суконщик с торговых рядов. Тот самый, при котором Грач схватил девочку. Лавку он оставил на сына и несколько раз оглянулся в сторону рынка, однако идти не отказался. Мы двинулись вместе, Ника держалась возле моего локтя.

Смотритель принимал в доме у торгога. Под навесом висели весы, рядом стояли мерки с выжженными знаками. Двое мужчин спорили над мешком зерна. При появлении Марфы разошлись, пропуская нас к двери.

Внутри пахло сырой шерстью. Ратич сидел за широким столом. Веста уже раскрыла перед ним свою дорожную тетрадь, рядом ждал знакомый мне возчик. Грача пока не было.

Ника отпустила мой рукав.

Мы поздоровались. Ратич указал на лавку у окна, а писарь подвинул к себе спорную запись. Попробовал перо, поморщился и взял короткий нож. Кончик подрезал двумя движениями, сделал тонкую прорезь и провел черту на обрезке бумаги.

Я следил за его пальцами. Перо было гусиное, с пожелтевшим от рук стержнем. Длинную бородку срезали, оставив немного наверху. Возле чернильного горшочка лежал лоскут, почерневший по краям.

Парень у жаровни растирал в ступке сухие бугристые шарики. Несколько таких же лежало в мешочке. Пока Ратич пересчитывал Вестины строки, я негромко спросил писаря, что это.

— Дубовые орешки. Чернила готовим.

Он заметил мой интерес и повернул к свету горшочек.

— Размочат, настой сцедят. Зеленой соли добавят, камеди немного. Вчерашние еще светло идут.

На обрезке сероватая черта понемногу темнела. Я наклонился ближе, потом отодвинулся, чтобы не мешать. Писарь обтер кончик пера и принялся за работу.

У меня дома ручки валялись по всем ящикам. А здесь люди сначала готовили чернила, точили перо. Я невольно проверил, сухие ли у меня руки, прежде чем положить на стол Хорванову обложку.

Ратич слушал Весту. Шестого числа ее обоз прошел Северную переправу. Возчик подтвердил, что хозяин ночлежного двора ехал с ними, вез два тюка кожи и корзину ремней. На старой пристани в тот день его быть не могло.

Смотритель сверил число на спорном листе, велел писарю отметить сказанное. Затем просмотрел мою наследную грамоту и письмо с пристани. На последнем задержался, прочел имена Норвея и Радима.

— Это вчера было?

Я подтвердил. Ратич посмотрел на ссадину возле моего большого пальца, вернул листы и повернулся к Нике.

Ратич расспрашивал Нику об отце, о доме, о том, когда она осталась одна. Девочка говорила чуть слышно и порой искала меня глазами. Я ждал молча: о ее прежней жизни ничего не знал. Когда дошли до ночлежного двора, Ника нахмурилась.

— Мы с отцом туда ходили, когда мама умерла.

Писарь поднял голову от записи. Ратич спросил, жила ли Ника там после смерти Степана. Она покачала головой, назвала другой двор, затем угол за пекарней, где ей иногда разрешали переночевать.

Марфа стояла у двери и стискивала ручки корзины. Я достал восковую табличку с выцарапанным Никиным знаком и положил перед смотрителем.

— У Грача записывают все, что дети приносят. Ника знает, где держат тетрадь.

Ника объяснила, что мешки сперва ставили возле ворот, потом относили к весам. Приемщику на стол клали бирку со шнурка. Он смотрел на знак, записывал вес, а целые пряжки, петли и хороший металл откладывал отдельно.

Ратич спросил, кто забирал деньги.

— Грач.

— При тебе отдавали?

— Иногда. А иногда он вечером приходил.

Она показала пальцем, где стоял стол, с какой стороны открывался ящик. Сначала я понял ее неправильно, и девочка поправила: крышку откидывали к стене, сверху прижимали половиной круглого камня.

Писарь набросал несколько черточек на обороте использованного листа.

Дверь скрипнула, и Ника замолчала. Вошел Грач, стряхнул капли с шапки и начал жаловаться, что его оторвали от дела. Сесть согласился только после второго указания.

Ратич спросил о тетради приемщика. Грач сделал вид, что не понял, затем заговорил о расчетах с кузнецами и прочих делах, которые девчонку якобы не касались.

Смотритель выслушал и позвал служителя. Велел тому идти на Грачев двор, оставаться возле весов и до его прихода ничего из ящика не уносить.

Грач поднялся.

— Я сам принесу.

— Посидишь. Без тебя управятся.

Служитель задержался у двери. Грач посмотрел на него, снова сел и расправил на коленях шапку. Пальцы у него дрожали, хотя голос оставался громким.

Ратич убрал спорный лист в сумку. С Вестой и возчиком он сперва поедет к ночлежнику, затем займется счетом железа. Мне велел отвести ребенка на Сосновый двор и ждать.

Я поднялся, но не удержался и спросил:

— Ее пока никто не тронет?

Смотритель повернулся к Грачу.

— До разбора остается у тебя. Кто станет забирать, зови моих людей.

Ника слышала. Все же за рукав держалась до самой улицы.

Обратно шли медленно. Суконщик свернул к своей лавке, Марфа задержалась у пекаря. Мы с девочкой подождали возле стены. Она смотрела на воду в канавке под водостоком.

— Он теперь знает, что я сказала.

Я присел рядом, поправил ей перекрутившийся ворот.

— Знает. Но туда сейчас Ратич поедет, с людьми. Тебе на тот двор возвращаться не надо.

— А если придет спрашивать?

— Позовешь меня. Или Марфу. Одной с ним разговаривать не будешь.

Ника кивнула. Когда хозяйка вышла с хлебом, сама взяла у нее небольшой сверток и понесла до Соснового двора.

Дома она сразу разулась и сняла куртку. Долго возилась у себя, перекладывала что-то в сундуке. Я дал ей время, а сам налил воды и поставил хлеб на кухонный стол.

Из мастерской принес рубанок. Вчера мы сохранили старые края и поставили новую опору. Теперь оставалось передать ей нажим, который пока держал зажим. Клей за ночь схватился, крепление можно было заканчивать.

Я приготовил инструмент, но приниматься за тонкую работу не стал. После разговора у смотрителя все еще хотелось кому-нибудь объяснить, что именно думаю о Граче. Лучше было для начала успокоиться.

Ника вышла с шитьем. Села возле окна, вдела нитку в иглу и несколько раз посмотрела на дверь. Я устроился за столом напротив нее. В доме было тихо, только снаружи стучали по ободу колеса.

Через некоторое время пришла Марфа. Передала весть: ночлежник отказывается от записи. Говорит, что помогал Степану с похоронами жены, плату получил и больше никаких договоров не заключал. Ратич забрал его с собой.

Я вернулся на кухню и пересказал Нике.

Она положила иглу, разгладила лоскут и девочка вернулась к шитью.

После полудня за нами прислали снова.

У Ратича было тесно. Ночлежник сидел возле окна, приемщик — ближе к писарю. Веста стояла рядом с возчиком. Грача пересадили к дальней стене, у двери оставили служителя.

На столе лежали две тетради.

Ночлежник поднялся при виде Ники. Она его узнала. Мужчина снял шапку, покрутил в руках и рассказал, как Степан приходил за подводой после смерти жены. За людей и дорогу расплатился полностью, расписку получил.

Грач недавно показывал эту бумагу, расспрашивал о долге.

— Я ему сказал: заплачено, — повторил ночлежник. — Девчонка после отца у меня не жила. Как я за нее мог рядиться?

Свой росчерк на спорном листе он узнал, но ставить его там отрицал. Назвал людей, которые помнили прежний расчет. Веста с возчиком еще раз подтвердили поездку через Северную переправу.

Я слушал и посматривал на Нику. Она сидела прямо, руки сложила на коленях. Когда ночлежник сказал, что никому ее не отдавал, плечи у нее чуть опустились.

Ратич велел писарю отметить показания и взялся за тетради.

Маленькую носил Грач. В ней стояли имена детей и суммы за еду, кров, одежду, мешки. В большой приемщик вел вес и продажу железа. Нижний угол кожаного чехла был подшит грубой ниткой.

Ника подалась вперед.

— Эта.

Писарь перелистнул несколько страниц. Девочка указала на свой знак. Под строками расплывалась старая клякса, темная по краям и бледнее в середине.

Теперь я легко представлял, как это произошло. Задели глиняный горшочек, чернила потекли по столу, впитались в лист. Их пытались промокнуть, но разводы остались.

— Ты разлила? — спросил Ратич.

Ника кивнула и спрятала ладони под стол.

— Мешок поднимала. Он соскользнул.

Приемщик подтвердил ее знак. Он записывал вес, потом писал цену, когда железо уходило кузнецам. Если попадалась целая вещь, продавали отдельно.

Писарь положил рядом обе тетради. По одной называл, что Ника принесла. По другой — сколько с нее требовали. Суммы сводил на счетной табличке, передвигая маленькие костяные кружки.

Я следил, как мог. Местные сокращения медленно разбирал, поэтому дважды попросил повторить, за что прибавили. Писарь показал строки, объяснил. Ратич не торопил.

Выручка за железо превысила предъявленный Нике долг.

Грач заговорил про потери. Дети рвали мешки, прятали находки, недовешивали. Он кормил, пускал под крышу, тратился.

Смотритель повернул к нему маленькую тетрадь и попросил показать, когда именно Нике выдали новую обувь. Та же сумма стояла еще у нескольких детей. Приемщик помялся, потом признал, что обувь доставалась далеко не всем. Никину пару он помнил: один ботинок разрезали сбоку, чтобы нога влезала.

Я вспомнил старые башмаки под ее сундуком. Девочка сохранила их, хотя у нее уже была новая пара.

— Я отработала? — спросила она.

Ратич перестал листать.

— По этому счету ты ему ничего не должна. И права отдавать тебя у ночлежника не было.

Ника повернулась ко мне. Я кивнул.

Грач встал, но служитель сразу оказался рядом. Смотритель велел ему оставаться до разбора. Счета других детей тоже проверят, приемщик покажет двор и назовет каждого, кто там живет.

На ночь детей переведут к старому рынку, в уютный двор. Его содержали торговые хозяева и ремесленные старшины: давали кров тем, кто остался без семьи, кормили, потом искали родню или договаривались с мастерами.

Я спросил, хватит ли места.

Ратич уточнил у писаря, сколько постелей свободно, и велел открыть еще одно помещение. Солому привезут с пристани, за хлеб выдадут из сборов. Грачевы припасы тоже посчитают.

— Там маленький есть, — сказала Ника. — За мешками спит, под столом возле печи.

Смотритель подозвал служителя. Тот выслушал, спросил, во что мальчик одет, и повторил приметы. Ника отвечала все громче. Я видел, как она следит за человеком, который действительно собирается искать того, о ком она сказала.

Мне не надо было везти всех детей в фургоне. Здесь имелись люди, отвечавшие за уютный двор. Но прежде чем уйти, я попросил утром сообщить, всех ли нашли и разместили. Ратич согласился.

Затем занялись нами.

Смотритель спросил, готов ли я дать Нике кров и корм, пока ищут родню. Я подтвердил. Марфа поручилась, что знает, где мы стоим, и видела девочку с первого дня. Суконщик, успевший вернуться с рынка, повторил, как Грач хватал ее у рядов.

Писарь взял узкий чистый лист. Записал, что Ника остается под моим присмотром. До нового решения никто не вправе забирать ее или требовать работы по Грачевой записи.

Он прочитал все вслух. Я попросил еще раз повторить последнюю строку.

Потом поставил имя.

Перо цеплялось за волокна, пришлось сперва попробовать на обрезке. Писарь велел нажимать легче. Со второго раза получилось. Часть движений вспоминалась от Ярко, на других я задерживался, чтобы не вывести привычную русскую букву.

Ника смотрела на мою руку.

За письмо и лист я заплатил медью. Ратич поставил свой знак и приложил печать. Мы дождались, пока чернила подсохнут, затем писарь сложил лист по сгибу.

— С нынешнего часа, — сказал смотритель. — Завтра к полудню объявим при свидетелях, что установили по Грачевой записи. Остальные счета еще проверять.

Я убрал письмо в обложку.

На улице Ника попросила подержать. Взяла за края, осторожно обошла пальцем печать. Читать строки она не могла, но долго водила по ним взглядом.

— Здесь про меня?

— Про тебя.

— И он теперь не может?

— Сам прийти и увести — нет. Попытаемся, позовем Ратича.

Она вернула лист. До Соснового двора дошла рядом и ни разу не посмотрела назад.

Марфа уже собирала корзину для уютного двора. От смотрителя приходил человек, просил помочь с едой на первый вечер. Мы добавили хлеба и небольшой горшок масла. Ника укрыла все полотном, поправила края, чтобы не попадала пыль.

Дома первым делом убрала мешочек с гребнем на крючок. Потом принесла на кухню пустые миски и спросила, будем ли сегодня ехать.

— Завтра еще к Ратичу. А потом надо собираться.

Она посмотрела на полку с посудой.

— Это все заворачивать? На телеге ведь трясет.

Я открыл рот и закрыл.
Хороший вопрос.

С тех пор как нашел внутренний проход, фургон почти не двигался. Мы стояли на ровном дворе. Я уже привык к печи, воде, комнатам, но понятия не имел, как все это ведет себя на ухабах.

Ника тем временем сняла одну миску, примерила к ней полотенце.

— У нас отец на возу горшок сеном обкладывал.

— Пока оставь. Я посмотрю, как здесь устроено.

Я прошел по коридору. У полок имелись бортики, у части ящиков — простые запоры. Хорван явно думал о дороге. Все, что могло выпасть, закреплялось обычным способом.

Но стол в кухне стоял свободно. Табуреты тоже. Никина кровать оставалась там, где мы поставили.

Я невольно оглядел стены.

Снаружи фургон можно было обойти за несколько секунд. Внутри я уже прошел коридор, заглянул в мастерскую, вернулся к кухне и еще не добрался до дальних комнат. Почти сотня квадратов, я не уставал этому удивляться. Иногда мне удавалось забыть об этом на полчаса, потом выходил во двор — и все начиналось заново.

Сейчас к размеру добавилась тряска.

Я поставил миску обратно, достал восковую табличку и записал: «Дорога. Крепление вещей». Рядом оставались вчерашние заметки про тиски.

До прихода Радима было немного времени. Хотелось разобраться хотя бы с тем, что уже получил.

Я коснулся тисков и вспомнил их название. Перед глазами проступила знакомая запись. Ника заглянула мне через плечо, хотя знала, что ничего не увидит.

Я поднял ладонь, попытался заслонить строки. Они оставались видны. Повернул голову — тоже. От этого снова стало не по себе.

Семьдесят два года я прожил без букв перед глазами. Теперь сижу в молодом теле и читаю то, чего нет ни на стене, ни на бумаге.

Я вспомнил название умения, и строки проступили снова. Значит, прочитанное можно вернуть. Спросил, как подняться на следующую ступень, — ответа не получил.

Ника спросила, получилось ли. Я ответил, что кое-что получилось, затем убрал руку с инструмента.

Хотелось попросить сразу все: объяснить дом, магию, мое появление. Но на такие вопросы Реестр не отвечал. Полезнее было посмотреть конкретную вещь.

Я вернулся к порогу между коридором и мастерской. У самого пола проходила короткая железная планка. Раньше принимал ее за обычную накладку, защищающую дерево. Теперь провел по краю и задержал пальцы на креплении.

Под ними проступили две тонкие линии.

Одна уходила в пол, другая заканчивалась возле пустого посадочного места. Железо там было светлее, без старой грязи. Либо что-то снимали, либо готовили поставить.

Я присел. Внимательно посмотрел еще раз.

Появилась короткая запись:

Возможное улучшение: «Спокойный ход».

Назначение: смягчение дорожной тряски внутри дома.

Требуется изготовить и наречь опорный узел.

Я прочитал до конца и медленно отнял руку.

Ника стояла за плечом.

— Что там?

— Можно сделать так, чтобы здесь меньше трясло.

Она посмотрела на кухонный стол.

— И шить можно будет, когда едем?

— Надо разобраться. Сначала сделать.

Я снова коснулся крепления. Запись вернулась, но чертежа рядом не появилось. Сколько нужно железа, какое дерево годится, что именно должно удерживать пол, никто мне не сообщал.

Придется думать.

Я снял несколько размеров Хорвановой лентой. Пустое место было небольшим. Сам узел, вероятно, тоже не должен занимать много пространства, однако по двум линиям изготовить его было невозможно.

Взял табличку и зарисовал крепление. Ника принесла табурет, чтобы я не сидел на корточках. Я поблагодарил и еще раз рассмотрел посадочное место, уже без попытки выжать из Реестра все сразу.

Дом можно улучшать.

Я поднял голову, посмотрел в мастерскую. Пока мы стояли на дворе, верстак и так был неподвижен. В дороге же пришлось бы прятать мелкие детали, закреплять каждую коробку, ждать остановки, чтобы продолжить работу. А здесь обнаружилась возможность сохранить хотя бы часть привычного удобства.

И Ника сможет ехать в своей комнате. Пить из кружки, сидеть у окна, не цепляться за край постели на каждом ухабе.

Я поймал себя на улыбке.

Сначала рубанок, потом утренний разбор у Ратича. После этого надо заняться дорогой. Теперь к тормозу и упряжи прибавилось дело, за которое хотелось взяться.

Запись про «Спокойный ход» я обвел. Затем закрыл накладку и убрал ленту. Разбирать пол наугад не стоит. Начну с простого: выясню, какие опорные узлы здесь вообще делают, посмотрю обычные телеги. О доме внутри фургона рассказывать для этого никому не требуется.

Ника вернулась на кухню. Миску оборачивать больше не стала, поставила на полку и поправила бортик.

Ближе к вечеру пришли Радим с Норвеем.

Я вынес рубанок под навес, положил на светлый холст. Клей за ночь схватился, новая вставка плотно сидела. Вчерашние зажимы пока удерживали старые края в том положении, при котором связь сохранялась.

Теперь можно было закончить.

Норвей осмотрел рукоять, проверил пальцем посадку. Радим принес тонкую подкладку, вырезанную из того же дерева. Я утром снял для нее размер, и столяр успел подогнать все почти точно.

Мы примерили. Потребовалось убрать совсем немного с одного края.

Пока Радим работал ножом, Норвей спросил о разборе у зрителя. Я рассказал коротко. Грач остался там, детей переводят в приютный двор, Ника до выяснения родни живет со мной.

Мастер кивнул, затем вернулся к рубанку.

Я коснулся старого дерева. Линия была тусклой, но цельной. Норвей находил ее начало, дальше ему приходилось искать дальше. Зато обычное крепление он проверял куда увереннее меня: сразу заметил, где маленький зажим мог смять тонкий край.

Я переставил его по подсказке.

— У тебя Реестр тоже не на все отвечает? — спросил я.

Норвей поднял глаза.

— Смотря что спрашиваешь.

— Про свое умение вспомню — показывает. А как оно вообще работает, молчит. Мастер усмехнулся и вынул из чехла тетрадь.

Страницы были разного оттенка. На полях теснились приписки, нижний край одного листа подклеили полоской ткани. Семь лет человек пробовал, ошибался, записывал. Готового объяснения ему никто не выдал.

Первое наречение он получил на сундуке. Увидел строки, позвал жену. Она ничего прочитать не смогла. Потом оказалось, что вещи в сундуке оставались сухими даже в сыром подвале.

— Перевернул его весь тогда, — признался Норвей. — Думал, сам чего сделал и забыл. Железо снимал, щели смотрел. Чуть имя не испортил.

Я усмехнулся. Сам утром тянулся к креплениям фургона с очень похожими мыслями.

Норвей нашел рисунок рукояти другого инструмента. Поперечная вставка, несколько коротких заметок. После починки имя проявилось, но ненадолго.

— Первые проходы ровные, потом опять пусто, — сказал он. — Я с такими уже возился.

Я рассмотрел рисунок. Проверил на нашем рубанке направление нажима и движение при возврате. Старый тонкий край пока опирался на зажим. Если просто убрать его, часть усилия снова придется на поврежденное место.

Туда и нужна подкладка.

Я объяснил это без длинного рассказа: показал, куда давит ладонь, где удерживает зажим и что примет нагрузку после. Норвей попробовал рукой, затем кивнул.

Радим подал готовую деталь. Тиски поставили рядом. Им предстояло удерживать только легкий уцелевший край, пока я подвожу постоянную опору. Вес рубанка и нажим на рукоять оставались на обычных креплениях.

Ника пришла вместе с Марфой и села на лавке. Куртка расстегнута, в руках мешочек с гребнем. Показывала хозяйке шов и время от времени поглядывала на стол.

Я проверил все еще раз, приготовил подкладку и маленький прижим. Затем раскрыл губки тисков. Тонкий край сохранил положение. Под ним осталось место для моей руки. Я подвел опору, посадил ее точно по отметке и затянул прижим. Восемь ударов прошли, дерево едва заметно осело на новое крепление.

Линия осталась целой. Я положил ладонь на рукоять. Надавил вперед, потом в сторону возврата. Свет не слабел. Под пальцами стало тепло, хотя до этого дерево было прохладным.

Перед глазами появились строки:

Реестр создателей

Рубанок. Восстановление завершено.

Исходное имя: «Ровная подача».

Именованный узел сохранен.

Я прочитал и осторожно снял последний обычный зажим.

Удивление никуда не делось. Железо, дерево, клей — все знакомое. Но поверх этого существовали связи, которые я различал пальцами, и слова, доступные только мне. Хотелось поверить им.

Вместо этого я еще раз попробовал рукоять и передал рубанок хозяину.

— Реестр подтвердил. Давай посмотрим в работе.

Радим бережно взял инструмент. Закрепил короткую заготовку у упора, устроил поврежденную левую кисть на переднем хвате. Правая ладонь обхватила заднюю рукоять.

Первый проход получился осторожным. Стружка поднялась тонкой лентой и свернулась возле края.

Столяр провел пальцем по кромке, переставил заготовку. Второй раз пошел увереннее. В конце не понадобилось поворачивать плечо, удерживая колодку.

Он остановился. Посмотрел на левую руку, разжал плохо сгибавшиеся пальцы и снова положил их на инструмент.

Он улыбнулся. Ника перестала разговаривать с Марфой. Я тоже молчал, хотя хотелось попросить еще один проход, потом самому осмотреть кромку и снова дать рубанок Радиму.

Столяр поднял стружку, растер между пальцами.

— Вот так и было раньше.

Норвей проверил заготовку, коснулся основания рукояти. Спорить с короткой пробой было нечего, однако он сразу напомнил о настоящем заказе.

Наутро Радим должен самостоятельно пройти всю партию оконных деталей. Первую готовую кромку отложим, затем сравним с последними. Руку можно будет разминать и отдыхать как обычно, но за него никто работать не станет.

Я согласился. Норвей видел восстановления, которые распадались после десятка проходов. Мне казалось, здесь причина устранена: нагрузка больше не приходилась на ослабленный край. Я проверил движение, при котором связь могла растянуться, и теперь она сохранялась.

Осталось убедиться, что так будет после многих повторений.

Цена моей работы оставалась прежней — серебряный после полной проверки. Дерево и подгонка были Радимовыми.

Я смотрел на старый рубанок и понимал, что впереди у меня может оказаться вполне определенная работа. Такие вещи уже лежали у Норвея. Их хозяева успели обойти мастеров, потратить деньги и смириться с потерей. Если этот выдержит, ко мне принесут следующие.

Никаких мешков серебра я еще не заработал. Но за несколько дней перестал просить шабашку за ужин. Люди ждали, что я сумею вернуть то, от чего зависел их собственный заработок.

Радим завернул рубанок. Подготовленные длинные заготовки оставил под навесом, укрыл от сырости. Норвей убрал инструмент в футляр.

Мы разошлись до утра.

Дома я вымыл руки и положил перед собой восковую табличку с рисунком крепления фургона. «Спокойный ход» оставался обведенным. После испытания надо будет найти подходящее железо и расспросить Радима о дереве, которое выдерживает повторный нажим.

Ника поставила рядом две миски. Потом заглянула на рисунок.

— Это чтобы ехать?

— Да. Пока только примеряюсь.

Она кивнула и пошла за хлебом. Сегодня ей хватало того, что завтра мы никуда не убегаем.

На рассвете пришел Радим.

Я еще завтракал, когда он постучал. Договорились встретиться под навесом. Нике сказал, где буду, и попросил поесть спокойно. Она собиралась сначала помочь Марфе накрыть для возчиков, потом выйти к нам.

На столе уже лежал материал для всей партии. Радим поправлял упор, чтобы длинная заготовка не уходила в сторону. Рубанок держал завернутым до моего прихода.

Норвей появился следом с ровной рейкой и угольником. Поздоровался, осмотрел рукоять, передал мне.

Я коснулся основания. Связь оставалась целой. Надавил так же, как вчера, затем убрал руку. Дальше надо было дать инструменту поработать.

Во двор въехала небольшая телега. Возчик осадил лошадь, а сидевший рядом мужчина спрыгнул и направился прямо к нам. Кафтан добротный, сапоги вычищены, под мышкой длинный футляр.

Радим выпрямился.

— Кудрин.

Норвей поздоровался, мужчина поставил футляр на свободный край стола и снял перчатки.

— Доброго имени. Слышал, старому рубанку сегодня пробу даете.

Мне он представился старшим приказчиком Береста. Ведал его лавками на здешнем торгу и соседних пристанях. Имя хозяина я уже видел на вывеске над инструментальным рядом.

Кудрин открыл футляр.

На чистом холсте лежал новый рубанок. Светлая колодка, гладкие рукояти, хорошо посаженное железко. Я присмотрелся к клину и невольно кивнул — хорошо подогнан, добротная работа.

— Радим еще весной о таком спрашивал, — сказал приказчик. — Привезли наконец.

Радим подтвердил, что хотел заменить свой рубанок еще весной, да цена отпугнула. Теперь приказчик сулил уступку: немного уплатить сразу, остаток — после оконного заказа. Старый инструмент он соглашался забрать в счет платы.

Я понимал, отчего Радим молчит. С больной рукой ему лишняя возня ни к чему. У известного торговца можно сразу взять исправный рубанок, а в случае брака получить замену. Я свой ремонт толком еще и не проверил — всего три коротких прохода.

— Старый сегодня отдашь — уступлю, как обещал, — сказал Кудрин и придвинул футляр ближе. — После испытания еще посмотрю, в каком он виде.

Теперь я понял, зачем Кудрин поспешил к началу. Если Радим купит рубанок, испытывать старый не станут, а к вечеру все услышат, что столяр предпочел новый. О моей починке так и будут судить по разговорам под навесом.

Я почувствовал, как сводит челюсть, и расслабил ее.

Радим мне еще не заплатил. Инструмент принадлежал ему, рукой своей работать тоже ему. Торопить человека после нескольких неудачных починок было бы стыдно.

Норвей осмотрел новый рубанок, проверил низ и посадку железка.

— Хороший.

— Я бы плохого не вез, — ответил Кудрин.

Столяр посмотрел на меня.

— Попробовать?

— Пробуй.

Короткую заготовку положили у упора. Новый инструмент пошел ровно, стружку снял без рывка. На второй проход Радим переставил левую ладонь. Передний хват был выше и круглее привычного. Пальцы соскользнули, пришлось прижать основанием большого.

Кудрин показал, где удобнее нажать.

Радим попробовал. Провел еще раз, затем отпустил рукоять и потряс кистью. Несколько секунд смотрел на инструмент, потом аккуратно вернул его в футляр.

Новый рубанок оставался хорошим. Однако больная рука на нем лежала иначе. Это видели все, кто стоял возле стола.

Радим развернул свой сверток.

— Сначала этим закончу пробу.

Кудрин крышку не закрыл.

— К середине заказа откажет — все равно за новым придеешь. Только этой цены уже не обещаю.

Столяр взял старый рубанок. Большой палец сразу попал в вытертое углубление.

— Ярko еще работу не сдал. Дадим сдать.

Я отвел взгляд к заготовкам. Очень хотелось улыбнуться, но впереди оставалась вся партия.

К навесу подошли Марфа с Никой. Пришел заказчик оконных рам, Радимова жена принесла ему завтрак. Люди здоровались, устраивались так, чтобы не мешать. Никто не объявлял представления, однако разговор о двух рубанках уже слышали.

Кудрин повернулся ко мне и спросил цену ремонта.

Я назвал. Приказчик приподнял брови, посмотрел на починенную рукоять.

— За такое обещание мало просишь.

— Рассчитаемся после работы.

Он взял инструмент с разрешения Радима, коснулся места починки. Потом вернул и заговорил громче:

— Под постоянным нажимом здесь опять разойдется. К концу партии имя распадется.

Ника посмотрела на меня. Я видел это краем глаза.

Вместо ответа еще раз проверил основание рукояти. Ровная линия проходила через новое крепление. Я знал, где находилось повреждение, как шел нажим и что мы изменили. Повторять весь ремонт словами при Кудрине не собирался.

Норвей подвинул футляр на соседнюю лавку.

— Давайте уже проверим.

Заказчик окон разложил мерную рейку, уточнил размер. Первую готовую деталь условились отложить отдельно. Норвей раскрыл тетрадь на свободном углу стола, прижал страницу. Кудрин остался у края навеса.

Радим подтянул фартук и несколько раз согнул пальцы поврежденной руки. Затем закрепил длинную заготовку у упора.

На столе лежал материал для всего заказа. Короткой удачной пробы теперь никому не хватит.

Я отступил, освобождая ему место. Ника подошла ко мне, но за рукав не взялась. Смотрела на старый рубанок в руках столяра.

Радим устроил ладони на привычных хватах. Новый инструмент Кудрина лежал рядом в открытом футляре, чистый, светлый, готовый к работе. Столяр на него больше не посмотрел.

Он подвел железко к краю заготовки, проверил направление и подался вперед.

Глава 7

Интерлюдия

Возница Терена придержал лошадь у протянутой веревки. Впереди ждали две подводы с углем. На одной спал человек, укрыв голову мешком, на другой мужик обматывал тряпицей стертую пятку.

Над проездом медленно проплыл камень. Терен приподнялся на сиденье, пытаясь разглядеть, на чем его держат. Глыба заслонила край неба, и только тогда стали видны четыре каната, расходящиеся к подъемникам.

Такой камень пришлось бы обрабатывать целое лето. Еще надо было найти его, вырубить, дотащить сюда по дороге, на которой возница последние полдня поминал родню всех местных старост.

Рабочий у ограды поднял руку. Далеко впереди остановили ворот; канаты натянулись, камень замер над проездом.

— Долго? — спросил возница.

— Как поставят.

Сторож смотрел вверх. Ни на подводы, ни на человека с дорожным письмом он пока не отвлекался. Терен сел, прижал коленями футляр с мерками и стал ждать.

По ту сторону ограды командовали. Несколько человек потянули оттяжку, подвешенная глыба повернулась и поплыла дальше. Терен следил за ближайшим канатом. У края каменной стены тот перегибался через выступ, который давно следовало обить железом или хотя бы прикрыть деревом.

Канат терся о каменную кромку. Под ним уже проточили глубокую борозду, а на волокнах Терен не нашел ни одного разрыва.

Он перегнулся через борт, чтобы рассмотреть получше. Светлый толстый канат скользил по камню, сбрасывая пыль. Возле перегиба стоял рабочий и деревянным скребком очищал желоб.

Терен посмотрел на свои ладони. У него в мастерской лежал кусок нареченной веревки, купленный после долгого торга. Он держал ее в холщовом мешке и редко пользовался. Здесь на одном подъемнике такой веревки было больше, чем он когда-либо видел.

Когда проход освободили, сторож опустил руку. Угольные подводы поехали вперед. Теренова задержалась: сопровождавший его всадник показал письмо, и сторож вызвал человека из караульного навеса.

Печать сверили с оттиском на небольшой глиняной плитке. На письмо поставили знак, вернули сопровождающему и велели следовать до коновязи.

За оградой пахло горячим железом. Под первым навесом перековывали упряжную скобу. Возле второго сидели двое с лопатами: снимали расшатанные черенки, складывали целые железные части отдельно от треснувших. Между кузницами прошел мальчишка с ведром заклепок. Ведро он нес обеими руками, часто останавливался, но помощь проезжавшего возчика отверг.

Дальше шли склады. Лес лежал на прокладках, укрытый сверху от дождя. Железо рассортировали по длине и толщине. Камни отмечали охрой, возле каждого ряда стоял человек со счетными бирками.

Терен непроизвольно высматривал мелкие куски, которые дома подобрал бы для своей работы. Тут обрезок хорошего бруса могли оставить поперек лужи. Железные полосы, пригодные для десятка заказов, лежали возле кузницы в корзине с отходами.

Подвода свернула у кухни. Рабочие сидели за длинными столами, над мисками поднимался пар. Рядом раздавали хлеб, и человек с ножом отрезал каждому толстый ломоть. Терен проводил взглядом хлебную тележку. На ней осталось несколько больших караваев, а из кухни уже выносили следующие.

Он прикинул, сколько здесь съедят до вечера. Затем прибавил корм для лошадей, уголь, жалованье кузнецам. За следующим складом открылась вторая кухня, и подсчет пришлось бросить.

У коновязи его встретил сухощавый распорядитель с кожаным свертком под мышкой.

— Доброго имени, мастер Терен. Как дорога?

— И тебе доброго. Колесо один раз снимали. Доехали.

— Возницу отправим к колеснику. Ваши вещи отнесут в жилье. Сами пройдете со мной?

Терен слез, расправил затекшую ногу. Сумку оставил на сиденье, футляр с мерками взял. В письме обещали сначала показать работу, потом обсудить срок и плату. Он собирался задержаться на несколько дней, однако уже жалел, что взял мало чистого белья. Он был уверен, что согласится на нее, уж слишком все тут добротно и дорого смотрелось.

Распорядитель провел его между складами. В конце прохода стояли перила, за которыми виднелись верхушки подъемников. Терен ожидал увидеть пристань при большом водоеме или глубокую выемку для мельничного колеса.

Он подошел ближе и остановился.

В котловане собирали огромный помост. На дальнем краю по нему ехала телега, запряженная парой лошадей. Расстояние было таким, что Терен сначала различил только движение, и лишь когда возница поднялся на сиденье, понял, насколько велики окружавшие его части.

По склонам шли уступы. На каждом стояли лебедки, ворота, навесы с инструментом. Между ними спускались люди, тащили пустые тележки, подавали знаки тем, кто работал ниже. У ближнего склона вода текла в каменную канаву. В конце канавы она поднималась по открытому желобу вверх.

Терен проследил за струей.

Она шла в гору, огибала уступ и переливалась в следующий желоб. Там вода разделялась, часть уходила за край котлована, часть стекала к широкому корыту. Человек в мокром переднике вытаскивал из корыта ветки и бросал их в корзину.

— Это тоже нареченное? — спросил Терен, хотя ответ был очевиден.

Распорядитель кивнул.

В нескольких шагах ниже работала помпа. Возле него двое вращали рукоять, третий следил за кожаным соединением. Помпа подавала воду из боковой ямы в ту самую канаву.

Терен еще постоял у перил. За семь лет он повидал немало удачных вещей, некоторые создавал сам. Но воду, текущую вверх по открытому желобу, прежде видел только в маленькой чаше на смотре. За право повторить ее устройство просили целое состояние.

— Сколько здесь нареченных вещей?

— На вашем участке познакомьтесь со всеми, — ответил распорядитель. — Нам к западному спуску.

Они пошли вдоль ограды. На ближайшем подъемнике менялись люди. Восемь вышли из-за рычагов, сели на бревно, потянулись за водой. Груз остался наверху, хотя возле барабана теперь стоял один человек, который даже не касался рукояти.

Терен замедлил шаг, но впереди уже началась другая работа. Четыре крана поднимали широкую каменную плиту. От каждого к ней подходил канат, и все четыре сходились над грузом в темной скобе.

Он узнал ее по изогнутому среднему ребру.

Скобу показывали на рисунке три года назад. Тогда спорили, существует ли она вообще: художник слишком мало понимал в работе подъемников и нарисовал канаты так, что они должны были мешать друг другу. Позднее Терен разговаривал с человеком, который видел саму вещь. Скоба существовала. Ее хранили в княжеском собрании, и посмотреть на нее удалось лишь немногим.

На дальней стороне рабочие у ворота сбились с шага. Плита продолжала подниматься. Ни один край не пошел вниз; на всех канатах сохранялось одинаковое натяжение.

Терен дождался, пока люди выправят шаг.

— Эту скобу давали на время?

Распорядитель посмотрел на подъемник.

— Она здесь остается.

— Князь согласился?

— Я при покупке не присутствовал.

Терен оглядел ограду, склады, людей возле перил. Герба он нигде не заметил. Впрочем, искать его следовало у въезда, пока они сверяли печать, а тогда он смотрел на канат.

Распорядитель остановился перед широким навесом и откинул полог.

— Заготовки для вашей работы. Те, что прислали на пробу, сделаны из того же железа.

Внутри лежали обернутые тканью куски. Терен поднял край ближайшей обертки, проверил торец, провел пальцем по клейму. Потом посмотрел на ряды, уходившие под дальнюю стену.

— Сколько креплений?

— Двадцать четыре для начала.

Терен поставил футляр на край скамьи. Присланный ему образец был размером с ладонь. Он готовился сделать пару таких вещей, может быть, четыре.

Распорядитель ждал, пока он закончит осмотр. Торопить его никто не собирался.

В мастерской стоял новый верстак. Тиски поставили так, как Терен просил в ответном письме, а слева оставили длинное свободное место. Над ним висела мерная линейка, под столом стоял ящик для инструмента.

Терен открыл крышку. Напильники завернули по отдельности, резцы уложили в прорези. В одном отделении нашлись куски меди. Он взял ближайший — чистая, хорошая медь, еще не гнутая и не битая.

Дома он выправлял такие куски, пока они окончательно не крошились по краям.

— К вам придут двое помощников, — сказал распорядитель. — Один умеет читать размеры. Второго можно поставить к горну.

— Своих могу привезти?

— Если надолго возьметесь, даже дорогу оплатим.

Терен проверил тиски, несколько раз повернул рукоять. Обычные, хорошо сделанные. Он сунул между губками обрезок, зажал, попробовал выдернуть. Затем приподнял крышку маленькой чаши: смазка тоже была приготовлена.

За навесом работали несколько человек. Слышались короткие удары, плеск воды и скрежет притирки. Терен вышел к ним, пока распорядитель разбирал сверток с размерами.

Одного мастера он узнал. С этим человеком ему приходилось спорить на смотре, спор Терен тогда проиграл, и по делу. Теперь признанный создатель сидел на низкой скамье в пыльном переднике и сам растирал песок в каменной ступке.

Второй поднял голову из-за верстака. Он был старше, с тяжелыми веками и обожженными до блеска пальцами. Терен несколько раз ездил к нему за советом и всякий раз ждал приема до вечера.

— Доброго имени, — сказал он.

Оба ответили почти одновременно. Старший отложил узкий резец и махнул ему на свободную скамью.

— Также на середину позвали?

— На соединения. Пока смотреть.

— Смотри. Мы тебе после обеда покажем, что пробовали.

Терен еще раз оглядел их рабочие места. Пригласить одного из этих людей было трудно. Уговорить обоих оставить собственные мастерские — почти невозможно. Однако здесь они сидели уже достаточно долго, чтобы обжиться, вон на полке стояли личные чашки, под верстаком лежала сменная обувь, возле окна сохла рубаха.

Распорядитель принес лист с изображением крепления. Терен развернул его на скамье, придержал футляром и попросил показать соседние части.

Ему принесли еще два листа. На них стояли размеры, отметки поворота, пределы хода. Все необходимое для изготовления имелось.

— А целиком?

Распорядитель разгладил край бумаги.

— У хозяина.

— Мне надо понимать, куда это ставят.

— Место покажем. Размеры известны. Если потребуются другие сведения, спросим.

Старший мастер потер пальцами подбородок.

— Тебе сейчас сборку принесут. По рисунку все сходится.

Он сказал это с таким выражением, что Терен не стал расспрашивать об общем чертеже.

Плату за осмотр распорядитель выдал тут же. Терен пересчитал монеты, проверил две на вес и убрал мешочек. Никаких новых условий ему не предъявили. Срок, оговоренный в письме, сохранялся, если за большую работу он не возьмется, домой его обещали отправить с ближайшим обозом.

На испытательном столе стояли три невысокие опоры. Между ними крепилась поперечина. По виду все было просто, и Терен сперва решил, что его проверяют на внимательность.

Он осмотрел соединения, провел ногтем вдоль края, попросил снять одну часть. Мастер с обожженными пальцами подал ему ключ.

Работа оказалась безукоризненной. Железо подогнано, каменные гнезда выведены точно. В тех местах, где части должны были двигаться, оставили достаточный зазор. Терен проверил размеры собственным шнурком, потом вернул деталь.

— Покажите.

Мастера раздвинули опоры. Каждую испытали отдельно: нагружали, поворачивали, оставляли в заданном положении. Терен сам приложил усилие и убедился, что все три делают то, что от них требуется.

Затем их соединили.

Поперечина едва заметно повернулась. Одна опора подалась вслед за ней, другая удержала прежнее положение. Железо в среднем соединении выгнулось, и Терен сразу отдернул руку.

Старший мастер остановил испытание.

После разборки опоры снова работали исправно. Терен повторил пробу, дольше подержал груз, несколько раз изменил нажим. Имена сохранились. Никакой слабости он не нашел.

— Они друг другу мешают, — произнес он.

— Это мы уже знаем.

Старший мастер сказал это, двигая ему следующую сборку. В ней изменили среднее соединение. Дальше показали еще две, затем принесли записи.

Терен начал с предложения увеличить зазор. Ему молча подали соответствующую деталь. Он проверил другую мысль — изменить порядок крепления — и обнаружил на краю стола уже приготовленные части.

Через некоторое время он сел. Хотелось заново посмотреть самые первые размеры, будто в них могло найтись что-то упущенное.

На бумагу здесь тоже не скупилась. Пробы описывали, оставляя место для следующей записи. У каждой сборки был свой знак, и старший мастер легко находил нужный лист.

Терен остановился на последнем.

— Все три имени остаются?

— Все. Проверяли и утром, и через месяц. Пока стоят порознь, работают.

— А если одним мастером делать?

Человек с обожженными пальцами протянул ему третью сборку.

— Моя.

Терен провел по ней рукой. Надо было смотреть внимательно.

Они ушли под край большого помоста, где хранили прежние пробы. Здесь стояли детали длиной с человеческий рост. На одних выгнуло обычные соединительные полосы, на других раскололся камень вокруг гнезда. Нареченные части сохранили форму.

Старший мастер снял полотно с одной опоры, закрепил на ней пробный груз и предложил Терену убедиться самому. Та удержала массу, на соседней следы давления доходили до самого гнезда, однако внутри все оставалось целым.

Терен присел возле треснувшего основания.

— Сначала проверяли на малом?

— И сейчас проверяем. Но чуть больше — движется иначе.

Он понимал это. Все равно хотелось найти простую ошибку, устранить ее и вернуться к новому верстаку с приятным сознанием, что пригласили его вовремя.

Вместо этого пришлось попросить еще один светильник.

Хозяин пришел, когда Терен в третий раз проверял мерку.

Он появился со стороны спуска в сопровождении человека с узким дорожным футляром. На нем был темный кафтан, сапоги забрызганы до колен. Перчатку с правой руки он снял на ходу и сунул за пояс.

Распорядитель поднялся ему навстречу. Старший мастер убрал со скамьи свои вещи, освободил место и сразу заговорил об опоре, которую пришлось сместить.

Хозяин выслушал, попросил показать отметки, затем сам наклонился над камнем. Несколько минут они сверяли размеры. Терен стоял рядом и ждал, когда его представят.

— Мастер Терен, — сказал распорядитель. — Приехал сегодня. Первые сборки уже посмотрел.

— Доброго имени. Устроили вас?

— И вам доброго. Все приготовлено.

Хозяин кивнул и вернулся к опоре. Его интересовало, можно ли сохранить уже установленную часть. Мастер объяснил, что при следующем соединении к ней не подобраться. Придется разбирать.

Хозяин посмотрел вдоль готового участка. Там стояли подмости, сохли швы, рабочие заканчивали убирать лишний раствор.

— Разбирайте. Сколько потеряем по времени?

Распорядитель ответил. Хозяин выслушал до конца, потом велел перенести следующий подъем.

Терен рассматривал его руки. На большом пальце белел старый рубец, возле ногтя темнела въевшаяся грязь. Человек явно умел работать, но по этим следам нельзя было определить чем. Украшений он не носил. На поясе висели нож в простых ножнах и короткий кожаный чехол.

К ним подошел старший рабочих. Он доложил, что площадку для испытания освободили, обычные подвески натянуты, нижний проход перекрыт.

Хозяин посмотрел на мастеров.

— Готовы?

Терен ожидал, что его оставят у пробныхборок. Однако старший создатель позвал его с собой.

Большую часть сооружения собирали у края помоста. Между двумя каменными опорами установили широкую поперечину. Пока она висела на канатах четырех кранов. Под ней лежали толстые подкладки, а с боков стояли рабочие с длинными оттяжками.

Людей с нижнего уступа отвели за ограждение. Двое остались на боковой площадке возле мерных шнуров. Оттуда они должны были следить, насколько опускается каждый край.

Терен занял место рядом со старшим мастером. До поперечины было достаточно далеко, хорошо виднелись подвески и отметки на камне. Он сразу узнал три соединения, которые рассматривал в малом виде.

— Здесь они уже работают? — спросил он.

— Сейчас сведем.

Вороты начали вращать по команде одного человека. Поперечина медленно опустилась. Канаты сохраняли натяжение, рабочие с оттяжками следили, чтобы края подошли ровно.

Первое соединение встало на место. Затем второе.

Терен ждал того же небольшого поворота, который видел на столе. Но здесь ничего не произошло. Старший мастер поднял ладонь, и рабочие подвели третий край.

Камень под дальней опорой хрустнул.

Сначала звук был коротким, будто раздавили кирпич. Потом по кладке протянулась трещина. Опора сместилась на толщину пальца.

— Стой!

У ворот замерли. Рабочий возле мерного шнура бросился к лестнице, но площадку под ним перекосило. Его товарищ ухватился за ограждение и лег на живот. По камню покатился молоток, сорвался вниз.

Терен увидел, как расходится край кладки. Нареченное соединение по-прежнему держало свое положение, соседнее тоже. Между ними выгибалось обычное железо.

Старший создатель крикнул людям у ближнего края, чтобы те снимали соединительный стержень. Двое полезли к нему с длинными клещами. Стержень зажал.

Хозяин уже открыл дорожный футляр.

На темной ткани лежал захват длиной с предплечье. У него была широкая светлая вставка и три глубокие выемки на торце. Терен узнал вещь по этим выемкам.

«Последняя опора».

Ему рассказывали, что с ее помощью удержали обломок башни, пока из-под него выводили людей. Он тогда не поверил. Теперь хозяин взял захват, а сопровождавший его человек вынул короткую рукоять.

К подвеске подошли сбоку, по еще целому уступу. Старший мастер придержал хозяина за локоть. Тот закрепил захват, проверил, как сошлись его края, и вставил рукоять.

Ближайшие канаты провисли.

Терен вцепился в перила, ожидая, что поперечина рухнет. Она осталась на месте. За ней остановилась опора, до этого медленно вдавливавшаяся в треснувшую кладку.

Под ногами еще осыпалась каменная крошка. Двое на перекошенной площадке лежали неподвижно, прижавшись к полу.

— К лестнице! — крикнул старший рабочих. — По одному!

Один пополз, цепляясь за край. Второй помог ему добраться до ступеней и только потом двинулся следом. У ближней опоры уже работали клещами. Соединительный стержень подался; его вынули и оттащили в сторону.

Хозяин стоял возле захвата, держась за рукоять. По виду усилий это у него не отнимало. Он следил за рабочими и ждал.

Терен посмотрел на светлую вставку, где не было ни трещины, ни изменения цвета. Громадная часть сооружения висела так же неподвижно, как маленький пробный груз над столом мастера.

После того как разняли соединения, у кранов выбрали слабину. Старший обошел доступные подвески, проверил каждую и только потом подал знак.

Хозяин повернул рукоять обратно.

Канаты натянулись. На этот раз опора осталась в подготовленном положении. Поперечину приподняли, отвели от треснувшей кладки и опустили на подкладки.

«Последнюю опору» сняли. Сопровождающий вытер ее тканью и уложил в футляр. Терен смотрел, пока не закрылась крышка. Он успел разглядеть затертый край самого футляра, старую починку ремешка и безукоризненную поверхность лежавшей внутри вещи.

Спасенные рабочие спустились. Один сильно припадал на ногу; его тут же посадили на принесенную скамью.

— К лекарю, — распорядился хозяин. — На сегодня обоих убрать с работы. Жалованье оставить.

Потом он вернулся к треснувшей опоре. Мастера начали спорить о том, что произошло. Терен слушал, но все еще поглядывал на закрытый футляр.

Для владельца этой вещи остановить испытание оказалось делом нескольких движений. Однако само соединение он исправить не сумел. Теперь хозяин так же внимательно, как остальные, рассматривал щель в камне.

К нему подошел человек в запыленной дорожной одежде. Он дождался, пока мастера замолчат, и протянул свернутое письмо.

Хозяин прочел его, затем спросил:

— Постав готовы отдать?

— Хозяева отказались. Оба брата. Сказали, ни за какую цену.

— Им объяснили, что привезем обычные жернова?

— Объяснили. На обычных столько не смелют. К ним из семи селений везут.

Хозяин еще раз посмотрел на письмо.

Терену следовало отойти. Разговор касался покупки, и обычно при таких делах посторонних не держали. Но его никто не попросил уйти, а старший мастер стоял рядом и тоже слушал.

— Муку на первое время будем доставлять, — сказал хозяин. — Людям на мельнице платить, пока не устроят новый помол. Постав нужен здесь.

Посланец помял в пальцах край шапки.

— Братья сами его нарекали. Один сказал, что ляжет поперек.

Хозяин протянул письмо распорядителю.

— Тогда поедете вы. Возьмите людей для разборки и перевозки. Сумму, которую предлагали, оставьте полностью.

— Если снова откажутся?

— Запишите при свидетелях, что деньги переданы. Чтобы потом не спорить о цене.

Распорядитель убрал письмо в сверток и уточнил число подвод. Хозяин ответил, после чего велел прежде доставить муку, а уже потом разбирать мельницу.

Терен опустил глаза на собственный футляр. Ремешок на нем был стянут слишком туго. Он ослабил его, хотя доставать мерки пока не собирался.

Обед принесли в навес рядом с испытательным местом. На стол поставили горшок с мясом, хлеб, кувшин. Хозяин сел вместе с мастерами, подвинул миску Терену и попросил рассказать, что тот думает о соединениях.

Терен ответил с осторожностью. Каждая часть делала свое. По отдельности к наречениям придаться было трудно. При сборке нужно было добиться, чтобы одно движение учитывало другое, причем простое изменение крепления пробовали.

— Само ваше гнездо изготовлю, — сказал он. — Соседей заодно переделывать пока рано. Надо еще посмотреть.

— Сколько?

— На первые пробы неделя. Дальше скажу.

Хозяин кивнул распорядителю.

— Оставьте ему двоих помощников. Если понадобятся мастера с других участков, зовите.

Терен разломил хлеб. За неделю ему обещали столько, что можно было бы вернуться домой и спокойно доделать несколько собственных вещей, которые он годами откладывал ради заказов.

У соседнего стола сидел рабочий с распухшим запястьем. Ему принесли такую же миску, помогли закатать рукав, чтобы ткань не терла перевязь. Распорядитель подошел к нему, о чем-то спросил, записал ответ.

Терен следил за ним, пока хозяин разговаривал со старшим создателем.

На краю стола лежало еще одно письмо. Его принесли вместе с известием о мельнице. Хозяин дочитал, задержался на последних строках и передал распорядителю, когда тот вернулся.

— Ответьте, что прежние условия сохраняются.

Распорядитель пробежал глазами написанное.

— Они берут на себя весь подвоз до следующей весны.

— Вижу.

— И людей на нижний участок. С ними успеем раньше.

Хозяин доел, отодвинул миску, вытер руки, вернул себе лист и аккуратно сложил по прежним сгибам.

— Срок придется сдвинуть, — сказал распорядитель.

— Сдвигайте. Решать здесь буду я.

Он произнес это негромко, продолжая складывать письмо. Затем спросил, когда подойдут следующие заготовки, и разговор снова вернулся к подводам, людям и лесу.

Терен отломил еще хлеба. Ему хотелось узнать, кто предлагал помощь и почему хозяину было так важно отказаться. Но ни печати, ни подписи он рассмотреть не успел.

После обеда они вернулись к малым сборкам. Старший мастер показал, как пытался соединить части, сохранив каждому имени прежнее действие. В некоторых случаях удавалось получить работу на одном положении. Стоило изменить что-то и обычные крепления начинало выгибать.

Терен провел пальцем вдоль железной полосы.

— Здесь можно дать свободнее.

— Дали бы — ушли бы от нужного размера.

— Тогда менять соседнюю часть.

— Ее тоже пробовали.

Ему принесли еще одну сборку. Он осмотрел ее, затем попросил прежнюю. Вместе они занимали почти весь стол.

Хозяин наблюдал молча. Лишь когда Терен надолго задержался у стыка, спросил:

— Переделать, сохранив имена, сможете?

— Свои — попробую. С чужими будет труднее.

— Вы восстанавливали чужую работу?

— Случалось. Когда повреждение простое и мастер рядом. Он знает, что делал.

— А если мастера уже нет?

Терен вспомнил несколько вещей, которые держал в руках после смерти создателей. Одну удалось вернуть в работу, в другой пришлось сохранить только железо и дерево. Он рассказал оба случая.

Хозяин слушал до конца.

— Мне нужен человек, который умеет сохранять чужое наречение при переделке, — сказал он. — Если знаете такого, назовите.

— Знаю людей, которым отдельные вещи удавались. За эти соединения поручиться никто не сможет.

— Пусть сначала покажут то, что умеют.

Распорядитель развернул записи. Терен назвал двух мастеров, у которых действительно видел удачные работы. Третье имя произносить не стал: старик давно хворал, а ученик у него был один.

Хозяин еще несколько минут расспрашивал о названных. Затем велел оплатить им дорогу и осмотр, как оплатили Терену.

Снаружи позвали распорядителя. Пришедший принес записку на узком листке. Терен уже отвернулся к столу, когда услышал:

— Этот опять не поедет. Посыльного до ворот проводил.

— Причину назвал?

— Говорит, своих дел хватает. Деньги вернул.

Хозяин взял листок.

— Узнайте, у кого он занимает деньги, кому принадлежит его мастерская и кого он содержит.

— Людей еще посылать?

— Сначала это.

Терен подвинул две сборки, освобождая место для мерки. Он помнил мастера, о котором шла речь: толковый, гордый, за хорошим заказом ездить не любил. До нынешнего дня Терен считал это дорогой прихотью, которую мог позволить себе лишь очень удачливый человек.

Распорядитель убрал листок в отдельное отделение свертка.

— На смотрах пока ищут, — сказал он. — Велел смотреть и мелкую работу.

— Пусть смотрят. Кто-то мог сделать один раз и сам не понять, как получилось.

Хозяин вернулся к столу. Терен поднял глаза и встретил его спокойный взгляд.

— Вас пока никто не торопит, мастер. Начните со своей части.

Работу на этом закончили. Терену показали, где запирается мастерская, кому оставлять требования на материал и где утром взять помощников. Он попросил оставить рядом обе пробные сборки. На ночь их накрыли тканью.

Хозяин собрался осмотреть другой участок. Распорядитель предложил Терену пройти с ними: дальше был короткий выход к жилью.

Они шли вдоль каменной опоры под готовым краем платформы. Здесь стало прохладнее. Светильники стояли через равные промежутки; огонь в них сохранялся ровным, хотя по ходу тянуло сквозняком. Ни копоты на щитках, ни запаха горелого масла Терен не заметил.

Он уже перестал спрашивать, какие вещи здесь наречены.

В стороне находился низкий навес. Под ним из старой кладки выступала часть темного железа, укрытая плотной тканью. Рядом сидел пожилой мастер с мягкой кистью в руке. На полу перед ним лежали мерки, чистые лоскуты и несколько небольших деревянных клиньев.

Рабочие обходили это место, хотя по прямой было ближе.

Хозяин остановился у навеса. Пожилой мастер встал, отложил кисть и показал свежую метку на соседнем камне.

— С этой стороны подошли. Дальше старую подкладку закрываем.

— Оставьте к ней ход.

— Придется шире разносить.

— Разносите.

Хозяин откинул край ткани. Терен увидел только плоскую темную поверхность и несколько тонких насечек. Железо выглядело свежим, но окружавший его камень заметно отличался от новой кладки. По краям потемнел раствор, старый скол успели залатать.

Пожилой мастер коснулся деревянного клина.

— Этот со времени первой установки лежит. Семь лет. Хотел вынуть, размер снять.

— Оставьте на месте. Я новый сделаю.

— По нему можно.

— Я помню размер.

Терен перевел взгляд с хозяина на клин. Семь лет назад он сам еще только слушал рассказы о первых наречениях. Тогда никто толком не знал, почему у одного мастера получается, а у другого та же работа остается обычной.

Хозяин расправил ткань и прижал ее край грузом. Металл он больше не показывал.

Они пошли дальше. Терен оглянулся на навес: пожилой мастер уже сел, взял кисть и продолжил очищать узкий стык между старой кладкой и новыми частями.

Впереди слышался скрип ворота. Светильник возле прохода освещал перила и спины людей, которые медленно выпускали канат. Груз находился ниже края, откуда они стояли, его было не видно.

Терен подошел к ограждению.

Под платформой открывался глубокий проем. На его стене шла лестница, значительно ниже находилась еще одна рабочая площадка. Там ждали опускаемый груз. Один человек держал светильник, другой длинным крюком поправлял канат.

Дальше за ними тянулись ряды опор. Между опорами двигались люди, катили тележки, несли что-то длинное вчетвером.

Терен положил футляр на пол и взялся за перила. До этого он считал, что они ходят возле основания. Теперь стало видно, куда уходят толстые несущие части, которые он осматривал наверху.

На нижней площадке груз приняли. Канат ослаб, рабочие отвели его в сторону. Светильник перенесли к другому краю, и в темноте проступила стрела следующего крана.

— Мастер, здесь не задерживайтесь, — позвал распорядитель.

Терен наклонился, стараясь разглядеть проход внизу. За краем площадки виднелись еще огни. Они двигались глубже, временами пропадая за опорами.

Сверху хозяин велел готовить следующий груз.

Терен поднял свой футляр. Пока он застегивал ремешок, люди внизу отвели камень к дальнему проему и начали опускать дальше.

И именно тогда он увидел его — **Великое наречение.**

Глава 8

Первая стружка свернулась и упала Радиму на сапог. Он отвел рубанок, провел большим пальцем по кромке и снова подался вперед.

Я чуть было не придержал заготовку с другого конца. Столяр покосился на мою руку.

— Ярко, дай уж самому.

Пришлось отойти к стойке навеса. Ника посмотрела на меня, потом опять на рубанок. Она стояла рядом, за рукав не держалась и очень старалась ничего не пропустить.

Первую готовую деталь Норвей проверил рейкой и угольником. Отложил отдельно, как условились. Радим закрепил следующую.

Новый рубанок лежал в открытом футляре на соседней лавке. Кудрин оставался возле него, временами поглядывая на поврежденную кисть столяра. Левая ладонь Радима лежала на старой рукояти боком, два пальца почти не разгибались. После нескольких проходов он остановился, размял их правой рукой и только потом продолжил.

Зато колодка шла ровно. Подворачивать плечо, удерживая инструмент, больше не приходилось.

Я следил за движениями, за стружкой, за тем, как Радим переставляет заготовку. Первое время хотелось осматривать рубанок после каждой детали. Потом поймал себя на том, что уже смотрю на готовую работу.

Кромки получались одинаковыми.

Жена подошла к Радиму с завтраком. Он взял хлеб, откусил и сразу потянулся к инструменту.

— Ты хоть прожуй, — сказала она. — С рассвета тебе ношу, все некогда.

Столяр послушно отложил рубанок и принял кружку. Заказчик окон тем временем выбрал две готовые планки, приложил одну к другой. Норвей подвинул ему мерку.

Марфа сходила за водой. Ника подобрала длинную стружку, запутавшуюся у моего сапога, и отнесла к остальным.

— Не мерзнешь? — спросил я, когда она вернулась.

Девочка расстегнула куртку и показала ладонь, которую до этого держала за пазухой.

— Там еще тепло.

Я улыбнулся. Вчера эту куртку собирались пустить на лоскуты, теперь Ника носила ее почти не снимая и при каждом удобном случае проверяла, греет ли.

Знать бы, сколько похожих вещей лежит по сундукам. Хозяева обошли мастеров, потратились, выслушали, что имя утрачено, и убрали с глаз долой. У Норвея такие изделия уже были. Если получится возвращать хотя бы часть, за работой бегать не придется.

Радим допил, отдал кружку жене и склонился над верстаком.

К середине заказа он перестал осторожничать с рубанком, начал строгать с полным нажимом. Когда под железком набивалась стружка, прочищал, пробовал большим пальцем заточку и работал дальше. А загородившего свет заказчика, попросил отойти.

Тот послушался.

Я выпил воды и снова встал возле стойки. Сесть на свободную лавку так и не сумел. На заводе после сложного ремонта бывало то же самое: станок уже пустили, детали пошли, мастер смены доволен, а ты все прислушиваешься. Можно умыться и домой, только сначала еще одну заготовку бы пропустить.

Здесь заготовки лежали у меня перед глазами и с каждой законченной деталью их становилось все меньше.

Последней Радим оставил длинную узкую планку. На ней надо было снять совсем немного, ровно по всей длине. Столяр примерил ее, поправил упор, затем попросил меня придержать верстак: под ножкой сместилась подкладка.

Он выровнял стол, проверил рукой, не качается ли, и опять занял свое место. Норвей положил тетрадь на скамью. Кудрин закрыл футляр, пока еще не застегивая ремешков.

Радим сделал короткий пробный проход. Провел пальцами по поверхности, чуть поправил железко и повел рубанок от начала до конца. Стружка вышла тонкой лентой, зацепилась за запястье.

Ника встала на носки. На последнем движении столяр шагнул вперед вслед за инструментом и задержался, опираясь ладонями на рукоятки. Потом выпрямился и вынул планку.

Норвей посмотрел вдоль нее, приложил к первой отложенной детали, перевернул. Заказчик нагнулся рядом, провел ногтем по стыку.

— Мне годится, — сказал он. — Можно собирать.

Кудрин подошел к верстаку и Норвей молча протянул ему рейку.

Приказчик проверил сам. Затем с разрешения Радима взял рубанок, коснулся новой опоры, провел пальцем по старому дереву. Я стоял напротив и ждал.

— Что ж, до конца дошел, — произнес Кудрин.

Радим протянул руку за инструментом.

— А я им и дальше работать собираюсь.

Я сдержал улыбку.

Кудрин вернул рубанок. Столяр поставил его на бок и отошел к кувшину. Пока он пил, я положил ладонь на рукоять.

Связь оставалась целой. Я уже знал, где ее искать, и быстро нашел участок возле новой опоры. Надавил, отпустил, попробовал еще раз. Заказ выдержал. Все, что мы вчера подгоняли и берегли при сборке, осталось на месте.

Очень хотелось разобрать получше, как обычная подкладка сохраняет то, чего в мире вообще не существовало. Дерево, клей, железо — я с ними провозился всю жизнь. А сверху еще имя, которое после починки помогало человеку держать инструмент.

Пока приходилось учиться на каждом таком случае.

Радим коснулся моего локтя.

— Забирай заработанное.

В его пальцах лежал серебряный.

Я убрал руку с рубанка и принял плату. Столяр еще раз ощупал рукоять, затем завернул инструмент в холст. Жена забрала сверток и усадила его доесть завтрак.

Норвей записал число деталей в тетрадь, уточнил у заказчика, все ли принято.

— Я здесь советовал менять именованную часть, — сказал он, обращаясь ко мне. — Ты сумел ее сохранить. Проверку провели при свидетелях. Если понадобится моя рекомендация, приходи, напишу.

— Спасибо. Может, и понадобится.

— Теперь наверняка понадобится, — отозвалась Марфа. — Вон уже ждут.

Возле навеса стоял мужчина со свертком. До этого я принимал его за одного из любопытных. Он развернул холст и показал потемневший замок.

— Мой тоже посмотришь? Железо мне почистили, а имя так и не вернулось. Мастер говорит, покупай другой.

Следом женщина спросила про именованное ведро. Само ведро она оставила дома, сначала хотела узнать, стоит ли тащить.

Я выслушал обоих, но назначил на завтра. Сейчас надо было идти к Ратичу. Да и обещать восстановление, даже не осмотрев вещь, было бы глупо.

Третий заказчик согласился подождать до моего отъезда. Ему надо было только понять, имеет ли смысл возиться со старым инструментом.

Марфа указала свободное место под своим навесом.

— Здесь сядешь. У фургона тебе проход загородят, если всех туда пускать.

Я согласился и убрал серебряный в кошель. Очень интересный мир. Все здесь как-то мило, немного наивно, но при этом вне города — полная противоположность.

Кудрин застегнул футляр. Поздравил столяра с окончанием работы, меня — с удачным ремонтом. На выходе задержался возле Норвея, обменялся с ним несколькими словами и пошел к телеге.

Радим окликнул меня, когда я уже собирался умыться:

— Если дерево понадобится, заходи. Подберем.

Я вспомнил «Спокойный ход».

— Про опоры хотел у тебя спросить. Какие на телегах ставят, чем подкладки делают. На своем фургоне кое-что проверить надо.

— После обеда загляни. Мою посмотришь, потом к колеснику можно сходить. Он расскажет.

Мы условились. Ника ждала у прохода, поглядывая в сторону торговых рядов.

Я вымыл руки и взял приготовленную грамоту.

У торгового дома стояла телега приятного двора. Возле нее жались друг к другу дети. Знакомый Нике мальчишка сидел на краю, держал на коленях шапку и вытягивал из прорехи короткую нитку.

Девочка помахала ему, но подойти не решилась.

Грач сидел внутри, на отдельной скамье. Когда мы вошли, поднял голову. Ника сразу остановилась, и я протянул ей руку. Она ухватилась так крепко, что маленькие ногти впились мне в пальцы.

Ратич указал нам место подальше от скамьи.

Марфа и Веста уже ждали у стола. Рядом стоял торговец, видевший нападение возле фургона. Писарь разложил записи и раскрыл книгу на отмеченной странице.

Заново никого расспрашивать не стали. Смотритель объявил расписку подложной. Человек, чей знак на нее перенесли, такого обязательства не давал и распоряжаться судьбой Ники права не имел. Выручку проверили по книге приемщика, расходы — по тем записям, которые Грач вел для себя.

Тот попытался вмешаться.

— Про твой счет отдельно поговорим, — остановил его Ратич. — Сейчас детям деньги возвращают.

Перед Никой положили несколько медных монет и серебряный с потемневшим краем.

Она смотрела на них, пока писарь не подвинул ближе.

— Бери, это по твоей метке.

Девочка перевела глаза на меня.

Я согласно наклонил голову.

Она придвинула деньги, серебряную монету перевернула, ощупала край. Затем зажала в ладони, а медяки прикрыла другой рукой.

Ратич огласил решение. Грачу запрещалось подходить к детям прежнего двора, требовать плату, забирать их вещи или посылать за ними своих людей. У торговых рядов об этом уже сообщили. До окончания разбора прочих счетов его оставляли под надзором.

Я попросил уточнить, что будет, если он начнет рассказывать о долге кому-нибудь еще.

Смотритель повернулся к писарю. Тот добавил строку и прочел вслух: требования, выведенные из этой расписки, силы не имеют, кому бы Грач их ни передал.

Я дождался, пока Ратич подтвердит написанное.

Грача подняли со скамьи и вывели. Он смотрел в пол, ни к кому больше не обращался.

Ника отпустила мои пальцы только после того, как закрылась дверь.

Ратич дал ей немного посидеть, затем подозвал к столу.

— Теперь про тебя запишем. Ярко говорит, что возьмет с собой. Ты сама у него остаться хочешь?

Девочка оглянулась.

Я промолчал. Марфа тоже, хотя было видно, как ей хочется ответить.

— Хочу, — сказала Ника.

— В дорогу с ним поедешь? До Вежена путь неблизкий.

— Поеду. У меня там кровать.

Писарь ненадолго поднял глаза от листа, потом продолжил.

Веста и Марфа называли себя свидетельницами. Я подтвердил, что отвечаю за девочку, буду содержать ее и по приезде предъявлю грамоту смотрителю в Вежене. Туда же передадут сведения о родных. Если кого-то найдут, разбираться при мне будут.

Пока готовили дорожный лист, Ника вынула серебряный из-под ладони и подвинула ко мне.

— Это тебе. За кровать.

Я хмыкнул и вернул монету.

— Кровать оплачена.

Она помедлила, посмотрела на медяки.

— Ты за меня много заплатил.

Я присел возле ее стула.

— Послушай, у меня сегодня тоже заработок был. И еще люди работу принесли. На еду нам хватит. Эти деньги ты сама заработала, вот и оставь себе.

Ника подняла на меня глаза.

— Можно?

— Можно.

Я сдержел усмешку, уж слишком серьезное у нее было лицо. Она собрала медяки, пересчитала по одному и убрала в карман. Серебряный спрятала последним.

Грамоту я дважды прочел. Некоторые буквы писарь непривычно соединял, пришлось уточнить слово. Все остальное было ясно. Я поставил имя, подождал, пока подсохнут чернила, и убрал сложенный лист к бумагам Хорвана. Радовало, что мышечная память Ярko помогала писать, а часть знаний, в том числе и умение писать достались от прежнего владельца тела.

Плата за письмо пошла из моего кошелька. Ника проводила монету взглядом, благо свои больше не предлагала.

На улице она подошла к знакомому мальчишке. Тот спросил, куда ее теперь отправят.

— Я с Ярko пойду. Потом мы в Вежень поедem.

Мальчик повертел в руках шапку и сообщил, что там большой торг. Ника кивнула, будто уже знала, затем спросила, всех ли вчера накормили.

— Всех. И утром дали.

Пока они разговаривали, я отвел Марфу в сторону.

— Остальных нашли?

— Всех до одного. И малого, про которого она рассказывала. Я заходила утром, сама посмотрела. Пока тесно, но спят в тепле.

Вчерашний хлеб тоже дошел. Хозяйка заодно привезла чистого полотна и уговорила знакомую женщину помочь в приятном дворе.

Я поблагодарил. Марфа отмахнулась и заспешила домой: возчики скоро сядут обедать, а кому ими заниматься, если она весь день ходит по чужим делам?

Мы с Никой пошли следом, но у торговых рядов задержались.

Девочка больше не жалась к стене, в ней появился какой-то стержень, это радовало. Возле весов громко спорили, и она хмурo туда глядела.

— А там теперь знают, что я у тебя? — спросила она.

— Знают. И смотритель знает. Просто прийти и увести тебя больше никто не сможет.

Она оглянулась на торговый дом.

— Если Грача увижу, мне надо будет к тебе бежать?

— Ко мне или к Марфе, самой разговаривать с ним не стоит.

Ника кивнула и полезла свободной рукой в карман, видимо, проверить, на месте ли деньги.

У гончарного ряда она остановилась. На нижней полке стояли чашки: светлые, пузатые, с синими и коричневыми полосами под краем. Девочка выбрала маленькую, повернула в руках, заглянула внутрь.

Я хотел посоветовать проверить ручку, но она ее сама ощупала. Поставила чашку на прилавок, слегка качнула и спросила цену.

Торговка назвала.

Ника отсчитала медяки, еще немного подумала и отдала. Покупку завернули в лоскут. Девочка приняла сверток обеими руками, прижала к животу.

Следом пришлось задержаться возле лавки с нитками и застежками. Пуговицы лежали в широкой чаше, иглы хозяйка доставала из костяного пенала. Ника склонилась над товаром и принялась выбирать.

Под навесом какой-то человек доедал подливу, вытирая миску хлебом. Возчик и старик на скамье слушали его рассказ.

— Мы на переправе ночевали, — говорил он. — Туман такой, своих лошадей едва различишь. И вдруг звон над головой. Я еще спросил, где у них звонница, а мне показывают вдоль дороги: два дня ехать.

— Ты про «Долгий звон»? — спросила торговка, разбирая моток. — В прошлый раз у тебя три дня было.

— Другой дорогой считали. Ты мне лучше хлеба отрежь, пока я миску до дыр не вытер. Она взяла у него медяк и подала кусок.

Старик поправил шапку.

— Возле медных столбов слышно. Дальше отойди, и все.

— Я тебе говорю, на переправе стоял.

— Столб там был?

Рассказчик задумался.

— Может, и был. Я их не пересчитывал, темно было.

Возчик усмехнулся. Я прислонился к стойке навеса.

— А зачем звонят? Тревогу подают?

Человек охотно повернулся ко мне. По его словам, колокол во время пожара услышали во всех окрестных селениях. Помощь пришла, людей успели вывести.

Потом выяснилось, что при пожаре он не присутствовал. Об этом ему рассказали на постоялом дворе. Сам звон однажды слышал и с тех пор описывал всем желающим.

— Великое наречение, — сказал старик. — У нас таких сроду не показывали. Я бы съездил посмотреть, да кто меня на звонницу пустит.

Торговка слышала другое. Вместе с большим колоколом будто бы отлили маленькие, развезли по селениям, а по тревоге они начинают звучать все разом. Медные столбы тоже могли иметь к этому отношение.

Ника отыскала две одинаковые костяные пуговицы. На каждой был вырезан маленький кружок. Показала мне, дождалась согласного взмаха рукой и стала рассчитывать.

— Теперь, может, и смотреть будет нечего, — добавила торговка. — Его увозить собрались.

Возчик поднял голову.

— Колокол?

— Его. Муж у перевозчиков слышал. Купили за такие деньги, что люди сперва посмеялись, думали, разыгрывают.

— Кто купил?

Хозяйка пожала плечами.

— Покупщики какие-то. Еще великие вещи спрашивают. Где найдут, там и торгуются.

Старик нахмурился.

— Такую тяжесть со звонницы снять — полдвора разобрать придется.

— Значит, разберут. Раз уже заплачено.

Дальше пошли догадки о князьях и богатых купцах. Имена были мне незнакомы. Рассказчик доел, отдал миску и принялся доказывать, что покупать такие вещи может только человек, у которого и своих чудес хватает.

Я забрал у Ники сверток, пока она прятала сдачу.

— Эта тебе, — сказала девочка, протягивая одну пуговицу.

Я положил ее на ладонь. Гладкая, хорошо отполированная.

— Спасибо. У меня на рубахе как раз одна еле держится.

— Вторую себе пришью.

Она спрятала свою, а я убрал подарок в нагрудный карман.

Я думал о колоколе еще по дороге. Передать тревогу туда, куда посыльный доберется нескоро. Предупредить переправу, позвать людей к пожару. На заводе гудок было слышно через весь поселок, здесь же речь шла о гораздо больших расстояниях.

Надо поговорить с Вестой. Она бывает на дорогах, знает стоянки. Может, сама слышала.

Еще хотелось понять, кто скупает все эти диковинки. Одну полезную вещь можно приобрести для собственного двора. Когда ищут целенаправленно, а мне кажется, что это явно какой-то замысел, то нужно присматриваться к таким вещам.

Возле лотка с кованой мелочью я задержался. Взял два штифта, сложил рядом. С виду одинаковые, а длина различалась, шляпки тоже.

Хорошая ручная работа. Просто каждый делали отдельно.

В моем мире такую мелочь привозили ящиками. Здесь заказывали по образцу, ждали кузнеца, платили за каждый лишний изгиб. И рядом существовал колокол, который, если верить рассказам, слышен за несколько дней пути. Как такое может быть? Диссонанс какой-то.

Я вернул штифты продавцу.

Да, я знал, что магия пришла семь лет назад. Люди уже научились удивительному, но многое по-прежнему делали так же, как их деды. Впрочем, я сам пользовался чудесным домом и не мог объяснить, откуда в нем берется вода.

Надо было чаще спрашивать. И проверять, когда представится случай.

Во дворе нас перехватил мужчина с замком. Уточнил, можно ли принести до завтрака. Я согласился и попросил захватить все ключи, которые у него остались.

Радим ждал возле своей телеги. Мы ненадолго задержались: он показал обычные опоры, рассказал, что на них меняют чаще всего. К колеснику предложил сходить утром.

О фургоне я говорил только снаружи — как идет, куда приходится нажим, где хочу смягчить толчки. Дом за стенкой упоминать было незачем.

«Спокойным ходом» все равно надо заняться. Сначала проверить движение самому: пусть Радим проведет Сметку по двору, а я посмотрю изнутри. Нику на время оставлю с Марфой. Потом станет понятнее, насколько чувствуется дорога и за что браться в первую очередь. Может там и вовсе нет тряски, хотя это сомнительно. Не хотелось бы, чтобы ребенок из-за этого плохо спал или не мог заниматься делами по дому.

Пока я разговаривал, девочка стояла возле кобылы со своей чашкой. Сметка обнюхала сверток, отвернулась и вернулась к корму. Ника немного постояла, погладила ее по шее и пошла за мной.

В доме она свернула на кухню.

Я закрыл обе двери и задержался в коридоре. За стеклом как раз показалась Марфа с корзиной белья. Тот же двор, тот же угол навеса, который я минуту назад видел возле колеса.

У меня так и не получилось привыкнуть к этому.

Ника распаковала чашку и открыла шкаф.

— Я сюда поставлю?

На средней полке стояли две миски и старая кружка. Я переставил их вниз, убрал сложенное полотно, протер освободившееся место.

— Ставь. Теперь это твоя полка.

Девочка подняла чашку обеими руками. Поставила ручкой наружу, поправила.

— Всю мне?

— Всю. Пригодится.

Она посмотрела на пустое место рядом с чашкой. Закрыла дверцу и вскоре снова открыла, будто хотела убедиться, что все по-прежнему.

Со двора принесли горячее, и я взялся раскладывать еду по мискам. Ника отнесла деньги в свою комнату и вернулась с пуговицами. Я дал ей иглу с ниткой. Свою пуговицу она пришила быстро, а потом попросила мою рубаху.

— Тут нитка совсем старая. Снять пуговицу?

— Снимай. Утром зацепился, думал, оторвал.

Ника срезала нитку, отложила негодную пуговицу к мелочам и взялась за новую. Несколько раз пропустила нитку, обвила у основания, подёргала, проверяя, крепко ли держится.

За едой я поглядывал на Никины руки. Сапоги она сняла и поставила рядышком возле своей комнаты; теперь сидела в тепле и чинила мне рубаху. Последние несколько лет я сам возился с такими мелочами. Непривычно было вот так сидеть над миской, пока за меня пришивают пуговицу.

— Попробуй застегнуть. — Ника протянула мне готовую рубаху.

Я с легким усилием продел пуговицу в петлю.

— В самый раз. Спасибо.

Ника улыбнулась, отдала мне иглу и подобрала обрезки нитки. После еды я убрал со стола, а она все разглядывала свою пуговицу. Тут я заметил, что девочка так и сидит босиком, и принес ей сложенное одеяло.

— Укрой ноги, не мёрзни.

— Я сейчас в комнату пойду.

— Пока сидишь, укрой. Потом уберешь.

Ника вздохнула, что-то пробормотала себе под нос, но одеяло все же расправила ногой.

Я отнес кружку к воде и замешкался. Дома я точно так же ворчал на внучку. Она прятала ноги под стул, твердила, что ей тепло, а потом все-таки шла за тапками. Сейчас, наверное, ждала бы моего звонка.

Сыну уже должны были сообщить. Он приехал бы на завод, поговорил с начальником участка, забрал мои вещи — телефон, ключи, старую куртку. Что они сказали девочке, я не знал.

Вода оказалась слишком горячей. Пришлось добавить холодной и заняться мисками.

Ника подошла с полотенцем, стала вытирать то, что я мыл. Мы быстро управились. Свою чашку она вернула на отдельную полку.

— Мы завтра уедем?

— Еще собраться надо. Сметку подготовить, дорогу разузнать.

— А в Вежене надолго останемся?

— Пока не знаю. Сначала одного человека найдем.

Ника задумалась. Ее, похоже, вполне устраивало, что поедем мы вместе. Она только уточнила, придется ли покупать корм в дороге, и предложила один из своих медяков.

Я отправил ее убрать деньги.

После этого достал табличку с рисунком «Спокойного хода». Отметил, что рассказал Радим. На обороте оставалось чистое место. Я перевернул табличку и некоторое время смотрел на воск.

Перед глазами снова были руки столяра. Между проходами Радим отпускал рубанок, поправлял заготовку, закреплял ее, разминал кисть. Сами движения простые, но за день набиралось столько, что к вечеру человек едва держал инструмент.

На заводе мы делали для такого приспособления. Меняли хват, ставили упор, облегчали подачу. Иногда одной удачной переделки хватало, чтобы рабочий успевал больше и меньше уставал.

Здесь можно было добавить наречение.

В мастерской пустовало место под небольшой станок. Я еще в первый вечер прикидывал, что и куда туда поставить. Теперь появилась задача: заготовка должна двигаться на заданное расстояние и останавливаться у упора. Для начала этого достаточно. Потом можно подумать, как удерживать ее при работе и вовремя освобождать.

Я наметил две линии.

В наружную дверь постучали.

У ступеньки ждал Кудрин. Он с собой носил кожаную сумку.

— Ярко, уделишь немного времени? Я к тебе с делом.

Я прикрыл дверь и проводил его к столу под навесом.

Во дворе еще было светло. У ворот крепили поклажу, возле коновязи спорили о корме. Кудрин дождался, пока мимо пройдут возчики, затем вынул грамоту и тяжелый мешок.

Монеты звякнули о стол.

— Я поговорил с Берестом. Он готов взять тебя мастером по восстановлению. Заказы есть, испорченных вещей по лавкам накопилось достаточно. Материал получишь, помощника найдем.

— А это? — Я кивнул на мешок.

— Пятьдесят серебряных. Просто за согласие. Вернее за твой секрет. Жалованье пойдет отдельно, здесь все записано.

Он развязал горловину.

Я взял монету, перевернул в пальцах и положил обратно. Серебро вроде настоящее, полновесное.

За рубанок мне сегодня заплатили один. Деньги от подъемника после упряжи и дорожных покупок заметно убавились. Пока хватало, но каждый расход приходилось учитывать.

Здесь лежало несколько месяцев спокойной жизни. Можно было запастись хороший материал, купить недостающий инструмент. Если понадобится лекарь — позвать. Выбирать стоянку по удобству, а не по тому, сколько осталось в кошельке.

— Что я должен показать за эти пятьдесят? — спросил я.

— Покажи как восстанавливаешь наречение. Берест пришлет своего мастера, поработаете вместе. Удачные приемы запишем. Дальше пойдут заказы через наши лавки.

— Показать могу. Только обещать, что у кого-то получится, не берусь.

Кудрин кивнул, словно ожидал этого.

— Посмотрим на деле. Мастер у нас толковый. Если понадобится другой, подберем. Ты сначала условия прочти.

Я развернул грамоту.

Писарь работал аккуратно. Первая плата, жалованье, материал, дорога по поручению Береста. Помещение и помощник тоже упоминались. До этого места все выглядело привлекательно.

Затем я дошел до права пользоваться моим умением. Это был какой-то зародыш авторского права?

Берест получал его для своих заказов. Применять переданные приемы для других людей я мог только с его согласия. Последующие усовершенствования, возникшие из этих приемов, тоже надобило передавать ему.

Я вернулся к началу строки.

— Погоди. Если завтра Радим принесет еще одну вещь, мне придется отправить его в лавку?

— Там примут заказ, ты сделаешь. С клиента взыщут, с тобой рассчитаются. Тебе же меньше забот.

— А если рядом лавки нет? Я ведь в дорогу собираюсь.

— Для дорожной работы оговорим порядок. Бересту и на других дворах хороший мастер нужен.

Кудрин придвинул грамоту и указал строку о разъездах.

— Вот, смотри. Стоянку и дорогу по его поручению оплачивают. Можешь ездить спокойно. При наших лавках тебя будут ждать.

Я прочитал дальше и снова остановился на усовершенствованиях.

— А тут вы хотите получить то, чего я еще не придумал.

— Если получится из купленного способа. А как иначе? — Кудрин развел руками. — Сегодня Берест заплатит, завтра ты немного изменишь работу и предложишь соседу. Он за пятьдесят серебряных рассчитывает получить свое дело.

Я откинулся на скамье.

Хитро. Купец хотел закрепить за собой редкое умение и заработать на нем. Утром Кудрин пытался продать Радиму замену, а к вечеру уже принес деньги за ремонт.

Быстро он соображал, однако ж.

Только я сам пока едва разобрался в собственных возможностях. Несколько удачных работ еще не давали права считать, что мне все известно. Наоборот, вопросы прибавлялись с каждой новой вещью.

— А если у меня другой способ получится? Для совсем другой работы?

— Потому и предлагаю прочесть сейчас. Что вызывает сомнения, обсудим и запишем. Бересту тоже тяжба с мастером ни к чему.

Он придерживал край листа, чтобы тот не сворачивался, и ждал. Серебро оставалось передо мной.

— Хорошие мастера у него годами служат, — продолжил Кудрин. — С платой он не обижает. Здесь у тебя сегодня один заказ, завтра другой, потом ищи следующий. При лавках работа будет постоянно.

Я посмотрел в сторону фургона.

— Девочку тоже содержать надо, — добавил приказчик. — Я видел вас у смотрителя. С постоянной платой проще.

— На еду нам пока хватает. Ты лучше вот что поясни: что у вас считается усовершенствованием способа?

Я придвинул лист. Кудрин охотно принялся объяснять. Говорил о порядке ремонта, о заменах, которые я найду позже, о вещах, на которых сумею повторить удачу. Чем дольше слушал, тем отчетливее понимал, сколько в этих словах можно потом истолковать по-разному.

Веста подошла со стороны ворот. Увидела грамоту, мешок, нас за разговором.

— Я, пожалуй, после зайду.

— Говори, — ответил я устало.

Она протянула сложенный лист.

— Норвей просил передать. С обозом привезли условия Смотра в Вежене. Ты туда соби-
рался, вот он и вспомнил.

Кудрин взглянул на печать и криво усмехнулся.

— Вовремя.

Веста оставила замечание без ответа. Положила лист так, чтобы я мог прочесть.

На Смотр принимали новые полезные изделия. Вещь нужно было предъявить и показать в работе. За чертеж или рассказ об удачной пробе награду не давали.

Победителю назначали сто серебряных и Вольный знак.

Я поднял голову.

— Погоди, а Вольный знак — это что? Кроме награды, какая от него польза?

— С ним мастерскую можно держать под своим именем и учеников брать, — объяснила Веста. — Приедешь в город, где признают Смотр, покажешь знак и грамоту. Уже не надо искать человека, который за тебя поручится.

— Крупные подряды тоже от себя заключать сможешь, — добавил Кудрин. — Только сперва выиграть надо.

С этим спорить было трудно.

Сегодня я числился учеником покойного Хорвана. За меня поручались Марфа, Веста и торговец. За работу рубанка — Норвей. Все помогли, и я был им благодарен, но всю дорогу зависеть от чужого слова неудобно.

Свой знак мог оказаться полезнее части награды. Я вдруг понял, что все это время в основном занимался ремонтом, но если на людях создать что-то, меня могли и привлечь, ведь я не мастер. С другой стороны, а кто узнает? Видимо, есть способы. Ох уж этот магически неправильный мир.

— А с ремонтом туда допускают? — спросил я.

Веста показала нужное место.

— На торгу можешь принимать вещи. Но награда здесь за новое изделие. Радимов рубанок сделал другой человек.

Я перечитал условие.

В мастерской хватало места для небольшого станка. Обычную подачу я представлял; с упором и размером тоже справлюсь. Дальше надо пробовать наречение.

Радим сегодня закончил весь заказ сам, но между проходами по-прежнему тратил время на зажим, перестановку, подгонку. Сколько мастеров обрадовались бы приспособлению, которое берет часть этой возни на себя?

Кудрин подвинул мешок ближе.

— Ярко, на Смотре сотню получит один человек. Туда создатели съедутся со всех дорог. Эти пятьдесят ты можешь забрать сегодня.

Я посмотрел на серебро.

Он был прав. У меня имелись две линии на восковой табличке и несколько мыслей о будущей работе. На рынке рассказывали о великом колоколе. Думаю, что таких вещей не много, но хотелось бы на них взглянуть. Что еще способны сделать здешние мастера, я даже приблизительно не знал.

— Можно и от Береста поехать, — продолжил приказчик. — Изготовление он оплатит. Хорошее железо найдем, кузнеца дадим. Самому все покупать дороже выйдет.

— Изделие тогда кому останется?

Кудрин чуть помедлил.

— Это надо отдельно сговориться. Если Берест оплачивает работу для себя, вещь заберет он. Если договариваемся о продаже, получишь свою долю.

— А право делать такие же?

— Смотря что подпишем.

Он опять указал на грамоту.

Из фургона выглянула Ника. Спустилась на нижнюю ступеньку и посмотрела под навес.

— Ярко, ты скоро?

— Скоро буду. Иди пока в дом.

Она кивнула и скрылась. Через несколько мгновений щелкнул засов.

Кудрин проводил ее взглядом, но к расходам больше не возвращался.

Я свернул грамоту.

— Оставь до утра. Прочту спокойно, помечу, о чем еще спросить.

— Хорошо. Деньги заберу, но завтра снова принесу.

Он затащил мешок, убрал его в сумку.

— После завтрака зайду. Только сам ничего в листе не исправляй. Что решим, писарь перепишет, а то потом будут разбирать, кто какую строку добавил.

Я согласно махнул головой. Кудрин попрощался и направился к воротам. Когда мешок исчез со стола, думать стало немного проще.

Пока Веста была здесь, я заодно спросил про «Долгий звон».

Она слышала его однажды на дороге.

— А откуда звук шел?

— В том-то и дело, что не поймешь. Возчики тогда лошадей придержали, стояли, слушали. Потом старший велел ехать дальше.

О продаже колокола Веста ничего не знала. Выслушала рыночный рассказ и сказала, что поспрашивает знакомых.

Мы условились утром поговорить о дороге и разошлись.

В доме Ника уже приготовилась спать. Моя кружка стояла на столе, ее новая чашка — в шкафу.

— Что он принес? — спросила девочка.

— Работу предложил.

— Ты возьмешь?

— Надо сначала все обдумать как следует.

Она пошла в свою комнату, а я сел за стол.

Сначала прочел условия Смотра, нашел день, к которому надо представить изделие, прикинул дорогу. Добраться успевали. Хватит ли времени что-нибудь сделать — зависело от того, за что возьмусь.

Потом вернулся к грамоте Береста.

Серебро я пересчитывал мысленно еще раз. Зима, еда, материал, спокойная стоянка. Все это было нужно. Но вместе с платой мне предлагали некие обязательства.

Я принес восковую табличку.

На одной стороне оставались заметки о «Спокойном ходе». На другой — начатый рисунок. Я разгладил неудачную линию, начертил заново и понес табличку в мастерскую.

Поставил тиски на край верстака. Подобрал короткую заготовку, приставил сбоку упор, промерил ход медной лентой Хорвана. Несколько раз передвинул дерево рукой.

На такое приспособление у меня хватит и материала, и умения. Если обычную часть доведу до ума, можно будет пробовать дальше.

Что же делать, как же быть? Мне всегда казалось, что свобода — это лучшее, что есть у человека. С другой стороны, а что я знаю об этом мире, чтобы понимать как себя в нем вести?

Глава 9

Кудрин пришел, когда я убирал после завтрака. Постучал, назвалсЯ и сообщил через дверь, что подождет у навеса. Выглядело так, будто мы вчера обо всем договорились и осталось соблюсти несколько приятных формальностей.

Я вытер руки, еще раз прочел отмеченную строку и свернул грамоту. Ника сидела у окна, пришивая вторую костяную пуговицу к своей одежде. Первую, такую же, я уже носил на рубахе.

— Я во дворе, — сказал я. — Поговорю с Кудриным, потом пойдем за покупками.

Девочка махнула головой, придерживая нитку губами.

Пятьдесят серебряных я ночью пересчитал раз десять, в уме, разумеется. С такими деньгами можно было спокойно переждать непогоду, кормить Сметку хорошим кормом и выбирать железо по качеству. Да и место у печи зимой, надо полагать, здесь даром никому не доставалось.

Смущало только, что за вчерашний рубанок мне заплатили серебряный, а теперь давали сразу пятьдесят. При этом Кудрин видел всего одну основательно проверенную починку.

Приказчик устроился за столом. Подвинул мне лавку, поздоровался и спросил, хорошо ли спалось.

— Не очень, — признался я.

Кудрин улыбнулся.

— Значит, внимательно прочел все. Это хорошо. Что объяснить?

Я положил перед ним грамоту и развернул оборот.

— Вот эту строку я бы убрал. И следующую тоже.

Он наклонился, хотя наверняка знал их наизусть. В первом пункте говорилось о способах восстановления, во втором — обо всем, что я сумею сделать на их основе впоследствии.

— Чего опасаться? — спросил приказчик. — Берест вкладывается в тебя. Ему нужно знать, что завтра ты с его серебром не уйдешь к соседу.

— Заказал работу, получил работу. Тут все понятно. А здесь я еще ничего не придумал, уже должен отдать.

— Сделанное на его сырье и за его счет.

Я ткнул ниже. Кудрин дочитал, помолчал и предложил кружку настоя. Я взял. День обещал быть длинным, а вот он, похоже, не собирался торопиться.

— О своих вещах можно приписать потом, — произнес он. — Что успел сделать до найма, останется твоим. И фургон, и инструмент. Никто у тебя их не забирает.

— А если в дороге что-нибудь придумаю?

— Ярko, тебе дадут мастерскую. Для чего тебе в дороге работать?

Вопрос был задан добродушно, с участием. Мне даже стало неловко за собственную придирчивость. Человек предлагал устроенное место, материалы, помощника, постоянную плату. Я же сидел перед ним в чужом молодом теле, с небольшим кошельком и ребенком на руках, и спорил о том шкуре неубитого медведя.

Кудрин заметил, что я замолчал, и придвинул грамоту.

— До Вежениа доедешь. Поручение мастера исполнишь. Смотр тоже никто не запрещает. Скажу больше: если изделие стоящее, Берест сам поможет собрать. У него в городе хорошие люди работают.

— А чьим оно будет?

— Это запишем.

— Здесь-то уже записано.

Приказчик посмотрел на меня поверх кружки. Он перестал улыбаться, но раздражения я пока не заметил.

Я перечитал спорный пункт вслух. Получалось, под договор попадало почти все, к чему я впоследствии приложу руки.

— Вот это я подписывать не стану, — сказал я. — За отдельные починки берусь. Осмотрю вещь, скажу, что можно сделать, сойдемся в цене. Нужен человек на обучение — поговорим и об этом. Только сначала посмотрю, чему он способен научиться.

— Так ты весь найм на отдельные заказы разобрал.

— Мне так спокойнее.

Кудрин взял грамоту и аккуратно разгладил сгиб.

— Хорошо. Допустим, срок ограничим. До конца следующего лета. Пятьдесят получишь сегодня, на дорогу я добавлю еще пять.

Я невольно посмотрел на его сумку.

Пять серебряных сверху он предложил так легко, будто речь шла о лишнем ломте хлеба к обеду. А ведь вчера за ту же работу я бы полдня торговался.

— И спорные строки останутся?

— В пределах срока.

Я откинулся к столбу. Кудрин спокойно ждал.

Мне стало по-настоящему любопытно. Он мог добавить денег. Мог отложить мой приезд, разрешить участие в Смотре, даже сократить срок. Но этим пресловутым правом не хотел расставаться.

Сколько же он собирался на этом заработать?

Я до сих пор толком не знал, что умею. С одной курткой разобрался, рубанок выручил, свой инструмент нарек. Для обстоятельного разговора об обучении этого мало. На заводе я бы ученика после трех удачных работ еще под присмотром подержал.

— Мне надо сперва небольшой капитал собрать, — сказал я. — Своими починками. Инструмент прикупить, на разных вещах руку набить. Я еще сам не знаю, за какую работу браться.

— Так я тебе именно это и предлагаю. Деньги будут, вещей принесут сколько пожелаешь.

— А обязательства возьму уже сегодня. Так? Через месяц окажется, что половину обещанного сделать не могу. И что тогда?

— Для того и нужен разумный договор.

— Разумный я готов подписать. Чьи вещи чиню, сколько их, к какому сроку. Все остальное потом.

Кудрин некоторое время молчал. С улицы донесся стук колес, под навес заглянул возчик, разыскивавший Марфу. Я показал ему на кухню и снова повернулся к приказчику.

Тот убрал грамоту в кожаный чехол.

— Берест захочет поговорить с тобой сам.

— Когда доберусь до Вежени, зайду.

— Заглянишь в лавку возле весов, спросишь меня. Я к тому времени тоже буду там.

Он поднялся, но сумку сразу не забрал.

— Пятьдесят пять, Ярко. Хороший инструмент, материал, помощник. Подумай еще, пока по дворам за починкой ходишь.

Я встал следом.

— От починки не отказываюсь. Есть что принести — приноси.

Кудрин усмехнулся.

— Есть. И грамоту тоже прихвачу.

После его ухода я еще постоял у ворот. По всему выходило, что я только что собственноручно потерял несколько спокойных месяцев. Очень хотелось почувствовать себя умным и дальновидным. Вместо этого прикидывал, сколько еще надо заработать до холодов.

Из кухни вышла Марфа, вытирая руки о передник.

— Ну что, нанял тебя?

— Пока нет.

— Тогда к тебе с замком пришли. Сидит с самого утра, боится, что уедешь.

Я вернулся под навес, освободил стол и попросил показать замок.

Через час Веста нашла меня над разобранной защелкой. Посмотрела на целую пружину, отложенный язычок и две монеты, которыми хозяин прижал край тряпицы.

— Кудрин уже уехал?

— Уехал.

— Довольный?

— Я не сообразил спросить об этом — буркнул я.

Она чуть улыбнулась и прислонилась плечом к столбу. На рукаве, возле запястья, темнело свежее пятно. Веста проследила за моим взглядом.

— Смола. Один возчик решил, что достаточно обмотать треснувшее крепление веревкой. Пришлось вместе с ним снимать.

— И часто тебе приходится за них все проверять?

— Пока везут мой товар, проверяю.

Она спросила, надолго ли я занят: на торговом дворе распродала содержимое старой мастерской, и среди прочего там были части небольших станков.

Я закончил замок, проверил его при хозяине и собрал инструмент. Ведро, которое принесли еще вчера, тоже вернул. С ним возни оказалось немного: дужка вырвалась из крепления, само оно сохранилось. Имя хозяину я не обещал, и он ушел вполне довольный обычной исправной вещью.

Ника ждала возле фургона. На плечах у нее была теплая куртка, в руке — мешочек с собственными деньгами.

— Я смотреть пойду, — предупредила она.

— Вместе будем смотреть.

— Я покупать ничего не собираюсь.

Я хмыкнул. Мешочек она все равно спрятала под одежду, и только после этого мы тронулись.

На торговом дворе продавали имущество умершего мастера. Готовые изделия наследники уже разобрали, за хорошими инструментами пришли с утра. Под навесом оставалось то, что трудно было продать поштучно: разобранные приспособления, треснувшие основания, рычаги с утраченными рукоятками.

Покупатели стояли у весов. Кто-то выбирал железо для перековки, кто-то придирчиво осматривал деревянные части. Целый кусок сухого вяза здесь тоже имел цену. Вязанки обрезаков отложили отдельно; никто не собирался выбрасывать их в общую кучу.

Я присел возле длинного ящика и потянулся к паре темных полозьев.

— Подождите, — сказала Ника. — Там сверху тяжелое.

Она показала на железную полосу, прихваченную проволокой. Если бы я сдвинул полозья, полоса могла бы соскользнуть прямо на пальцы.

— У вас так укладывали?

Девочка кивнула.

— Чтобы мелкое по дороге не выпало. Мешочки внизу должны быть.

Я придержал железо и осторожно вытащил сверток, отодвинул от Ники подальше: сквозь прореху торчал обломок с острым краем. Она осталась рядом с Вестой и смотрела, как я разбираю содержимое.

Полозья оказались лучше, чем ожидалось. У одного был поврежден конец, зато середину можно было использовать целиком. Я счистил грязь с рабочей поверхности, положил рядом ровную рейку и проверил, насколько далеко заходят задиры.

Будущее приспособление надо сделать почти полностью из дерева. С такими направляющими подвижная часть пошла бы как надо, да и на подгонке удалось бы сберечь несколько дней.

Уже не зря сходили.

В соседнем ящике лежали упоры от мерного станка. Короткие и тяжелые, с хорошо подогнанными плечами. Один я покрутил в руках, кромку кто-то берег, даже после разборки обмотал ветошью.

Веста наклонилась ближе.

— Годится?

— Еще как.

— Вид у него страшный.

Я стер большим пальцем грязь с края.

— Грязь отмоется. За такую подгонку пришлось бы еще платить.

Продавец, услышав нас, отошел от весов. Назвал цену за ящик целиком, затем добавил, что выбирать из него отдельные части не даст. К вечеру нужно освободить место.

Я попросил разрешения осмотреть остальные.

Прижим нашелся на самом дне. Основание лопнуло поперек, рукоять потерялась, зато широкая лапка сохранилась. Я приподнял ее, попробовал ход и почувствовал под пальцами знакомое слабое тепло.

Пришлось замереть. Тусклая линия проходила возле целого крепления, огибала его и обрывалась у трещины. Часть имени еще сохранялась. Я медленно провел пальцем дальше, но за разрывом ничего различить не смог.

— Этот тоже смотрели, — сказал продавец. — Мастер велел железо снять, остальное в печь. Да все руки не доходили.

— Имя какое было?

— Наречение хозяин знал. Теперь уж не спросишь.

Веста заметила, как я переместил прижим к выбранным частям.

В третьем ящике лежали возвратные тяги и пружины. Почти все заржавело, кое-где сталь лопнула. Я выбрал короткую тягу, проверил ее на изгиб, осторожно раздвинул витки пружины. Грязи много, глубокой ржавчины мало. После чистки можно будет попробовать.

Из этих трех ящиков я уже набрал нужное для основы. Остальное тоже не пропадет: целые скобы, втулки и обрезки пригодятся Илье. Дерево покажу Радиму.

Продавец назвал общую цену. Я переспросил, входят ли ящики. Он посмотрел на них, потом на меня и согласился.

— Только вывозите сами.

Веста задержала его у весов. Уточнила, кто принимает серебро от наследников, где отмечено проданное и кому предъявлять купчую, если возникнут вопросы. Человек принес короткую опись и показал метки на ящиках. В нашу запись перенес те же знаки.

Бумаги хватило одной на всю покупку. Края у нее были неровные, на просвет виднелись волокна. Продавец писал экономно, прижимая строки друг к другу. Я дождался, пока высохнут чернила, и убрал запись в сумку.

Мне тут же захотелось проверить, сколько осталось денег. Ника следила за моими руками.

— Дорого вышло?

— Если сделаю, что задумал, то дешево.

— А если не получится?

— Тогда из этого железа что-нибудь другое смастерим.

Она погладила край ближайшего ящика, будто уже считала его нашим домашним добром.

Часть ненужного лома я продал соседнему скупщику. Тот взвесил железо, побрызжал насчет ржавчины и отсчитал деньги. Выручки хватило на доставку до Соснового двора, даже немного осталось.

У ворот постоянного двора нам попался Радим. Он сразу заприметил полозья поверх груза, подошел и спросил, можно ли взглянуть. Я разрешил, и он вытащил один полоз, провел ногтем по вытертой дорожке.

— Сколько?

Я назвал сумму за всю покупку. Столяр посмотрел на второй ящик, потом снова на полоз.

— С меня прошлым летом за одну такую пару почти столько просили, да еще месяц жди. Здесь укоротить придется, зато середина хорошая.

Я и сам знал, что не прогадал, а после его слов с еще большим удовольствием полез перебирать остальные части. Веста стояла поодаль и наблюдала за нами.

— Теперь хоть понятно, почему ты у весов улыбался, — сказала она.

— А я улыбался?

— Еще как. Продавец даже цену переспросил у своего помощника.

Мне стало смешно. Это молодое лицо слишком охотно все показывало.

Пока разгружались, во двор въехал воз с поврежденным тентом. По краю холста тянулись неровные прорехи, одну дугу наскоро подвязали к соседней. Возчик сидел боком, вытянув перевязанную ногу. Ему помогли спуститься.

Веста пошла к нему. Я задержался возле своего груза, но Ника уже смотрела в ту сторону.

— Звери? — спросила она тихо.

Я не знал, попросил ее пойти к Марфе, а сам подошел к возу.

Возчик пил воду, придерживая ковш обеими руками. Рукава у него были испачканы засохшей кровью. На вопросы Весты отвечал сердито, к укрытию опоздали совсем немного, решили дотянуть через вырубку. Лошадь шарахнулась от зверя, выскочившего сбоку, телега зацепила корень. Пока выбирались, подошли еще два.

Он показал на разорванный тент. Под холстом спасалась женщина с ребенком.

Меня передернуло. Я слишком хорошо помнил челюсть возле заднего колеса и Хорвана, удерживавшего вожжи окровавленной рукой.

Веста дослушала, расспросила о месте и велела ее возчикам идти к ней после разгрузки.

— Через вырубку мы не пойдем. Придется взять крюком.

— Сколько потеряем?

— Полдня, если сухо. А там посмотрим.

Я достал объявление о Смотре.

До дня, к которому нужно было привезти изделие и подать его на прием, оставалось пятнадцать дней. Публичная проба назначалась еще через неделю. Вчера, сидя за кухонным столом, я считал только расстояние и обычные остановки.

Теперь Веста вычла из моих расчетов несколько рабочих дней. С обозом до Веженя выходило около восьми. Десять надо держать в уме, особенно если придется переждать у переправы.

— А одному быстрее? — спросил я и сам же поморщился.

— Быстрее, — согласилась Веста. — Только я бы тебе не советовала.

Мы немного помолчали. По двору провели уцелевшую лошадь прибывшего возчика. Она косила глазом на людей, вздрагивала от прикосновений; у седелки белела свежая пена.

— Раньше тоже так ездили? — спросил я.

Веста покачала головой.

— Отец с работником вдвоем ходили. Если дорога сухая, ночевали где удобно. Я еще застала. Волка днем возле груженого воза попробуй дожидись.

— А потом наречение появилось?

Она подозрительно посмотрела на меня.

— Зверье сразу хуже стало или позже, я тебе не скажу. Помню, сперва все про чудесные вещи говорили. Кто сундук нарек, кто печь. А потом с дальней мельницы лошадей не пригнали.

Она подняла рукав и потерла пятно смолы. Оно уже подсохло и стягивало ткань.

— Мы на второй год у ручья встали. Обычная стоянка, отец там десятки раз ночевал. Собак к возам привязали. К утру одну нашли, от второй только ремень остался. После того отец стал места заранее искать.

— Поэтому ты сама все проверяешь?

— В дороге я тоже спать хочу.

Веста ответила с легкой усмешкой, но глазами следила за пострадавшим возчиком. Того уже вели к комнате возле кухни.

Я спросил о дорожных фонарях. Нельзя ли купить небольшой, подвесить на фургон и не зависеть от чужих стоянок?

— Если найдешь такой, чтобы возле любого воза работал, покупателей будет много, — сказала она. — Те, что я знаю, со своим укрытием наречены. На месте светят — зверь к ограде не подходит. Снятый фонарь... — она неопределенно pokrutila рукой.

— А если в укрытии огонь погаснет?

— Потому я и расспрашиваю приезжих. Где масло есть, кто следит, давно ли последний обоз прошел. На вывеске тебе все что угодно напишут.

Мне вспомнились каменные стенки, сорванное крепление и звери за узкой полосой света. Хорван знал, куда править. А я тогда даже не понимал, почему надо чинить именно фонарь.

В этом мире такая вещь могла спасти целый двор. При этом ехать к соседнему городу приходилось с оглядкой, как в плохие времена ходили через лес за обозом. За семь лет люди научились сохранять тепло в куртке, но отвыкли ночевать на дороге. Чудной мир, не правильный.

Я посмотрел на пояс Весты.

— У тебя оружие-то есть?

Она приподняла край плаща. Под ним висел короткий клинок.

— И арбалет на возу. Кстати, ты стрелять умеешь?

— Из арбалета не пробовал.

— Тогда сходи сегодня к оружейнику. Пусть даст попробовать, прежде чем деньги все потратишь.

Я помедлил. Вчера подобную покупку в расходы не закладывал. А после этого возка, экономить не хотелось.

Веста заметила, что я считаю, и добавила:

— Хорошие стоят дорого. Но тебе охотничий подойдет, с рук. Главное, чтоб целый был.

Она собиралась уходить, когда я взял ее за край рукава. Веста остановилась и посмотрела на мои пальцы.

— Смолу трешь только глубже в ткань, — сказал я. — Дай подсохнуть. Потом попробуем снять.

— А я уж решила, ты повод придумал меня придержать.

Я быстро отпустил рукав, машинально сделав шаг назад.

Она рассмеялась. Вблизи у нее оказались мелкие светлые крапинки в радужке; я успел их разглядеть.

— С оружейником сам справишься? — спросила Веста.

— Попробую. Если слишком громко будет расхваливать свой товар, то уйду.

— Тогда далеко не зайдешь. У него все арбалеты лучшие на торгу.

Она пошла к возчикам, а я остался возле фургона, зачем-то приглаживая рукав собственной рубахи. Знакомиться с красивыми женщинами в таком возрасте мне уже давно не приходилось. С поправкой на здешнее лицо объяснять это никому не стоило.

Ника я оставил в фургоне, а к оружейнику я отправился с Радимом. Тот как раз закончил разбирать часть купленного дерева и согласился показать дорогу.

Я себе не мог позволить новое оружие. Зато у хозяина нашелся бывший в употреблении охотничий арбалет. Ложе потемнело от рук, железо было ухожено, возле крепления дуги имелась старая потертость. Мне разрешили его осмотреть и попробовать за домом.

Первый болт ушел мимо намеченного круга.

Оружейник, стоявший сбоку, только крикнул. Радим тоже мудро промолчал.

Я снова зарядил арбалет. Молодых сил хватало, но незнакомое движение я выполнял неловко. Во второй раз попал в край мишени, в третий взял выше.

Продавец предложил еще пару проб. Я согласился и через некоторое время убедился хотя бы в том, что стреляю каждый раз примерно в одну сторону.

Арбалет взял вместе с колчаном болтов. За новый ремень пришлось поторговаться. Оружейник поворчал, однако ветхий оставлять не стал: сам дернул его за надорванный край и выбросил под лавку.

На обратном пути Радим спросил, останутся ли деньги на мою затею.

— На первое основание и работу Ильи оставлю. Дальше буду зарабатывать.

— За Смотр платят только победителю.

— Знаю.

Он прошел несколько шагов, потом сообщил, что поговорил с женой. Две оставшиеся рамы закончит завтра и сможет ехать с нами до Вежени. У него самого там было дело: хотелось выбрать инструмент и заглянуть к прежнему заказчику.

Мы остановились возле колодца и оговорили его работу. За основание и подгонку плачу независимо от того, получится ли наречение. Если переделывать придется из-за моего рисунка, это тоже за мой счет. Материал из купленного столяр брался выбрать сам.

Радим назвал сумму. Я прикинул остаток и согласился.

С Ильей договорились уже во дворе. Ему я поручил первое крепление по целому образцу. Никакой загадочной работы, только точные размеры и срок к завтрашнему вечеру. Часть платы отдал сразу на железо и уголь.

Веста подошла, когда я убирал кошелек.

— На дорогу оставил?

— Оставил. И на корм.

— Тогда скажи, сколько починок по пути брать будешь. Меня уже спросили на двух дворах.

Я посмотрел на зажатый под мышкой арбалет, потом на ящики с деталями. Работа находилась удивительно быстро, свободного времени к сожалению не прибавлялось.

Договорились, что на стоянках я сперва осматриваю принесенное. Берусь только за то, что успею закончить к выезду. Веста заранее узнает, где ждут мастера, а я плачу ей за приведенный заказ столько, сколько условимся до начала. Если работа задерживает обоз, последнее слово о выезде остается за ней.

Я попросил Радима проверить, как фургон ведет себя на ходу.

Ника осталась с Марфой, Радим повел Сметку вокруг двора, а я сел внутри возле кухонного стола. В чашку налил воды до середины.

Дом тронулся мягко. За окном проплыл забор, затем медленно повернулся угол навеса. На колее качнуло, по воде прошла рябь, но чашка была на месте. С полок тоже ничего не посыпалось. Это очень радовало.

Я встал и перешел в мастерскую. Толчки чувствовались ногами, под ладонью слегка подрагивал верстак. Работать тонкой иглой во время такой езды я бы не посоветовал. Спать, наверное, можно, пока дорога ровная.

Хорван кое-что уже сделал. Теперь надо было понять, как добавить «Спокойный ход», не испортив того, что держало целый дом.

После остановки я вышел наружу и обошел фургон. Сметка повернулась ко мне здоровым глазом, потянулась губами к рукаву. Я погладил ее по шее, потом посмотрел на небольшую стенку за козлами.

Там помещались кухня, мастерская, комнаты. Я только что прошел внутри расстояние, для которого снаружи пришлось бы выйти далеко за заднее колесо.

До сих пор хотелось обмерить все еще раз. Что ж, пока можно вздохнуть с облегчением, «Спокойный ход» может подождать.

К вечеру покупки наконец оказались в мастерской. Сложил все в переднем отсеке, дождался, когда двор опустеет, и запер наружную дверь. Только после этого открыл внутреннюю.

Арбалет убрал, показал Нике, где он лежит, объяснил, что брать его пока нельзя. Она и не тянулась, лишь спросила, правда ли звери подходят к возам днем.

— Бывает. Поэтому поедем вместе с другими.

Девочка подумала и уточнила, сможет ли смотреть в окно. Я ответил, что сможет. Просить ее всю дорогу сидеть в дальнем углу было бы глупо; сначала надо самому разобраться, что она видит через окна и насколько удобно здесь ехать.

Ника принесла воду и тряпицы. Острые части я оставил себе, ей дал два гладких упора. Девочка села на табурет и принялась оттирать засохшее масло.

В доме было тепло. Из кухни пахло кашей, которую мы оставили под крышкой. За окном кто-то проносил фонарь, свет скользнул по стене и исчез.

Я положил ладонь на верстак и задержался.

Сегодня мне предлагали мастерскую с постоянной платой. А ведь у меня своя уже была. На улице могли пойти дождь или снег, обоз мог встать у незнакомого двора, а я все равно вошел бы сюда, снял куртку и разложил инструмент. Ника спала бы в своей постели. Ради этого стоило потрудиться и еще немного потерпеть с деньгами.

Я передвинул светильник, освободил середину верстака и разложил три выбранных узла.

После чистки полозья стали выглядеть гораздо лучше. Подвижная площадка ходила туго только у поврежденного края; для первого опыта ее можно было остановить раньше. Возвратную тягу я промыл, вытер и смазал. Прижим оставался самой сомнительной частью.

Ника закончила свой упор и поднесла к свету.

— Здесь блестит.

— Так и должно. Покажи второй.

Я сравнил их. Одинаковый размер, ровные поверхности. На такую пару у меня самого ушло бы много часов с напильником. Еще надо найти хороший напильник, вспомнил я и усмехнулся: список нужного рос быстрее заработка.

Затем взял прижим.

Слабая линия по-прежнему проходила через уцелевшее крепление. Я проследил ее до раскола и осторожно свел старые края. На мгновение участок между ними потеплел. Стоило ослабить пальцы, тепло исчезло.

Разбирать дальше пока не стал. Подвел временную опору, закрепил обычным зажимом. Как будет держать при работе, выясню позже.

Под лапку положил короткий обрезок и прижал.

Когда убрал руку, обрезок остался на месте.

Я выждал, затем осторожно потянул. Дерево поддалось почти сразу. Слабое удержание сохранялось, но для серьезной работы его не хватило бы. Прижим продавец правильно отправлял в лом.

Я поставил его рядом с полозьями и достал вчерашний рисунок. Утром на нем еще был простой деревянный ход. Теперь можно было сократить основание.

Ника заглянула через мое плечо.

— Это уже то, что на Смотр?

— Пока собираю, из чего получится.

— А делать оно что будет?

Я взял два одинаковых обрезка. Один положил у упора, второй рядом.

— Допустим, нужны десятки таких деталей. Каждую надо удержать, подвести, снять одинаково. Руками тоже можно, только долго. А здесь выставишь размер один раз.

Я передвинул площадку. Прижим пришлось поддерживать второй рукой, возвратная тяга лежала отдельно. Ника смотрела внимательно, но по ее лицу было ясно, что она не совсем поняла.

— А потом?

— Вернется. Можно класть следующую.

Она покрутила свободный обрезок и спросила:

— А мастер сможет чай пить, пока оно делает?

Я хотел сразу ответить, что за работающим приспособлением надо смотреть. Уже набрал воздуха и вдруг замолчал.

Закончить один заранее заданный проход. Остановиться. Дождаться, пока человек сменит заготовку.

Для этого достаточно было правильно ограничить движения и добиться, чтобы части действовали в нужном порядке. Мастер выставляет работу, проверяет крепление, запускает. Пока приспособление заканчивает, он может заняться следующим обрезком.

Я снова посмотрел на рисунок.

— Чай рядом поставит, — сказал я. — А далеко уходить пока рано.

— Все равно удобно.

Ника вернула обрезок на верстак. Я провел новую линию, обозначил остановку, затем еще раз примерил прижим. Получался маленький подручный работник, которому можно доверить одно повторяющееся движение.

«Подручный».

Я произнес название вполголоса. Девочка улыбнулась и повторила его, будто проверяла, как звучит.

Никаких строк перед глазами не появилось. Я и не ждал, хотя все же коснулся металла еще раз. Передо мной лежали отдельные части, связанные пока только моим замыслом.

Зато проверить первое движение можно даже сейчас.

Я закрепил полозья на краю верстака. Поставил временные упоры, возвратную тягу приладил так, чтобы она не тянула площадку вбок. С резцом торопиться не стал; на его месте зажал тупой деревянный брусок. Пусть сперва покажет, куда поведет заготовку.

С первого раза ничего толкового не вышло. Площадка дошла до середины и встала наискось. Пришлось снять прижим и ослабить одно крепление.

Ника подала мне упор. Вторая попытка закончилась резким стуком. Пружина быстро вернула площадку и обрезок выскочил под лапкой. Девочка поймала его уже на краю стола.

— Руки убери, — сказал я чуть грубовато. — Пусть падает. Другой найдем.

Она отдернула пальцы. Я подождал, пока посмотрит на меня, и добавил спокойнее:

— Даже если вещь дорогая. Особенно возле железа.

Ника пересела чуть дальше. Я перенес упор, ограничил возврат и сделал несколько движений рукой. С каждым разом становилось понятнее, где лишнее усилие, где перекося и какую часть завтра придется поручить Радиму.

В дверь постучали. Я накрыл верстак, закрыл проход и вышел к Весте.

Она сообщила окончательное время выезда. Обоз собирался через день, на рассвете. Завтра надо было закончить местные дела и погрузиться с вечера.

Она как-то странно на меня посмотрела, попрощалась и пошла обратно через двор. Мне оставалось только закрыть дверь.

Ника ела остывшую кашу. Вторую миску поставила для меня, но я попросил подождать еще немного и вернулся к верстаку.

Прижим я переставил ближе к середине. Теперь обрезок не задирает край. Подвижная площадка должна была протаскать его под бруском, остановиться, а затем вернуться пустой. Чтобы освободить дерево, лапку требовалось приподнять в конце хода.

Обычное движение. Я много раз видел похожее.

Однако старое удерживающее имя действовало по-своему. Оно сохраняло нажим еще немного после того, как лапка отпускала. До сегодняшнего дня я бы счел это помехой. Сейчас попробовал использовать короткую задержку.

Рукой подвел площадку к концу хода. Лапка поднялась, обрезок остался на месте. Я придержал его за край, дал площадке отойти и подставил ладонь.

Дерево освободилось и выпало мне в руку.

Я повторил. На этот раз обрезок не придерживал. Он прошел до упора, задержался, пока площадка возвращалась, и только потом упал на подложенную тряпицу.

Ника подошла с миской.

— Уже?

— Подожди.

Я положил второй обрезок, медленнее повел рукоять, следя за светлой чертой возле основания прижима. Площадка дошла до конца, вернулась. Дерево осталось у места выдачи.

На верстаке лежали две одинаково поданные заготовки.

Девочка поставила миску на свободный угол и потянулась за третьей.

— Теперь я покручу?

— погоди. Я еще сам проверю.

Я взял медную ленту Хорвана и измерил положение обоих обрезков. Первый был точно возле упора, второй вышел чуть дальше.

Разница небольшая, но с каждым следующим проходом могла накопиться.

Ника уже держала третью заготовку. Я забрал ее, пометил край и снова установил на площадку. Кажется, у меня что-то получается.

Глава 10

Третью заготовку я провел медленно, ладонью придерживая ее основание. До отметки довел, но стоило убрать руку, как при следующем движении прижим слегка наклонился и потянул за собой дерево.

Я выдохнул. С этим хотя бы понятно, что делать.

Ника держала миску. Заглядывала мне под руку, переступала с ноги на ногу и терпеливо ждала, когда разрешу покрутить рукоять. Я вынул заготовку, проверил, чтобы девочка ни за что не зацепилась и подвинул приспособление к ней.

Пустая площадка прошла вперед и вернулась. Ника захотела повторить.

— Завтра еще попробуем. Сначала основание закрепим как следует.

Она отпустила рукоять, посмотрела на миску и виновато сказала, что каша остыла. Я забрал ужин, сел рядом с верстаком и только тогда сообразил, как проголодался. Пока ел, девочка рассказывала, что положит на свою полку перед отъездом, собиралась чашку обернуть рубахой, вдруг все-таки сдвинется на ухабе.

Рисунок я оставил до утра. За ночь он никуда не денется.

Следующий день прошел в сборах. Радим осмотрел пробное приспособление, нашел податливую подкладку и забрал мерки для нового основания. Илья принес крепление, получил остаток платы и сообщил, что тоже едет в Вежень: хозяин отправлял с ним кованый товар. После своих дел парень мог помогать мне на стоянках.

Я купил корм, еще раз сходил к колесному мастеру, поговорил о подходящих опорах. Перед отъездом лезть в устройство дома не стал.

К вечеру фургон был готов. Я проверил ремни, колеса, тормоз и запор наружной двери, затем вернулся внутрь и обошел комнаты. Долго смотрел на обстановку в доме, на разложенный в мастерской инструмент. Завтра все это поедет со мной.

В прежней жизни перед дорогой я выключал свет и проверял, заперта ли квартира. А здесь что делать? По сути, мне надо запрячь собственный дом. Точнее, надо было запрячь Сметку, а с остальным разбираться.

На рассвете Марфа вынесла Нике сверток лепешек. Поправила ей ворот, обняла и задержала возле себя, пока я рассчитывался за двор. Девочка вернулась на козлы с красным носом и сразу отвернулась к дороге.

Я протянул ей чистый лоскут. Она взяла, не глядя на меня.

У ворот Веста пересчитывала повозки. Возле первого воза спорили о креплении груза. Мне хотелось скорее тронуться, но я удержался от советов: Веста сама подошла к спорщикам и добила, чтобы они перетянули веревку.

Наконец поехали.

Сначала дорога тянулась между полями. Возле жилья еще встречались люди, на оградах сохли холсты, из дворов доносились обычные голоса. Потом строения стали реже попадаться. У одного сада вдоль забора вырубил кусты, а яблоки под деревьями так и оставили гнить.

Ника спросила, нельзя ли подобрать несколько. Перед нами как раз остановился воз, и я уже подумал, что успеем, но Веста обернулась.

— От повозок не отходите. На привале поедим.

Она сказала это и я посмотрел на сад еще раз. За ближними деревьями было плохо видно землю, и зачем-то сразу захотелось проверить, на месте ли арбалет.

После полудня начался дождь. Ника сначала прятала руки под плащом, потом придвинулась ко мне. Холодный мокрый рукав прижался к боку.

На очередной остановке я отвел ее в дом. Закрыл наружную дверь, открыл внутреннюю и помог стащить промокшую куртку. Девочка дрожала, хотя уверяла, что ей нормально.

— Сухое надень. Все, что вымокло, возле печи повесь.

— Ты тоже останешься?

— Мне Сметкой править.

Она не сразу отпустила мой рукав. Я присел перед ней, поправил сбившуюся рубаху на плече и попросил пока сидеть на кухне. Если понадобится выйти — сначала окликнуть меня. Защелку она знала, но на ходу открывать дверь не надо.

Вернувшись на козлы, я спросил у проезжавшей Весты, сколько еще до ночлега.

— До темноты дойдем, если больше не встанем.

Я посмотрел на небо. За дождем трудно было понять, насколько низко солнце.

А встали мы меньше чем через час.

У тяжелой повозки впереди перекосило груз. Один тюк сполз к борту, колесо увязло в колее. Возчик дергал вожжи, лошадь надрывалась, а повозка все сильнее кренилась.

— Да перестань ты ее рвать! — крикнул я.

Мужчина оглянулся. Лицо мокрое, злое, под глазом дергается мышца.

— Сам попробуй!

Я собрался ответить, но увидел, как он держит вожжи. Руки подрагивают, движения резкие. Человек тоже боялся застрять.

Веста подошла с другой стороны, приказала ослабить упряжь и снять верхнюю кладь. Хозяин груза, сидевший на соседнем возу, запротестовал: под дождем нельзя разворачивать полог.

— Ежели здесь останетесь — весь товар бросите, — сказала она. — Снимайте.

Мы отвязали два свертка. Вода хлынула со сложенного тента прямо на тюк. Купец выругался, бросился прикрывать его своей курткой, а я вместе с Радимом подхватил край груза.

Повозка стояла неудобно. Под сапогом скользила глина, плечом я упирался в мокрый борт, рядом хрипел возчик. Хотелось сказать ему что-нибудь ободряющее, но дыхания хватало только на короткое «еще».

Сзади окликнули Весту.

Один из охранников стоял у края дороги с поднятым арбалетом. Я проследил за его взглядом и различил между стволами серую спину. Зверь двигался почти вровень с последним возом.

Веста даже не подошла смотреть.

— Сколько?

— Пока один вижу.

Она велела задним подтянуться. Голос у нее был встревоженным, веревку она затянула с такой силой, что потом еле разжала пальцы.

Я отступил к своему фургону и взял арбалет. Чехол намок, ремень зацепился за крепление. Пока я освобождал оружие, зверь вышел из-за дерева.

Издали его можно было принять за волка. Но если рассмотреть придирчиво, то видны были слишком длинная морда и редкая шерсть на боках. Он остановился посреди дороги, опустил голову и посмотрел на лошадей.

Ох ты жуть какая.

Я уже видел таких близко. Один тянулся зубами к колесу, пока Хорван истекал кровью на облучке. На мгновение так отчетливо вспомнились вожжи в его руке, что я перестал слышать возчика рядом.

Арбалет я поднял, но выстрелить не мог: перед зверем стоял человек, а за ним металась лошадь.

— Ярко! — позвал Радим. — Сюда!

Я вздрогнул и повернулся. Столяр держал заведенную под тюк веревку. Ему не хватало еще одной пары рук.

Арбалет пришлось убрать на козлы. Пока я бежал, охранник выстрелил. Зверь шарахнулся в сторону и скрылся между стволами. Упал он или ушел, я не разглядел.

Мы сдвинули кладь. Купеческий работник вытащил из-под колеса короткое полено, возчик осторожно подал лошадь вперед. Повозку качнуло, но на этот раз удалось вытащить ее на твердое пространство.

Один сверток так и оставили у дороги.

Купец рванул к нему, но охранник схватил его за плечо.

— Потом заберешь, если найдешь. Сейчас пошел.

Я вернулся к Сметке, тяжело дыша. Внутри фургона позвала Ника. Открыл наружную дверь, услышал ее голос из-за закрытого прохода.

— Мы почему стоим?

— Уже едем. От двери отойди.

Сказал это грубовато, но здесь было не до церемоний. Девочка замолчала. Я потянулся к внутреннему запору, но впереди уже тронулись, и пришлось возвращаться на место.

До убежища ехали молча.

Сметка устала. Я то и дело ловил себя на желании поторопить ее и отпускал вожжи. Кобыла и так работала из последних сил, если загнать ее здесь, дальше фургон я сам не потащу. И что-то мне подсказывало, что не каждая лошадь сдвинет мой фургон.

В лесу несколько раз шевелились ветви. Задний охранник не убирал арбалет. Я пытался смотреть сразу на дорогу и в сторону деревьев, пропускал ямы, злился на себя и снова смотрел туда, где мог появиться зверь.

Когда впереди крикнули, что видят фонарь, я сначала не поверил. Огонек качался между повозками. Потом дорога повернула, и над низкой оградой показался освещенный столб.

У ворот нас поторопили. Человек с длинным шестом показывал, куда править, и ругался на возчика, который широко повернул воз. Я остановился только тогда, когда конюх хлопнул ладонью по борту.

— Дальше нельзя. Здесь ставь.

Последняя повозка въехала следом. Ворота закрыли, охранник опустил засов.

Я все еще сидел с натянутыми вожжами. Сметка повернула голову и сердито мотнула ею. Пришлось заставить себя разжать руки.

Стресс, однако.

Под навесом лошади стояли почти бок о бок. Люди протискивались между возами с ведрами и свертками, перекликались, искали своих. Женщина возле соседней повозки вслух пересчитывала детей и каждый раз начинала сначала, потому что младший норовил убежать к отцу.

За оградой виднелась пустая ровная площадка. В обычном постоялом дворе туда давно поставили бы половину прибывших.

Я спросил у конюха, почему так тесно.

Он показал на светлые камни, вкопанные возле крайнего навеса.

— До них фонарь бережет. Снаружи ночевать никто не хочет.

Огонь над столбом казался небольшим. Даже в центре двора приходилось зажигать обычные светильники, чтобы видеть под ногами. Защитой служило наречение, и границу местные знали по камням.

Станный мир, жуткий.

Хозяин убежища сам поднялся к фонарю. Проверил пламя, спустился, запер запас масла в ящик. Возле столба остался его работник. Он принес табурет, укрыл плечи плащом и сел так, чтобы видеть огонь.

Я спросил, на всю ли ночь его оставили.

— Сменят, — ответил конюх. — Ты кобылу веди, здесь проход нужен.

Со Сметкой я возился долго, мокрый ремень никак не выходил из пряжки, я дернул сильнее, кобыла шарахнулась. Выругался, ослабил натяжение и только тогда заметил, что действую торопливо и как-то бестолково.

Провел ладонью по ее шее, под кожей еще подрагивали мышцы.

— Ладно, сейчас снимем. Постой немного.

Ремень поддался. Я устроил лошадь, принес размоченный корм и задержался, пока она не начала есть.

Ника ждала возле внутренней двери. Когда я вошел, сразу спросила, сердит ли я на нее.

Я не понял о чем она, но потом вспомнил свой окрик.

— Нет, Ника. Я не сержусь. Просто беспокоюсь о тебе.

— Я боялась, что тебя сожрут звери.

Я мягко улыбнулся, помог ей поправить куртку и спросил, согрелась ли. Она показала сухие рукава. В доме было тепло.

Хотелось запереться и больше никуда не выходить. Но надо было поесть, принести воды, узнать, когда завтра трогаемся. Я взял Нику с собой и сказал держаться рядом с собой.

Возле кухни раздавали похлебку. О наших зверях знали все: кто-то видел их из задней повозки, кто-то слышал от охраны. Поговорили и о брошенном свертке. Купец стоял поодаль, выжимая рукав.

Один из возчиков собирался выйти к воротам, послушать, не подходит ли отставшая повозка. Хозяин убежища остановил его и велел спросить сторожа.

— Если снаружи позовут, сам не открывай.

— Да я разве...

— Я сказал.

Мужчина отошел. Я спросил у Весты, которая как раз подошла за водой, часто ли здесь пытаются ночью пробраться.

— Разное бывает. Кто-то отстал, кто-то воров под ворота привел. А потом рассказывают, что знакомым голосом звали, хотя человек тот давно дома.

Рядом поднял голову седой возчик.

— У нас возле мельницы так и было. Хозяйка мужа услышала, вышла. А он утром только вернулся.

— И что с ней? — спросил я.

— Дверь успела захлопнуть. Говорила, во дворе на двух ногах стоял, потом на четвереньки опустился.

Веста посмотрела на рассказчика.

— Сама тебе говорила?

Тот замялся, принялся объяснять, кто именно слышал от хозяйки. Я до конца не дослушал, чего только не придумают. Да и Ника рядом стояла с кружкой, и мне совсем не хотелось, чтобы она представляла подобное под нашим окном.

Пока отходили, Веста сказала:

— Я таких не видела. Но не пойду в темноте проверять.

— А обычного зверья всегда столько было?

Она покачала головой.

— Раньше отец на дороге лису увидит — радуется. Теперь первым делом детей на воз сажает. За семь лет чего только не насмотрелись.

Я вспомнил яблоки под деревьями. Подумал о людях, которым нужно выходить в поле, пасти скот, идти за дровами. В городе можно было спорить о плате за починку, а здесь до вечера надо вернуться под фонарь. От этого зависело, останешься ли жив.

Возле нашего фургона Ника вдруг присела.

Из-под соседнего колеса смотрела мокрая полосатая кошка. Уши прижаты, хвост под животом. Девочка протянула руку, и кошка зашипела.

— Не трогай, — сказал я. Но увидев умоляющий взгляд девочки, смягчился. — Ладно, давай еды ей принесем.

Хозяйка двора объяснила, что кошка прибилась накануне. Дала несколько мелких кусочков мяса и разрешила забрать, если животное пойдет. Ника разложила еду на тряпице и села поодаль.

Я стоял рядом и ждал. Времени было жалко, хотелось наконец оказаться дома, но девочка перестала оглядываться на ворота, немного расслабилась.

Кошка долго принюхивалась. Потом вышла из-под колеса, схватила кусочек и отскочила. Еще через несколько минут осмелела настолько, что принялась есть на месте.

Ника подождала, пока она устроится на тряпице, и вопросительно посмотрела на меня.

Так у нас появился еще один пассажир.

Когда я нес сверток к фургону, кошка цеплялась когтями за ткань и тихо ворчала. Ника шла рядом, придерживая свободный край. В тамбуре мы закрыли наружную дверь, только потом вошли в дом.

Девочка сразу устроила кошку возле печи.

Я снял мокрую куртку, сел на стул и вытянул ноги. Несколько мгновений слушал огонь, шорох тряпицы и Никин шепот. Вещи вокруг оставались на местах.

Я провел рукой по столу и вдруг почувствовал, как сильно устал. Снаружи меня опять окликнули. Я прикрыл глаза, досчитал до трех и пошел открывать.

У ступеньки ждала Веста.

— Прости. Купец просит посмотреть короб. Груз промок, к утру часть пропадет.

Я оглянулся на закрытую внутреннюю дверь. Ника наконец согрелась, я тоже только начал приходить в себя.

— Сейчас приду.

Купец оказался тем, чью повозку вытаскивали из колеи. Под навесом он развернул полотно и перебирал мешочки с пряными травами и семенами. Тент за время остановки залило, вода затекла под верхние свертки.

Он поднял на меня глаза.

Я присел возле товара. Полотно было тонкое, часть окрашенная. На стигах темнели мокрые полосы. У мешочков с травами промокли нижние швы.

Хозяин убежища предлагал место возле печи, но купец боялся жаром испортить товар. Травы могли потерять запах, краска — пойти пятнами. Семена предназначались для посева; их он и не знал как трогать.

Сушильный короб достали из-под воза.

Это был невысокий деревянный ящик. Сверху внутри стояла решетка для товара, под ней — съемный лоток с впитывающей подкладкой. Мокрую подкладку вынимали, клали сухую и продолжали.

После поломки короб чинили. Новую решетку посадили низко, лоток разбух и с трудом выходил. Я вынул его, посмотрел крепления, коснулся старого дерева.

От прежнего имени, а оказалось, что короб был нареченным, сохранились отдельные слабые участки. Целой связи не было.

— Справишься? — спросил купец.

— Попробую. Старое наречение почти утрачено, просто починкой тут вряд ли обойдется.

Мужчина потер лицо обеими руками. Я понимал его сомнение: перед ним стоял молодой парень, которого он впервые увидел несколько часов назад.

Мы договорились начать с маленькой пробы. Он дал влажный отрез и немного травы. За работу и материалы в цене сошлись.

Радиму я показал лоток и попросил сделать новый по мерке. Столяр взялся, выбрав подходящее дерево из наших запасов. Илья согласился поправить крепление. Это можно было сделать под навесом обычным инструментом.

Сам короб я унес в фургон.

Когда закрыл за собой дверь, Ника сидела на полу возле печи. Кошка уже перестала шипеть и сонно следила за ниткой на ее рукаве.

— Шпулька, — сообщила девочка.

— Назвала уже?

Ника кивнула. Я посмотрел на маленькое мокрое существо, которое теперь надо было кормить, и почему-то улыбнулся.

— Ладно. Только нитки убери, проглотит.

В мастерской я поставил короб на верстак, придвинул светильник и переоделся в сухое, стало легче. За стеной лил дождь, люди ютились под пологам, а у меня имелись ровное рабочее место и хороший инструмент.

Я снял внутренность короба. Решетку поднял, чтобы товар не касался мокрой подкладки. Для трав приготовил отдельный неглубокий лоток. Место для впитывающего вкладыша оставил таким, чтобы его можно было вынуть одним движением.

Работал недолго, но внимательно. После дороги руки подрагивали, и я дважды откладывал тонкий инструмент, прежде чем браться за крепление. Ника сидела у двери и наблюдала. Когда я потянулся за сухим лоскутом, сама его подала.

Радим принес новый лоток. Мы примерили его в переднем отсеке, столяр снял немного с края и потом ушел. Я юркнул в дом. Честно говоря, начинало раздражать то, что приходится скрывать дом в фургоне, но я уверен, что не стоит разглашать уникальность фургона. Интуиция никогда меня не подводила.

Подкладки я сделал из чистой пакли в грубой ткани. Приготовил несколько штук и положил рядом обычную мокрую тряпицу для пробы.

Теперь предстояло наречение. Я остановился над коробом, раздраженно выдохнул и мысленно поправил себя: теперь надо было попробовать дать ему имя. В прошлой жизни подобная мысль показалась бы мне бредом.

Я уже нарек тиски. Видел, как они держат деталь после раскрытия губок. Но с новой вещью уверенности все равно не было.

Положил ладони на крышку. Представил мокрый товар на решетке, сухую подкладку внизу, воду, которую потом можно отжать в ведро. Я хотел сохранить содержимое, убрать сырость, подготовить запас к дороге и хранению.

— Сухой запас, — сказал я.

Дерево под пальцами чуть потеплело. Перед глазами проступили строки.

Реестр создателей

Изделие: сушильный короб.

Имя принято: «Сухой запас».

Избыточная влага переходит в сменный вкладыш.

Я несколько раз моргнул. Ника поднялась с табурета.

Первую тряпицу мы вместе проверяли. Я положил ее на решетку, закрыл крышку и подождал. Потом потрогал стенку, заглянул под короб. Ника повторила за мной, хотя не понимала, что ищу.

Внутри ничего не нагревалось. Когда я вынул ткань, края уже подсохли, а в сгибе еще держалась сырость. Нижний вкладыш стал тяжелым. Подставив миску, я сжал его.

Вода потекла мне на пальцы.

Я опять посмотрел в короб, вынул решетку, провел ладонью по дну. Тряпица лежала сверху. Подкладка — ниже. Между ними оставался промежуток.

— Откуда? — спросила Ника.

— Из тряпки.

— А как она туда попала?

Я повернулся к ней и засмеялся. Не смог удержаться. Девочка сперва смотрела с недоумением, потом тоже улыбнулась.

— Вот это я бы и сам хотел знать.

Поставил сухой вкладыш и повторил пробу. На этот раз тряпица высохла целиком. Я приложил ее к щеке, затем прижал ладонью бок короба. Все оставалось прохладным.

У меня дома для такого нужны были бы тепло, воздух, время. В этом мире вода собралась внизу, а я даже не мог понять, через что она прошла. Очень хотелось позвать кого-нибудь из старых заводских приятелей, поставить перед верстаком и молча показать.

От этой мысли мое веселье быстро прошло. Я расправил тряпицу, положил рядом с сухим лоскутом и занялся купеческой пробой.

Ткань проверял небольшими участками. Смотрел на краску, на сгибы, сравнивал с сухим краем. Потом взял немного травы, растер до сушки и после. Явной разницы в запахе не нашел, но окончательно судить должен был хозяин.

Со вкладышами все оказалось понятно: набирали воду и переставали принимать новую. Их нужно было менять. Ника приготовила мне сухие, а мокрые я отжал в таз и развесил возле печи.

Через некоторое время можно было идти с результатом.

Купец развернул полотно на свету. Пощупал середину, растер пальцами окрашенный край, попросил работника принести сухой отрез для сравнения. Траву они вдвоем нюхали, как бы это ни звучало.

Я ждал и немного нервничал. Сам видел, что сырость ушла. Но дорогого товара раньше не касался и его качества толком не знал.

Наконец купец посмотрел на меня.

— Остальное успеем?

Я оглянулся на тюки.

— За ночь, если поможете менять вкладыши.

Он позвал работника.

За всю пострадавшую часть партии договорились о сорока восьми серебряных. Я поймал себя на мысли, что правильно сделал, отказавшись от того кабального договора.

Веста помогла разобрать, что действительно промокло и сколько займет работы. Я учел материалы, плату Радиму и место у печи для сушки вкладышей.

Сумма получилась большой. Купец поторговался, затем показал мне один хороший отрез и назвал, сколько за него заплатят в городе. После этого я уже не чувствовал, что много прошу.

Два мешочка с затхлым запахом отложили. Испорченное содержимое сушить было бессмысленно. Семена купец разрешил пропустить сначала небольшой пробой; я предупредил, что проверить всхожесть за ночь невозможно.

Готовый короб вынес под навес. Тонкую работу закончил, теперь нужны были люди и больше свободного места.

Радим помогал раскладывать ткань. Илья относил мокрые вкладыши к печи, отжимал и возвращал сухие. Купеческий работник принимал готовое и проверял каждый сверток. Я следил за действием имени и время от времени осматривал крепления.

Постепенно вокруг стали собираться люди. Говорю же, странный мир, нет бы спать перед тяжелым завтрашним переходом, но нет, они пришли смотреть «шоу».

Кто-то протянул к коробу руки, полагая, что внутри жарко. Кто-то спросил, можно ли высушить сапоги. Я отказался пробовать на коже: пока не знал, как она поведет себя.

За несколько часов волнение после дневного перехода отступило, но совсем не ушло. Стоило кому-нибудь повесить голос у ворот, я поднимал голову. Фонарь горел, возле столба сидел дежурный.

Один раз Ника вышла ко мне с хлебом. Я быстро поел, отвел ее обратно и увидел, что на моей подушке устроилась Шпулька.

— Я ее уберу, — поспешила сказать девочка.

— Пусть лежит. Вредное создание, бессовестное.

Ника смотрела на меня, словно пыталась понять, в шутку говорю или всерьез. Я присел возле нее и попросил ложиться спать.

Она нехотя выполнила просьбу.

К концу работы я хотел только сесть. Купец пересчитывал товар, работник переносил последние сухие мешочки, а я стоял возле стола и следил, чтобы никто не перепутал мокрое с высушенным.

Расчет получил при фонаре.

Купец отсчитал монеты, затем попросил сделать еще три короба к Веженю. Я задумался, позвал Радима, уточнил, сколько времени займут корпуса. Столяр предложил подобрать добротные обычные ящики и переделать их. Так мы могли уложиться в дорогу.

За новые изделия взяли задаток в семьдесят монет. Эти деньги я убрал. После расчета с помощниками и оплаты расходов оставшееся серебро пересчитывал уже дома.

Ника спала. Шпилька проснулась, потянулась и спрыгнула с постели, когда я вошел.

Я выложил монеты на кухонный стол. Отделил дорожные расходы, корм и железо, которое собирался купить. Затем еще раз пересчитал остаток.

С собственным жильем этого хватало на несколько месяцев скромной жизни. Можно было спокойно доехать, выполнить поручение Хорвана, заняться своей вещью. Впервые за все время я позволил себе подумать, что не обязан брать любой заказ. Жизнь налаживается.

Убрал деньги и пошел посмотреть на Нику.

Она спала на боку, положив ладонь под щеку. Куртку повесила на место, сапоги поставила возле двери. Я поправил сползшее одеяло и несколько секунд постоял рядом.

Потом вернулся на кухню, доел оставленную для меня похлебку и лег. К верстаку даже не подошел.

Утром за окном все еще моросило. Переправщик велел ждать, пока спадет вода, и обозники занялись своим грузом.

Я купил нужное железо и договорился о трех обычных ящиках. Радим осмотрел их, выбрал подходящие и принялся снимать мерки. Илья устроился рядом. Работы им хватало, а у меня наконец появилось время на свой проект.

Перед этим Ника показала рисунок.

На маленьком деревянном обрезке она нацарапала дверь со ступенькой. Хотела поставить такую же на коробах, чтобы люди узнавали мои вещи. Я поправил верхнюю линию угольком и сделал порог чуть короче.

С рисунком пошли к Радиму. Я собирался заказать Илье небольшой штамп, но столяр, выслушав, покачал головой.

— На проданную вещь пока не ставь. Для мастерового клейма право нужно.

Он показал знак на своем рубанке. Объяснил, что признанный мастер представляет работу, его имя и клеймо вносят в городскую книгу. Потом по этому знаку можно найти того, кто сделал вещь, и спросить за плохую работу.

— А Вольный знак? — спросил я.

— С ним прав больше. Обычные мастера тоже клеймят. В Вежене узнаешь порядок, Норвей подскажет.

Я посмотрел на рисунок. Еще немного — и поставил бы его на все крышки, не подумав спросить.

Проданный короб я отдал купцу с чистой крышкой. Он осмотрел крепления, попробовал сменить вкладыш и попросил на остальных сделать так же. Когда я упомянул клеймо, только кивнул, успею поставить после признания.

Чуть позже ко мне подошел человек из нового обоза. Поздоровался, спросил Ярko и передал, что его хозяин видел высушенное полотно. Хотел поговорить о двух коробах и еще одной работе.

Я уже собирался идти, когда из фургона показалась Ника. Позвала завтракать.

Незнакомец ожидал ответа. За его спиной Радим подгонял первый лоток, возле навеса люди снова обсуждали переправу. Работы впереди хватало.

— Скажи хозяину, после завтрака подойду, — попросил я. — Пусть пока приготовит, что хочет показать.

Вернулся в дом, закрыл обе двери и сел за стол. Ника придвинула мне хлеб. Шпилька устроилась возле печи и следила за нашими ложками.

Я ел, слушал девочку и никуда не торопился, наконец-то. Лепота!

Глава 11

После завтрака я отнес посуду к воде и еще немного посидел, пока Ника кормила Шпульку. Кошка уже освоилась, вылизывала миску, цеплялась когтями за край коврика и норовила добраться до свисавшего со стола шнурка.

Выходить из дома не хотелось. Снаружи не было ничего, что могло бы меня вытащить по доброй воле, сырость раздражала. Я допил настой, поднялся и попросил Нику пока оставаться внутри. Она махнула копной волос, не отрываясь от кошки.

Новый купец оказался пожилым человеком с короткой седой бородой. Он ждал возле своего воза, раскладывая на крышке дорожного сундука несколько монет. Вещь, которую хотел показать купец, оказалась запирающимся ларцом. Старое имя на нем не различалось. Под обивкой разошлось крепление, но я не решился в дороге все разбирать.

— Если открою, могу до выезда не собрать, — предупредил я. — В городе можем спокойно посмотреть.

Купец остался недоволен, при этом, не стал спорить. Он завернул ларец, затем несколько раз переспросил, где меня искать в Вежене. Пришлось объяснять, что двора для стоянки я еще не выбрал. Договорились перед приездом снова поговорить.

Ближе к полудню начали пускать к переправе.

На воде неслись ветки, к опорам приставало мокрое сено. Переправщик стоял на подходе и пропускал повозки по одной. Возчики слезали, брали лошадей под уздцы, переставали разговаривать. Я тоже шел возле Сметки. Ника осталась на козлах и так старательно смотрела перед собой, что мне даже пришлось окликнуть ее.

Когда выбрались на другой берег, остановился проверить упряжь. Я протянул Нике руку, помог спуститься и предложил немного пройти пешком, пока обоз собирается.

— Боялась? — спросил я.

Ника кивнула, потом посмотрела на меня.

— А ты?

Я хмыкнул.

— Еще как.

Она слегка улыбнулась, мы постояли возле Сметки, пока передний возчик спорил с переправщиком о плате. Кобыла потянулась к траве, я отступил вместе с ней.

За переправой Веста собрала возчиков. Нижнюю дорогу размыло, ближайший проход к тракту оставался под водой. Придется идти через села, огибая низину. До Вежени, по ее расчетам, выходило еще девять, а то и десять дней.

Я мысленно пересчитал оставшееся время до Смотра. После задержки на переправе и с таким обходом свободных дней почти не оставалось. Еще одна долгая стоянка — и придется торопиться.

Веста заметила, как я нахмурился.

— Если дорога подсохнет, наверстаем.

— Сегодня далеко пойдем?

— До Березового Лога дойдем.

Днем несколько раз приходилось слезать и вести Сметку пешком. По бокам тянулись заросшие канавы, на подъеме копыта скользили. Охранники держались по краям обоза. Один из них время от времени останавливался, пропускал возы и прислушивался к лесу.

Я тоже смотрел между деревьями, хотя старался делать это пореже. От постоянного ожидания движения начинало всякое мерещиться. Где-то поднималась птица, где-то качалась ветка, а у меня рука уже тянулась к чехлу с арбалетом.

Ника спросила, почему мы не заедем к дому, который виднелся за полем. Крыша у него была целая, рядом стояли яблони, возле сарая сохранился плетень. Я показал ей провалившиеся ворота и заросшую тропу. За водой оттуда пришлось бы идти к лесу.

Девочка помолчала.

— А фонаря там нет?

Я покачал головой и снова посмотрел на двор. Для меня он еще напоминал обычное запустевшее хозяйство.

В Березовый Лог въехали во второй половине дня.

Дома стояли тесно, с огородами за высокими оградами. Между двумя крайними дворами виднелись старые межи, но владельцы уже сдвинули заборы ближе друг к другу и застроили проход сараями. Возле центрального колодца на высоком столбе висел фонарь. Ниже укрепили крытый ящик с маслом, а рядом находилась будка сторожа.

Торговали под длинным навесом напротив. Кто-то продавал корнеплоды, кто-то выделанные кожи. Из кузницы доносился стук, возле пекарни выстроились женщины с корзинами. После сырого леса и пустой дороги мне захотелось сойти с козел, купить горячего хлеба и хоть немного пройти среди людей.

Веста направилась к большому двору. Там она рассчитывала остановиться, но у ворот нам перегородили дорогу двое в одинаковых темных кафтанах.

Сначала я решил, что проверяют въезжающих. Потом слуга принялся разворачивать переднюю повозку, хотя за воротами оставалось достаточно места.

— Господин Велин со свитой стоит, — объяснил он. — Для обоза места нет.

Веста слезла с лошади. Разговор сначала шел тихо. Она называла хозяина двора, напоминала, что посылала известие с попутчиками. Слуга повторял одно и то же, затем велел отвести возы от ворот.

Наш передний возчик резко повернул и зацепил колесом камень. Лошадь шарахнулась. Пришлось всем немного податься назад.

Я остановил Сметку, спустился и подошел к Весте.

— Что у нас с ночлегом?

— Сейчас узнаю.

Она сказала это сквозь зубы. Из глубины двора вышел полный мужчина в теплом дорожном кафтане. За ним двое слуг несли седло и свернутый ковер. Мужчина остановился под воротами, оглядел наш обоз и спросил, отчего здесь толпятся.

Веста поздоровалась и назвала себя. Объяснила, что место было условлено заранее.

— С хозяином разбирайтесь, — ответил Велин. — Мне тоже надо людей разместить.

За его спиной стояли три крытые повозки и несколько верховых лошадей. Половина навеса пустовала. Я взглянул туда, потом на наши возы, облепленные грязью.

— До вечера другого убежища уже не достигнем, — сказал я. — Под навесом можно потесниться.

Велин посмотрел на меня. Молодое лицо Ярko ему, видно, мало понравилось.

— Ты обоз ведешь?

— Я с ним еду.

— Вот и поезжай к хозяину. Мне зачем об этом рассказываешь?

Я вдруг понял как сжимаю кулаки. Да уж, эмоции. Еще немного — и ответил бы так, как привык отвечать за свою долгую жизнь тем умникам, которые уверены в собственной незаменимости. Но здесь за спиной Велина стояли вооруженные слуги, а за моей — Ника и уставшая лошадь.

Веста легонько коснулась моего локтя.

Наконец появился Хозяин двора. Снял шапку, забормотал о неожиданном приезде, о том, что «его милости тесно». На Весту старался не смотреть. Она выслушала, затем спросила, где еще фонарь достает до места, пригодного для повозок.

Хозяин показал в сторону мельничного двора.

— Там проезд узкий. И с хозяином говорить надо.

Велин уже собирался уйти, но обернулся к слуге.

— Седло внеси. И чтоб у конюшни больше никто не ставил.

Я смотрел ему вслед. Даже после того, как он скрылся за дверью, хотелось догнать и поговорить по душам. Веста, кажется, это поняла.

— Пойдем. Не стоит тратить свои силы на него.

У мельника действительно нашлось место. Тесное, с неудобным въездом, зато целиком внутри защиты. За стоянку он запросил больше чем мы ожидали. Видимо, понял, что ситуация безвыходная. Веста торговалась жестко, хозяин упирался, указывая на грязь, которую потом придется убирать со двора.

Я уже хотел сам заплатить разницу. Веста остановила меня взглядом и довела разговор до конца. Возчики внесли свою долю, купцы — свою. Я заплатил за фургон и взял еще место под навесом для работы.

Когда Сметка наконец получила корм, я все еще сердился.

— Кто он такой? — спросил у Весты.

— Велин? Земли здесь держит. Фонарь для села покупал, охрану на тракт посылает. Считает, что ему за это все должны.

Я посмотрел на фонарь над крышами.

— И должны?

Веста пожала плечами.

— Местные с ним спорить не любят. Мне тоже товар до города довести надо.

Она ушла расставлять остальные повозки, а я еще постоял возле Сметки. Раздражение понемногу проходило. Деньги у меня появились, а вот влияние — нет.

Ближе к вечеру пошли за покупками. Ника сначала отказывалась, у нее уже были сапоги, куртка и теплые чулки. Я объяснил, что впереди зима, а после дороги хорошо бы выбрать теплую одежду. Она слушала, но к торговому навесу подошла без всякого воодушевления.

Я тоже был не в лучшем расположении духа. Все вспоминал разговор у ворот и придумывал ответы, которые следовало дать Велину. От этого становился еще злее, потому что прекрасно понимал, никакой удачной фразой места во дворе нам бы не прибавил. Сословное общество, однако. Не привык я к такому.

В лавке с одеждой хозяйка предложила посмотреть новые вещи и перешитые. Я попросил показать все подходящее по росту. Ника сразу потянулась к самой короткой куртке.

На локте темнела заплата, подкладку заменяли кусками.

— Эту можно, — сказала девочка.

— Надень.

Она застегнулась, опустила руки и замерла. Я попросил поднять их. Рукава оказались слишком короткими.

Хозяйка уже снимала другую куртку, но Ника принялась расстегиваться и сказала, что ей и эта удобна.

— Как удобна? — Я потянул манжету вниз. — Руки же голые. Возьми ту, примеришь.

— Эта дешевле.

— Да при чем тут...

Я замолчал. Ника смотрела в пол и сжимала край рукава. Хозяйка сделала вид, что занята товаром.

Я сел на лавку.

— Давай так. Найдем две, которые тебе впору. Из них сама выберешь. Хорошо?

Она согласилась. Вторую куртку примеряла без разговоров, третью — внимательнее. В одной ей мешал ворот, в другой нравились карманы. Я попросил походить, присесть, вытянуть руки и только после этого спросил, какую хочет.

Ника выбрала темно-зеленую, на плотной стеганой подкладке.

— Она хорошая? — спросила тихо.

Я осмотрел швы, провел ладонью по плечу.

— Хорошая. Бери.

К ней подобрали рукавицы и шапку. Старые сапоги ещегодились. Я проверил, не жмет ли носок, и оставил покупку зимней обуви до Веженя.

Для себя собирался взять рубаху и плащ. Но хозяйка заставила примерить кафтан, затем принесла другой, лучше сидевший в плечах. У зеркала я задержался.

Оттуда смотрел молодой мужчина с растрепанными волосами и хмурым лицом. Я поправил ворот, расправил плечи и невольно улыбнулся, по привычке ожидал увидеть седую голову и морщины с пигментными старческими пятнами.

Ника подошла сбоку.

— Этот красивее.

— Да?

— Прежний весь грязный.

Хозяйка фыркнула, пряча улыбку. Я засмеялся вместе с ней и попросил завернуть кафтан.

С обувью пришлось немного повозиться. Правую пятку натер еще на первом переходе, и теперь при каждом шаге хотелось ступать аккуратнее. Новую пару примерил, прошел по лавке, присел, поднялся на носки.

Веста заглянула, когда я во второй раз проверял, не скользит ли пятка.

Она оглядела свертки, затем Нику в новой куртке.

— Успели до закрытия?

— Кажется, да. Только я тут еще хожу.

Веста присела рядом с Никой, поправила ей отворот шапки и что-то сказала про рукавицы. Девочка что-то ей отвечала. Когда я вынул деньги, она снова притихла.

Сумма вышла немаленькая. Я отсчитал серебро, забрал покупки и почувствовал довольно глупое удовольствие от нового запаха кожи. Хотелось надеть все сразу, выйти на улицу и пройтись так.

Веста посмотрела.

— Теперь на мастера похож.

— А раньше что? Не был похож?

— Раньше был похож на бродягу.

Я хотел возразить, но вспомнил, когда последний раз чистил одежду, и передумал. Ника улыбалась и впервые сама попросила зайти еще в одну лавку. Там продавали цветные тесемки.

Она выбрала короткую синюю и достала собственную медь.

Я уже потянулся заплатить, но остановился. Пусть почувствует эти эмоции — купить на свои кровные. Ника аккуратно положила монеты на прилавок, пересчитала сдачу и спрятала тесемку в карман новой куртки. На обратном пути несколько раз проверяла, на месте ли она.

Дома разложили покупки. Я переоделся, убрал старую рубаху к рабочим вещам и занялся заказами, пока было достаточно света. Радим к тому времени закончил очередной лоток; я принял его, сверился с меркой и пообещал вечером проверить короб.

Ника перебирала бирки. Купец подписал, какие изделия хотел оставить себе, а какие передать товарищу. Девочка долго рассматривала одну, потом положила ее в сторону.

— Подай ту, где «полотно», — попросил я.

Она протянула другую.

Я прочел, поправил ее и только тогда заметил, как Ника прикусила губу.

— Буквы путаешь?

— Тут мелко.

Я подвинул бирку к свету. Девочка отвела глаза, и я наконец сообразил, что дело совсем не в почерке.

— Читать трудно?

Она вздохнула.

Я оставил короб, принес восковую табличку и написал ее имя, благо от Ярко мне достались эти знания. Ника узнала часть букв, остальные с подсказкой назвала. Потом попробовала повторить сама, вжимая перо в материал.

— Полегче. Нам еще много писать.

— У меня кривовато выходит.

— Это нормально, у меня сначала тоже криво было.

Я начал показывать, как соединить черты, но быстро поймал себя на том, что тороплю. Девочка хмурилась, стирала и снова совершала ошибку. Пришлось отодвинуть свою руку и дать ей закончить самой.

Когда имя получилось разборчивым, Ника посмотрела на меня исподлобья.

— Так?

— Так. Вот эту чуть короче сделай, и оставим.

Она исправила, затем прижала табличку к груди, будто я мог передумать и все стереть.

Светильник стоял неудобно. Девочка все время наклонялась, заслоняла написанное рукой и двигала его ближе к краю. Я переставил огонь, но тогда плохо стало видно мне.

В этот момент у меня появилась интересная идея. Пришлось вернуться к лавкам еще раз, пока не закрылись. Купил небольшую глиняную чашечку, немного очищенного масла и льняной фитиль. Кусок тонкого металла нашел среди собственных запасов.

Для лампы сделал устойчивую подставку. Чашечка плотно входила в нее, сбоку я поставил отражающий щиток, чтобы больше света попадало на табличку. Ника сидела рядом и время от времени спрашивала, то или иное действие.

Фитиль сперва закоптил. Я укоротил его, снова зажег и оставил лампу постоять. Получилось ровное небольшое пламя.

Ника подвинула табличку и попробовала писать.

— Здесь хорошо, — сказала она, выбрав место сбоку от стола.

Я проверил, не заденет ли лампу локтем и далеко ли до занавески. Потом показал, куда наливать масло, как гасить огонь и почему горячую чашечку лучше пока не трогать.

— Имя у нее будет? — спросила девочка.

— «Светляк» подойдет?

Ника махнула головой и снова склонилась над буквами. Нарекать лампу мне не надо было: масло горело, фитиль подавал его к огню, металлический щиток отражал свет. Все просто, для вечернего занятия самое то.

После этой учебы, Ника устала и пока я задумался, что-то придумала, видимо, не только у меня озарения бывают. До этого я видел, как она возится с обрезками упаковки, но думал, что опять рисует. Теперь девочка поставила передо мной сложенную фигурку и легонько потянула за хвост. Крыло шевельнулось.

Я отложил инструмент.

— Это откуда?

— Сама сделала. Хочешь покажу?

Она развернула второй обрезок. С одной стороны сохранилась часть торговой записи, другая была чистой. Я сложил бумагу пополам, как она попросила, затем загнул угол и ошибся.

Ника покачала головой.

— Этот пока оставь. Сначала другой.

Я развернул и попробовал еще раз. Из-за лишнего сгиба край все время отгибался обратно. Девочка взяла мой палец, передвинула на нужное место и велела держать.

Надо было видеть с какой серьезностью она меня учила.

На третьем сгибе я опять повернул бумагу не той стороной. Ника вздохнула, посмотрела на мою заготовку и на свою.

Я не выдержал и рассмеялся.

— Терпи. Ученик тебе попался старый.

Она уставилась на меня.

— Ты молодой.

— Тогда бестолковый. Еще раз покажи.

Ника тоже засмеялась и терпеливо расправила испорченный угол. В конце концов птица получилась. Немного перекошенная, с одним коротким крылом, но узнать ее можно было.

Девочка поставила обе фигурки рядом.

— Моя ровнее.

— Тут и спорить нечего.

Я повернул свою птицу, попробовал шевельнуть крылом и опять услышал Никин смех. За последние дни она редко смеялась. В конце концов, она заявила, что теперь понимает, какое нужно терпение, чтобы чему-то кого-то научить.

К ужину пригласил Весту. Мы развернули навес у Фургона. Веста принесла бумагу для наших расчетов и несколько чистых обрезков, которые отдал торговец. Ника попросила их себе. Мы оставили часть для коротких записей, остальное девочка забрала и уселась складывать новую птицу.

Веста сначала собиралась остаться ненадолго, потом ее позвали к возам. У одного купца разошлась веревка на поклаже, другой спорил, когда завтра выезжать. Она ушла разбираться, а я продолжил накрывать стол под навесом возле фургона.

Еду принесли от мельниковой жены. Я заказал горячую похлебку, лепешки и немного мяса с луком. После дневной сырости хотелось нормального ужина, за которым никто не будет торопить.

Веста задерживалась.

Я несколько раз посмотрел в сторону ворот. Похлебка остывала, Ника тянулась к хлебу, я велел ей есть, сам подвинул крышку на третью миску и зачем-то принялся переставлять кружки.

Веста появилась, когда я решил, что она уже поела у своих.

— Простите. Один отпускает веревку, другой тянет, а виновата я.

Она села, сняла перчатки и посмотрела на миску.

— Еще теплая?

— Проверь.

Веста подняла на меня глаза, взяла ложку, попробовала и одобрительно кивнула.

Я разлил настой и наконец сел.

Первые минуты ели молча. Потом Ника показала птицу. Веста отложила ложку, осторожно взяла фигурку и спросила, как шевелить крылом. Девочка объяснила, затем указала на мою.

— А эту Ярко сделал.

Веста посмотрела на кривоватое крыло, потом на меня.

— Похоже, летать ей придется кругами.

Я фыркнул, и досада из-за остывшего ужина наконец прошла. Веста тоже улыбнулась, вернула птицу на стол и потянулась за хлебом.

Разговор получился самый обыкновенный. Веста рассказывала, где в Вежене вкуснее всего кормят, какие лавки завышают цену приедем и на какой двор лучше встать с повозкой. Я расспросил о Мостовой. Улицу она знала, но Матвея Рудина не смогла вспомнить.

— Приедем — найдем. Там мастеров много, друг друга знают.

Да, с именем и улицей было уже проще, но все равно хотелось заранее представить место, куда везу фургон. Хорван доверил его мне в последнюю минуту. Я успел обзавестись заказами, одеждой, кошкой, а его поручение все еще оставалось невыполненным.

Ника спросила, продают ли в Вежене сладкие пироги. Веста назвала лавку, где пекли с яблоками и медом. Девочка сразу поинтересовалась ценой и начала считать что-то на пальцах.

— Хочешь из своих? — спросил я.

Она кивнула.

— Один большой. На всех.

Я подвинул ей мясо, и несколько секунд смотрел в миску. Потом сказал, что обязательно дойдем до лавки.

Веста заметила, но переводить разговор на Никину доброту не стала. Вместо этого предупредила, что большие пироги быстро разбирают, придется явиться утром. Девочка серьезно согласилась.

После ужина Веста еще посидела с нами. Откинулась к столбу, вытянула ноги и призналась, что сегодня устала. Я спросил, часто ли на дороге попадаются такие, как Велин.

— Такие — редко. Людей, которым надо везде быть первыми, хватает.

— И ты всегда уступаешь?

Она посмотрела на меня.

— Сегодня я привела обоз под фонарь. Если бы осталась у ворот доказывать, кто прав, сейчас бы мы ужинали на дороге.

Я хотел возразить, затем вспомнил Нику на козлах и замолчал.

Веста потянулась за кружкой.

— На тебя было интересно смотреть. Я думала, ты его за кафтан возьмешь.

Я посмотрел на ее усталые руки, на натертое ремнем запястье и предложил еще настоя. Веста согласилась.

Когда она собралась уходить, Ника подарила ей новую птицу. Веста завернула ее в чистый лоскут и убрала в сумку. Девочка следила за каждым движением и осталась довольна.

Я проводил Весту до края навеса.

— Спасибо, что пришла.

— И тебе. За ужин.

Она улыбнулась, поправила ремень на плече и пошла к своим возам. Я постоял, пока она не скрылась за повозкой, затем пошел убирать посуду.

За последнее время мы навезли в дом столько всего, что проход в кладовую пришлось освобождать. Ящики с деталями, материал для коробов, корм, свертки с одеждой.

Сметка на подъемах тяжело шла. Неизвестно, сколько ей передавалось от того, что я складывал в доме. Само его устройство оставалось невозможным, но рассчитывать, что новый груз тоже станет легким, я бы не стал.

Хорванов дом Сметка тянула каким-то непонятным мне образом, зато за каждый новый ящик железа платить приходилось ей.

Радим предложил часть тяжелых обломков продать кузнецу. Я сперва пожалел, потом вспомнил, как кобыла упиралась на размокшем подъеме, и согласился. Несколько хороших кусков все же отобрал: они пригодятся.

Я занялся кладовой. Ника помогала убирать самое легкое. Разложила чистые ткани, отнесла новую одежду, выбрала для своей птицы место на полке. Крепкие ящики я сам переносил. Запасы для дороги поставил ближе к выходу, инструмент — к мастерской, а ненужные пока обломки отложил.

Когда убрал последний ящик у стены, обнаружил несколько подготовленных креплений. Раньше их закрывала поклажа. Я присел, стер пыль и провел пальцами по ровному краю выемки.

Дерево там явно обработали. Следов снятого оборудования не было: отверстия оставались чистыми, края — целыми.

Я осторожно коснулся небольшой металлической накладки. Перед глазами появились строки.

Оснащение мастерской.

Рабочее место подготовлено.

Усовершенствование не установлено.

Я задержал ладонь, надеясь увидеть продолжение, но ничего нового не появилось. Встал, заглянул в мастерскую и сравнил расположение креплений с тем большим свободным местом, которое заметил еще в первый вечер.

Значит, Хорван собирался что-то здесь поставить. Возможно, не успел. Возможно, оставил в другом месте.

Я уже хотел позвать Нику подать свет, но она сама подошла с лампой. Поставила ее на свободный край полки и присела рядом.

— Нашел что-то?

— Кажется чего-то здесь не хватает.

Рядом с креплениями находился узкий ящик. В нем лежали деревянные мерки, обрезки кожи и несколько сложенных записей. Я вынул их на стол, попросил Нику не трогать острые предметы и стал разбирать.

Почерк Хорвана я узнал по другим бумагам. Он писал как бы тесно, сокращал слова и использовал свободные поля старых расчетов. На одном листке нашлась отметка о плате за оборудование для мастерской.

Ниже было указано, где его получить.

Вежень. Мостовая. Матвей Рудин.

Я расправил лист и прочел еще раз. Имя совпадало с тем, которое Хорван назвал перед смертью. До этого я знал только, что должен показать этому человеку фургон. Теперь выяснилось, что у него оставили еще и вещь какую-то.

На обороте другой рукой приписано: «Приедешь с фургоном — подгоню крепление».

Я посмотрел на пустое место возле стены. Вот, значит, зачем его готовили. Самого оборудования здесь не было, но оно, судя по записи, существовало и ждало хозяина в Вежене.

Захотелось немедленно расспросить Матвея. О покупке, о Хорване, о том, что тот собирался сделать дальше. Несколько минут я даже злился на расстояние до города, на размытую дорогу, да даже на завтрашний очередной переход от фонаря к фонарю.

Ника зевнула и прикрыла рот ладонью.

— Я пойду?

— Иди. Я сейчас тоже закончу.

Она забрала свою птицу, поставила рядом с чашкой и ушла в комнату. Сапоги оставила в прихожей возле моих. Я заметил их, когда нес бумаги на кухню, и остановился. Раньше девочка держала обувь у самой постели. Обвыклась.

Из комнаты донесся шорох одеяла и тихий мявк. Я прикрыл дверь, вернулся к столу и убрал запись Хорвана вместе с остальными бумагами.

Ящики к найденным креплениям больше не придвигал. Пустое место оставил свободным. Утром надо было спросить Весту, как выйти на дорогу к Мостовой. А еще надол и закончить заказ с коробом до следующего перехода.

Глава 12

С утра, естественно, пришлось заняться коробом. Повозившись по отработанной уже схеме, я умудрился закончить до выезда. Радим принес второй короб и помог перенести его к подводам. Остаток платы мне отсчитали тут же, на крышке дорожного сундука. Двумя новыми изделиями хозяева остались довольны, мы договорились о следующих, но уже без четких сроков.

Когда купцы ушли, я расплатился с Радимом и Ильей. Парень пересчитал монеты, одну отложил отдельно и спрятал за пояс. Радим завязал свою плату в тряпицу, затем мы обсудили оставшиеся заготовки. Материал был куплен, а нужное железо лежало в фургоне. До следующего заказа можно было несколько дней спокойно заниматься своим проектом.

Дома я разложил деньги на столе и еще раз проверил дорожный запас. Еду, корм и стоянки мы уже могли оплачивать без опасения, что через неделю придется искать работу за миску похлебки. Серебро на опыты убрал. Небольшую сумму оставил под рукой, остальное спрятал.

Ника заворачивала хлеб. На мои подсчеты она поглядывала, однако ни о чем не спрашивала. Закончив, положила сверху два кусочка сыра и принялась завязывать узелок.

— На козлах позавтракаем? — спросила она.

— Как из села выберемся. Только сыр в пыль не урони.

— Я все завернула.

Она подняла сверток, показывая, что крепко держится. Я убрал кошель, взял из шкафа кружку и выпил воды. На столе осталась пустая миска, за окном мельничиха вытряхивала половик. Снаружи ей был виден обычный фургон, я же стоял на собственной кухне. Чудной мир.

Пожить бы здесь неделю спокойно, разобрать запасы, поставить все по местам, утром смотреть окно, вечером садиться за стол без мысли о том, что еще надо до темноты успеть надеть делов. Я покосился на дверь кладовой, за которой оставил свободное место для оборудования Хорвана. Сначала все-таки надо добраться до Вежена.

Я достал из свертка запись с бумагами и переложил во внутренний карман. Перед выходом проверил воду для Шпульки. Кошка сидела на Никиной постели и следила, как девочка расправляет одеяло вокруг нее. Сгонять ее никто не стал. Кажется, она даже чуть поправилась, видимо, шерсть ей расчесали, да в тепле и уюте похорошела. Животное, будто заметило мой взгляд и повернулось ко мне с удивленным:

— Мр-р?

Я хмыкнул и вышел во двор, там уже запрягали. Под навесом снорва спорили возчики из-за очередного пустяка. Илья помогал своему хозяину увязывать железо. Веста стояла возле Сметки и что-то объясняла Радиму, показывая на дальние ворота.

Я дождался, пока столяр уйдет, и спросил о Мостовой.

— В Вежене? — Веста поправила ремень сумки. — Через нижний торг к ней ближе, только утром там с фургоном не протолкнешься. Тебе какой двор нужен?

— Матвея Рудина. Хорван оставил у него какую-то оплаченную вещь. Вчера нашел запись.

— Покажешь вечером. Даже интересно.

— Нам после обхода еще долго до города?

— Если вода дальше дорогу не размыва, быстро управимся. У переправщиков сегодня расспрошу.

Я невольно поморщился. Веста это заметила.

— Раньше тебя вещь оттуда все равно никуда не уйдет. А мы сейчас уйдем, если ты кобылу запряжешь.

Я засмеялся и пошел к Сметке. Новые сапоги после вчерашнего хождения немного разносились, пятку не терли. По привычке я осторожно ставил ногу, ожидая боли, и всякий раз приятно удивлялся, когда ее не было.

Перед дорогой снял рабочий фартук, убрал его вместе с инструментом и надел кафтан. Ника сидела на козлах. Я передал ей узелок с едой, проверил сбрую и взял кобылу под уздцы.

Мы дошли до ворот и остановились.

Поперек выезда стояла господская повозка. Возле нее двое слуг перекладывали тяжелый сундук, третий придерживал оседланных лошадей. За нашей спиной начали скапливаться подводы. Мельник подошел к слугам, попросил освободить дорогу, но его даже не выслушали.

— Господин сейчас выйдет. Подождете.

Веста попробовала договориться с тем, кто распоряжался погрузкой. Мужчина в коротком кафтане показал ей на сундук, словно тяжесть поклажи все объяснял. Слуги опять подняли его, один выругался и перехватил руку. Еще немного — уронят себе на ноги.

— Да подайте вы повозку вперед, — сказал я. — Потом хоть до вечера перекладывайте.

Мужчина оглянулся.

— Тебе не сказали, что ли?

Я уже собирался ответить, когда Веста тронула меня за локоть и указала на другой конец двора. Там мельник с Радимом снимали поперечину с узких боковых ворот.

— Помоги завернуть. У стены камень, колесом за него цепляют.

Пришлось идти. Нику я попросил слезть и подождать за воротами. Первую подводку провели вдвоем с Радимом, затем вернулся за фургоном. Между выступом стены и камнем оставалось места в обрез. Я вел Сметку за уздцы, столяр следил за колесом.

Кобыла косилась здоровым глазом на стену. Я погладил ее по шее и тихо уговаривал пройти еще немного. Когда миновали узкое место, она потянулась вперед, а я наконец перестал сжимать повод.

По улице ехал Велин. Позади него были двое вооруженных людей. Господин остановился возле своей повозки, поговорил со старшим слугой и направился к выезду из села. Мы с Никой стояли у фургона в нескольких шагах, на нас он даже не посмотрел.

Очень хотелось высказать ему все, что думал о его сборах. Вчера нас выставили со двора, сегодня еще и проехать не дали. Тупость какая-то.

Я молча подсадил девочку на козлы и полез следом. Веста поравнялась с нами уже за последними домами.

— Все-таки выбрались, — сказала она. — Не хмурься. У нас до леса хорошая дорога.

— А потом?

— Потом не очень, там и успеешь нахмуриться.

Я фыркнул и наконец отпустил то, что с самого двора собирался кому-нибудь высказать. Ника развязала узелок, разделила хлеб и передала мне кусок сыра. Солнце согревало спину. После тесного двора было приятно смотреть на поля и редкие перелески, между которыми тянулась дорога.

У межи двое крестьян чинили плетень. Один выпрямился, проводил обоз взглядом и опять взялся за работу. Позади них еще виднелись крайние дома Березового Лога и высокий сельский Фонарь. Впереди, на пологом склоне, паслись овцы, рядом ходил пастух с длинным древком, а чуть дальше сидел человек с арбалетом на коленях.

Я раньше принял бы его за охотника. Присмотревшись к стаду я понял, почему овец держат так близко к жилью.

Ника изучала надпись впереди на подводе. Название было выведено смолой прямо на задней перекладине. Она узнала две буквы, с третьей ошиблась и сердито потерла нос, когда я поправил.

— Давай все прочитаю, — предложил я. — Потом сама попробуешь.

Оказалось, что я прочел название с неверным ударением. Веста рассмеялась и назвала пристань, откуда приехал возчик.

— Там рыбу хорошую сушат. Если доведется попасть, до торгового дойдете. У причала в тридорога продают.

— Ты, похоже, везде знаешь, что и где дешевле.

— Я знаю, где вкуснее. Это важнее.

— С этого и надо было начинать. В Вежене тоже покажешь?

— Если со своими железками про еду не забудешь.

Это да, не поспоришь, работа затягивает.

Она ехала рядом еще некоторое время. Рассказала, что у нижнего торгового пекут небольшие пироги с рыбой, но покупать их лучше с утра. Ника спросила про сладкие. Я слушал обеих и ловил себя на том, что мне совершенно никуда не хочется спешить.

Подъезжая к лесу Веста ушла вперед. Там плотнее собрали обоз. Один охранник проехал вдоль подвод, попросил возчиков сократить промежутки. Другой свернул к опушке и вернулся когда первые лошади вошли под деревья.

У заросшего ответвления стоял старый каменный столб. За кустами виднелась печная труба. Ниже темнел провал крыши, возле плетня росла яблоня с мелкими плодами.

— Здесь раньше останавливались? — спросил я, когда Веста вернулась к нам.

— Три двора было. Воду брали, иногда ночевали. Последние года четыре назад ушли.

— Из-за зверья?

Она кивнула.

— Фонаря здесь нет. За один год две коровы пропали, потом мальчишку у ручья изодрали. Выходили его, но мать оставаться больше не захотела. За ними и другие собрались.

Я оглянулся на яблоню. От дороги до нее было шагов двадцать, и еще недавно мне показалось, что неплохо бы набрать Нике несколько яблок. Никто из возчиков туда не свернул.

У водополя остановились выше берега. Дорога проходила по склону, к ручью вел утоптаный спуск. Ниже по течению вода уходила за поворот, где из размытой земли торчали корни. Седой охранник отправил напарника осмотреть верхний подход, сам прошел вдоль ближних кустов. До его возвращения лошадей придержали.

Я помог Нике спуститься с козел.

— Посиди пока дома. Напою Сметку и позову.

Девочка хотела остаться посмотреть на ручей, но взглянула на вооруженного человека у воды и не стала спорить. Я провел ее через тамбур, закрыл наружную дверь и только после этого открыл внутреннюю. Шпुлька уже ждала возле порога. Ника подхватила ее и понесла показывать окно.

Вернувшись наружу, я вынул арбалет из чехла. Утром закрепил ремень для взведения поверх кафтана, сейчас поправил его и положил рядом болты.

Спуск оказался скользким. Лошади уже размесили копытами глину, и седой охранник велел остальных подводить по двое. Илья взял ведро: тяжелых упряжных он собирался поить на дороге. Я придержал Сметку возле фургона, пока возчик впереди отводил свою лошадь от воды.

Через ручей просматривалась полоса гальки и обрубленные кусты. За ними густо рос орешник. У нашего берега вода промыла землю под корнями старой ольхи; снизу туда почти не заглянешь. С дороги я видел часть промоины, но дальше она уходила за выступ склона.

Пока ждали, я взвел арбалет и уложил болт. Держал оружие опущенным, поворачиваясь так, чтобы никто не оказался перед ним. Сметка потянула повод, я успокоил ее голосом. До воды ей оставалось совсем немного.

Внизу молодой возчик пытался напоить пегую лошадь. Та вытянула шею, понюхала воду и вдруг отшатнулась. Парень дернул повод, лошадь вскинула голову и попятилась, соскальзывая задними ногами со спуска.

Веста спешила и передала своего коня одному из обозников.

— Отпусти повод! — крикнула она парню. — Дай ей развернуться, она сейчас тебя сшибет!

Возчик, похоже, услышал только вторую половину и потянул еще сильнее. Веста спустилась к нему, взяла повод ближе к оголовью и отвела лошадиную голову в сторону дороги. Парень наконец ослабил хват. Пегая выдернула заднюю ногу из грязи и поднялась на несколько шагов.

На дороге возле спуска стояла подвода. Веста оказалась рядом с ней, чуть ниже колеса, спиной к ольхе. Она что-то объясняла возчику и показывала, как держать повод, когда в промоине под корнями появилась серая морда.

Я поднял арбалет машинально. Даже окрикнуть Весту не успел.

Зверь выбирался на склон припав к земле. Сначала показались уши, затем плечи и высокая спина. Он был крупнее волков, которых я помнил, с темной мокрой шерстью вдоль хребта. Веста стояла справа от него, возле лошадиной шеи. Между нами никто не проходил.

— Веста, сзади! — все же вырвалось у меня наконец.

Она обернулась, все еще удерживая повод. Волк поджал задние лапы и бросился вверх по склону. Я надавил на спуск, стараясь удержать перед глазами его бок. Если бы я промазал, то попал бы в Весту, уж слишком неудобное положение у зверья.

Тетива ударила. Болт попал возле плеча.

Зверь неловко опустился на землю, передняя лапа подломилась, он завалился набок и съехал вниз, раздирая когтями глину. Веста выпустила повод, отскочила к подводе и ударилась плечом о колесо. Лошадь дернулась вверх. Возчик побежал за ней, едва удерживаясь на ногах.

Я отступил, пропуская их, и тут же опять посмотрел на склон.

Волк уже поднимался. Раненую лапу почти не ставил, но подтянулся на остальных и развернулся к Весте. Из раскрытой пасти тянулась слюна. Он хрипел так, будто задышался, однако продолжал лезть вверх.

Седой охранник бежал от воды с копьем наперевес. Ударил сбоку и остановил зверя в нескольких шагах от колеса. Волк вцепился в древко. Охранник уперся ногами, крикнул напарнику, чтобы заходил с другой стороны.

Я поставил арбалет на землю и сунул ногу в стремя. Второй болт был под рукой, надо было только взвести тетиву. Зацепил ее крюком, потянул — и крюк соскочил.

Снизу донесся крик. Я вскинул голову. Седой попятился, под его каблуком осыпалась мокрая земля. Веста пыталась обойти колесо, но рукавом за что-то зацепилась. Потянула руку и освободилась, оставив на креплении клочок ткани.

Я опять потянул ремень. Под него попал подол кафтана, кожа перекрутилась, и крюк захватывал тетиву одним краем. Я сильнее дернул, хотя надо было остановиться и расправить все руками. В ту минуту мне казалось, что еще немного — и взведу.

Волк бросился на копье. Седой удержал его, второй охранник подбежал сбоку и ударил под переднюю лапу. Зверь дернулся, осел на землю и еще раз попытался подняться. Люди прижали его копытами.

Я стоял над арбалетом, сжимая перекрученный ремень. Схватка закончилась прежде, чем я успел зарядить оружие.

— От воды всем отойти! — крикнул седой. — Коней на дорогу!

Веста была уже за подводой. Я наконец вытащил ногу из стремени и поднял арбалет. Заметил, что пальцем содрал кожу о крепление, но боли пока не чувствовал. Все смотрел туда, где возле колеса лежал обрывок ее рукава.

Сметка резко потянула повод. Я чуть не выпустил его: держал все это время кобылу, а теперь совершенно о ней забыл. Она пятилась от других лошадей, вскидывала голову и пыталась развернуться. Пришлось отвести ее за фургон, заслонить от суматохи и постоять рядом, положив ладонь на шею.

Я говорил ей что-то успокаивающее. Слов не запомнил, сам никак не мог отдышаться.

Из тамбура выглянула Ника. Наружную дверь она совсем немного приоткрыла и теперь держалась за косяк, глядя на арбалет в моей руке.

— Ты кого-то убил?

Я прислонил оружие к борту и подошел к ней.

— Волка подстрелил. Охрана добила. К ручью полез, прямо к лошадям.

— Я слышала Весту.

— Она цела. Рукав порвала, когда отходила.

Ника попыталась выглянуть, я не стал закрывать ей обзор: Веста как раз вышла из-за подводы, остановила возчика и приказала показать локоть. Девочка посмотрела на нее, потом на меня.

— Ты зайдешь?

— Как соберемся. Сметку напоить надо.

Ника вздохнула и закрыла дверь. Я дождался звука закрывающейся защелки, поднял арбалет и только тогда заметил, как сильно потеют ладони. Вытер их о кафтан, снова взялся за оружие — и опять крепко сжал.

Илья принес воду. Сметка сунула морду в ведро, расплескала немного и принялась пить. Парень держал обеими руками, поглядывая на меня.

— Я думал, он до нее доберется, — сказал он.

Я промолчал, пока кобыла пила, мы стояли по разные стороны ведра и слушали, как седой охранник ругается у берега.

Промоину проверили до самого поворота. Второго зверя там не нашли. По словам охранника, волк мог лежать под корнями еще до нашего приезда: от воды его закрывал выступ, сверху мешали ветви. Я все пытался вспомнить, было ли там что-нибудь серое, когда мы только остановились. В памяти оставалась одна мокрая земля.

Возчики собирали лошадей. Один успел потерять ведро, другой жаловался на оборванный повод. Пегую отвели подальше от ручья. Ее хозяин сердился на парня, но Веста вмешалась и отправила обоих осмотреть ногу животного.

Я окликнул ее только тогда, когда она подошла к нашему фургону.

— погоди. Сядь хоть на минуту.

— Сейчас. Надо еще...

— Сядь, Веста. Остальные управятся.

Она посмотрела на меня и неожиданно послушалась. Опустилась на ступеньку, провела ладонью по щеке. На пальцах осталась грязь.

Я налил воды. Она пила мелкими глотками, держа кружку обеими руками, затем поставила ее рядом и принялась поправлять ремешок на рукаве. У пряжки застрял комочек земли. Веста выковырнула его ногтем, выпрямила конец ремня и дважды промахнулась мимо прорези.

Я присел перед ней.

— Давай помогу.

На этот раз она сразу протянула руку. Ткань возле плеча была разодрана, ниже виднелась ссадина. Ремень я расправил, продел в пряжку и застегнул свободнее.

— Плечо поднимается?

Она осторожно пошевелила рукой.

— Поднимается. О колесо приложились. Хорошо еще, успела отвернуться.

Я разгладил ткань там, где она собралась под ремнем, и никак не мог заставить себя отнять руки. В голове все повторялся эпизод с волком, это видать адреналиновый отходняк.

Веста посмотрела на меня.

— Ярко...

— Я не успел второй раз зарядить, — сказал я. — Запутался с ремнем. Видел, как он лезет, а сделать ничего не мог.

Она коснулась моего запястья.

— Ты меня спас. Если бы не окликнул, да не выстрелил... я бы там так и осталась.

Я покосился на место схватки. Руку она не убирала. Поднял на нее глаза и наконец рассмотрел, насколько Веста побледнела.

— Я его совсем не видела, — добавила она.

Мне захотелось обнять ее, прижать к себе, убедиться, что все действительно закончилось. Вот это да-а-а. А организм-то реагирует соответствующе. Я уже и забыл каково это когда молодая кровь по жилам аж горит.

Я накрыл ее пальцы ладонью и немного так посидел. За фургоном ругались возчики, Сметка жевала, где-то стучали ведром о колесо.

Веста выпрямилась.

— Спасибо тебе.

Я махнул рукой и помог подняться. Она поправила ворот, взяла кружку, допила воду.

Когда мы тронулись, возле ручья еще оставались охранники. Они оттащили тушу подальше от воды. Один возчик предлагал снять шкуру, но работать с ножом у самых зарослей

никто не вызвался. Сам он тоже довольно быстро вернулся на свою подводу. Там что-то говорили о том, что лучше сжечь труп, но я подробностей не расслышал.

Я позвал Нику на козлы. Девочка забралась, села поближе и некоторое время держалась за мой рукав. Я накрыл ее плащом, поправил край, хотя он и так лежал хорошо.

Разговоры о звере гуляли по всему каравану. Соседний возчик уверял, что обычный волк давно бы убежал, услышав столько людей. Его товарищ отвечал, что в прошлом году у них такой же загрыз собаку посреди двора. Третий, шедший рядом с колесом, вспомнил об оборотнях.

— Под корнями-то он полз, как человек. На локтях будто.

— Ты откуда видел? — спросил седой охранник, догнав нас.

— Люди говорят.

— Дык, люди тебе еще не такое наговорят. У него ж лапа после болта висела.

Я слушал и смотрел вперед. До выстрела зверь двигался непривычно низко, однако в тесной промоине иначе, наверное, и не пройти. Мне хотелось решить, что мы встретили просто большого волка, но как назвать животное, которое после такого ранения все еще лезет на копье, я не знал.

Ника потянула меня за рукав.

— Далеко нам еще ехать?

Я вздохнул. К Фонарю подъехали засветло. За каменной оградой стояли хозяйский дом, конюшня и длинный навес. Над воротами на шесте висела выцветшая полоса ткани. Сам светильник горел в железной клетке, возле него хозяин менял небольшую посудину, придерживая ее через тряпку.

На въезде собирали плату. Я отдал деньги и, пока ждал очереди, поглядывал на лес за спиной. Если в прошлый раз при расчете хотелось выяснить, за что именно берут деньги, то сейчас я просто радовался, что внутри ограды есть место для нашего фургона.

Веста указала на свободный угол возле навеса. Сначала мы поставили туда фургон, потом я распряг Сметку. Кобыла стояла спокойно, только мотала головой, когда я осматривал копыта.

Ника спустилась во двор. Я попросил ее держаться возле нас и наконец вынул арбалет.

Седой охранник проходил мимо. Я окликнул его и попросил посмотреть, как удобнее носить ремень поверх одежды. Он отставил ведро, сказал мне надеть все так, как было у ручья и несколько раз заставил достать крюк.

— Вот здесь цепляешь, — показал он. — Полу убирай. И все время пробуй, так легче запоминать.

— На стоянке позанимаешься со мной? За плату.

Охранник посмотрел на небо.

— Завтра до выезда, если успеем. Только сперва ремень приладь. Стрелять с одним болтом ты вроде умеешь.

Усмешка у него была добродушная, но я все равно поморщился. Он это заметил и хлопнул меня по плечу.

— Не беспокойся, натренируешь все.

Мы договорились о времени. Я убрал арбалет, проверил болты и обнаружил, что запасной все еще наполовину торчит из поясного чехла. Так и ехал с ним, даже не заметил.

Возле фургона Ника разговаривала с Вестой. Та сняла верхнюю одежду и теперь рассматривала порванный рукав. Девочка пощупала края ткани, спросила, можно ли попробовать зашить. Веста согласилась и присела рядом.

Я принес воды и чистый лоскут. Ссадину промыли, плечо Веста подняла и опустила еще раз. Серьезного повреждения вроде бы не было, хотя синяк наверняка остался.

Ника достала свой сверток с нитками. Перед работой расстелила на коленях светлую ткань, чтобы игла не затерялась, если выскользнет. Я хотел что-то подсказать, но девочка так уверенно подбирала нитку, что оставил ее в покое.

Веста придерживала рукав и слушала, как Ника объясняет, почему здесь надо шить с изнанки. Я постоял рядом, затем отошел к навесу.

Я с утра собирался взяться за свой проект. После ручья было трудно переключиться, однако сидеть и снова вспоминать каждый миг нападения тоже не хотелось. Под навесом оставалось достаточно света. Я договорился с Радимом дожидаться Илью, чтобы реализовать задумку.

Пока ждали, я вынес небольшой верстак и основание с закрепленными направляющими. Тонкую работу закончил еще в селе, пользуясь инструментом Хорвана. Теперь оба восстановленных узла надо было соединить и проверить вместе.

Со стороны устройство выглядело незамысловато. Площадка с заготовкой двигалась вперед, оставляла ее у дальнего упора и возвращалась пустой. Я поворачивал рукоять. За то, чтобы дерево удерживалось и подавалось без рывка, отвечали уцелевшие наречения.

Раньше мы уже гоняли короткие обрезки. Тогда каждый раз приходилось что-нибудь поправлять, придерживать, доводить. После восстановления имен я надеялся обходиться одной рукоятью.

По отдельности узлы работали исправно. Я несколько раз проверил подачу, затем возврат. Радим осмотрел крепления и подложил под основание тонкий обрезок, чтобы верстак не качался. Подошедший Илья придержал ящик с инструментом, пока мы освобождали место.

Для общей пробы выбрал короткую заготовку. Поставил ее на площадку и предупредил, чтобы никто не тянулся к креплениям, пока я двигаю рукоять.

Первую половину хода прошли как надо. Дерево остановилось возле отметки, скоба приподнялась. Второй узел тоже был исправен.

Я установил другую заготовку, подвел ее к упору и остановился. Скобу поднял, рукоять дальше не поворачивал. Поначалу дерево опять удерживалось. Я ждал, пробуя его пальцами, и лишь потом смог свободно вынуть.

Радим взял обрезок, придвинул его к упору и отпустил. На обратном движении ладонь сперва чуть приподнял, затем отвел к себе.

Мы провозились дольше, чем собирались.

Хватит на сегодня. Сначала поесть, выспаться, утром проверим.

Мы накрыли устройство. Илья собрал инструмент, Радим забрал целый обрезок.

Возле фургона Ника заканчивала шить. Веста держала край ткани ближе к свету, а девочка протягивала последнюю нитку.

К ужину я проголодался. Хозяйка двора наливала густую похлебку, сверху каждому добавляла по несколько ломтей вареного мяса. Я взял на троих.

Мы устроились возле фургона, девочка убрала иглу в сверток, провела пальцем по шву на Вестином рукаве и только после этого принялась есть.

Веста поблагодарила, отломилась хлеба и некоторое время ела молча. Ника поглядывала на зашитый рукав. Веста заметила это, согнула и разогнула руку.

— Удобно. Нигде не тянет.

Девочка довольно хмыкнула и вернулась к похлебке. Мне нравилось, что Веста вспомнила проверить сама. Я бы, наверное, начал расспрашивать, хорошо ли зашито, удобно ли, и только смутил бы ребенка.

Постепенно во дворе затихали. Возчики закончили с лошадьми, под навесом устраивали постели. Хозяин прошел к Фонарю, заглянул внутрь железной клетки и что-то поправил длинными щипцами. Я проводил его взглядом.

Сегодня за оградой было приятно сидеть. В лесу темнело, между деревьями ничего не различить. А здесь люди спорили о хлебе, кто-то смеялся возле конюшни, седой охранник снял сапог и вытряхивал из него камешек.

— Ты раньше этой дорогой ездила? — спросил я Весту. — До того, как все изменилось. Она кивнула.

— С отцом. Он меня с собой брал, когда вез товар. У того ручья и останавливались. Там ниже по течению место ровное, раньше подводы прямо на траву ставили.

Я вспомнил промоину и серую спину под корнями.

— И ночевали?

— Бывало. Лошадей привяжут, огонь разведут. Я еще сердилась, что меня рано укладывают. Хотелось у костра сидеть.

— А отец теперь не ездит?

— Только с обозом. После того как собак потерял, один вообще не суется в лес.

Она рассказала без подробностей, две собаки ушли за зверем к опушке, вернулась одна, да и то, через день издохла. Отец потом несколько недель ходил проверять изгородь. Я слушал и пытался представить, каково это — всю жизнь знать свой лес, ходить туда за грибами, а потом начать опасаться тропы, по которой бегал ребенком.

— Только хищники изменились? — спросил я.

— Да какие хищники... Отец зайца из силка вынимал, так тот ему палец до кости прокусил. Раньше тоже кусались, конечно. Но чтобы так вцепиться и держать...

Я покосился на свой фургон, в котором уютно заселилась Шпулька.

Веста покачала головой и заявила, что домашние животные не изменились. Это радовало.

Ника слушала, подперев щеку ладонью.

Из тамбура донесся тихий стук. Шпулька, которую Ника выпустила туда перед ужином, просовывала лапу под наружную дверь. Девочка встала, приоткрыла ее и взяла кошку на руки. Та устроилась у нее на коленях и немедленно потянулась к миске.

— Этой точно лучше, чем лесным, — сказала Ника.

— Еще бы, — ответила Веста. — Тут за ней ходят, кормят. Нитки воровать разрешают.

— Я не разрешаю. Она сама.

Они рассмеялись. Девочка придерживала Шпульку, пока та пыталась дотянуться до хлеба, потом отнесла ее обратно в тамбур. Я дал маленький кусочек мяса и попросил закрыть за собой дверь, когда пойдет в дом.

Ника задержалась на ступеньке.

— Ты скоро?

— Побуду еще немного с Вестой и приду.

Она махнула своей гривой и я проводил ее взглядом.

Веста сидела вполоборота, осторожно придерживая больное плечо. Я спросил, сильно ли ноет.

— Терпимо. Завтра синяк будет.

Она посмотрела прямо на меня. Я вдруг растерялся. Хотелось сказать что-нибудь теплое и простое, но в голову лезли только глупости. Что-то я забыл минусы молодого тела. А это плохо, нужно научиться контролировать себя.

Веста сама отвела взгляд.

— Завтра рано трогаемся. До следующего Фонаря переход длинный. Ты с утра за работу не садись, ладно? Иначе опять придется тебя искать.

— Я с охранником договорился арбалет попробовать, поэтому не до работы будет.

Я вздохнула. Оказалось, можно просто сидеть рядом, ничего особенно умного не говорить, и все равно было хорошо.

Со стороны хозяйского дома подошел человек в дорожном кафтане. На сапогах засохла глина, у пояса висела короткая плеть. Я узнал слугу, который утром держал лошадей возле занятого проезда.

Он остановился у стола.

— Доброго имени. Ярко здесь?

— Здесь.

— Господин Велин велел зайти. Ему вещь привезли, посмотреть надо. Сказывают, ты наречения восстанавливаешь.

Я покосился на фонарь.

— Смотря что сломано. Что за вещь?

— Этого не скажу, сам не видел. Мне велено тебя позвать. За осмотр господин даст пять серебряных, о починке отдельно сговоритесь.

Я уже собирался ответить, что некогда, но после названной суммы помедлил. За рубанок Радим заплатил один серебряный. Здесь давали впятеро больше только за осмотр. Но и на коробах я неплохо заработал.

— Передай, что мне заранее надо знать, что за работа. Заочно починку обещать я не буду.

Слуга нахмурился. Видимо, рассчитывал пригласить меня и сразу уйти. Некоторое время он смотрел на накрытый верстак, затем вернулся к разговору:

— Тебе за то и платят, чтобы посмотрел. Сумеешь — возьмешься. Господин зря серебро не считает.

Сумма и правда была хорошая. Дорожный запас у меня есть, голодать нам не грозит, но пять серебряных все равно жалко упускать. Маленькая жаба внутри меня недовольно квакала на мои сомнения.

Я потер пальцем край кружки.

— Иди, — сказала Веста.

Я хмыкнул и встал. Слуга облегченно вздохнул и повел меня к своему хозяину.

Глава 13

Слуга повел меня через двор, то и дело оглядываясь, словно я мог передумать и вернуться к столу. Возле коновязи пришлось посторониться: двое возчиков тащили полную бадью. Вода плеснула через край, один выругался, второй посоветовал ему смотреть под ноги. Мой провожатый недовольно поджал губы, однако торопить их постеснялся.

За спиной засмеялась Ника. Я обернулся и успел увидеть, как Веста отодвигает от нее миску: Шпулька забралась на скамью и уже тянулась мордой к остаткам ужина.

Хорошо сидели. Еда, разговор, девчонка рядом. После сегодняшней перехода мне больше ничего и не хотелось.

Хотя пять серебряных тоже пригодились бы.

У хозяйского дома было просторно. Подводы сюда не ставили, мокрую упряжь под окнами не развешивали. Возле крыльца стоял охранник в длинном дорожном кафтане, под верхним крючком виднелись железные кольца. Он осмотрел меня, задержался взглядом на руках и отступил от двери.

Слуга предложил обтереть сапоги о солому. Я и сам собирался: новые, еще толком не разношенные, они успели покрыться грязью.

Велин сидел за столом у окна. Кафтан висел на спинке соседнего стула, князь закатал рукава рубахи. Перед ним стояло блюдо с остатками птицы, от которой еще поднимался пар, пахло чесноком.

— Мастер пришел, княже.

Я поздоровался. Велин отложил нож и несколько мгновений рассматривал меня, потом повернулся к пожилому человеку возле стола:

— Это о нем ты говорил?

— О нем. Я с купцом беседовал. Полотно спас, короб сделал. Еще заказы принял.

— Я про чужие наречения спрашивал.

— Тоже верно. Люди подтверждают.

Князь снова посмотрел на меня.

— У кого учился?

— У Хорвана. Теперь сам работаю.

Кажется он впервые услышал это имя. Я ждал следующего вопроса, однако Велин вытер пальцы полотенцем и поднялся.

— Посмотрим, чему научился. Остей тебя уже заждался.

Мы прошли в соседнюю комнату. Возле стены сложили дорожные сундуки, на двух крючьях висели плащи. Посередине, на плотном холсте, стояла вещь, ради которой меня и позвали.

Я остановился у порога.

Сначала бросилась в глаза железная оправа. Широкое основание, шесть стоек, толстые наружные дуги. Между ними поблескивали светлые стенки, похожие на мутное стекло. Сложенные опоры прижали к основанию кожаными ремнями. На одной дуге виднелась свежая вмятина, а ниже, возле крепления, из-под обшивки торчал щепленный край.

Рядом поднялся худой бородатый человек в кожаном переднике.

— Доброго имени. Остей, хранитель.

Я назвался и присел возле поврежденного угла. Вещь была тяжелая, высотой мне до пояса. За наружные дуги ее можно было ухватить, хотя одному я бы даже пробовать не стал.

— Фонарь что ли?

— Он самый, — ответил Остей.

Я провел пальцем возле вмятины, затем посмотрел на сложенные опоры.

— Для какого двора везете?

Князь подошел с другой стороны.

— Не твоего ума дело, — буркнул Велен, но потом словно переборов себя, добавил, — где остановлюсь, там и выставят.

Я недовольно поднял голову.

Остей, должно быть, привык к подобной реакции. Он расстегнул ремень и показал, как отводится опора.

— Вчетвером снимаем с повозки. Место выравниваем, основание крепим. Потом можно зажигать. Под защитой шатер помещается, лошади, люди. Господин с ним на озера ездит.

Я снова посмотрел на Фонарь, теперь уже иначе.

Подобную вещь я представлял себе на башне, над воротами, в каменной оправе посреди большого двора. Возле нее селились, торговали, держали скот. К ней спешили до темноты.

А этот можно было поставить у собственной повозки.

— И возле реки тоже?

— Если берег крепкий. На зыбком сперва настил готовим.

— Сколько времени на установку?

— Не долго. Люди у нас привычные.

Я обошел оправу. Возле фургона нашлось бы для нее место. Сметку поставить ближе к дверям, под навесом устроить кормушку. Если колесо сломается или дорогу размоет, можно

остаться, спокойно взяться за инструмент. Ника будет дома. Веста сможет обойти повозки, не оглядываясь на каждую канаву.

Я едва успел выстрелить у того злосчастливого ручья. Все произошло так быстро, что потом я долго пытался вспомнить, когда именно приложил приклад к плечу.

— Хорошая вещь, — сказал я.

Велин усмехнулся.

— За шестьсот серебряных ей и полагается быть хорошей.

Я убрал ладонь с дуги.

Пять монет за осмотр показались вполне разумной платой. В такую вещь и подходящий инструмент побоишься упереть.

— Давно купили?

— Две зимы ждал, пока мастер возьмется. Пятый год пользуюсь. С ним хоть на охоту выбраться можно, как раньше. Помнишь верхний стан, Остей?

Хранитель кивнул.

— Там к весне медведица поселилась. В прошлом году егерь с мальчишкой ходил, едва ноги унес.

— Вот и сидели бы дома, — закончил князь.

Я вспомнил покинутые дворы у старой дороги. Низкую калитку, заросший проход к ручью, яблоки на ветках. Уехать оттуда людям, наверное, было тяжело. Однако они уехали, а Велин мог вернуться на любимую охоту.

Князь уже подозвал приказчика и велел принести обещанную плату. Пока тот отсчитывал монеты, я расспросил Остея о повреждении.

Повозку опрокинули на размытой дороге. Наружная дуга приняла удар, но нижний угол все-таки пришелся о камень. Светильник с виду уцелел. На следующей стоянке Остей установил его, зажег и обнаружил разрыв в защите.

— Сам свет как был, так и остался, — объяснил он. — Если глазами смотреть, все исправно. Только с той стороны зверю пройти можно.

Я присел снова.

— С какой?

Хранитель указал как раз на поврежденный угол.

А это любопытно.

— Разбирали?

— Наружный кожух снимали. В селе мастер посмотрел и велел к создателю везти, отказался чинить, испугался. Я тоже побоялся: там крепления тонкие, одно заденешь — потом не соберешь.

Приказчик положил серебро на сундук. Я пересчитал, убрал в кошель и попросил Остея поднести лампу. Нормально так — сходу деньгами разбрасываются, чтобы уж точно внимательно смотрел.

Мы начали вдвоем снимать кожух. Князь некоторое время наблюдал, затем вернулся к ужину, наказав позвать его, когда будет что сказать. Я проводил его взглядом и как-то свободнее стало, бесит он меня, кажется одним своим присутствием.

Остей осторожно отвел обшивку.

— Вот. Снизу глянь.

Под оправой раскололись две деревянные подушки. На третьей осталась вмятина, над ней слегка накренился внутренний обод. Через тонкое крепление проходила тусклая связь, вытянутая возле самого основания.

Я поднес палец ближе и проследил ее до стойки. Затем посмотрел в глубину, туда, где за светлыми стенками находился источник.

Плата за осмотр была хорошая, я бы охотно задержался здесь и подольше.

Остей помог устроить лампу так, чтобы я не заслонял свет плечом. Потом опустился на колено и стал показывать крепления, к которым ему приходилось добираться во время обычного ухода.

Он знал свою вещь хорошо, помнил, где металл нагревается после долгой работы, какой запор заедает в сырую погоду, что первым надо проверить после перевозки. Я слушал и понемногу разбирался в устройстве.

В середине оправы находилась сердцевина из толстого желтоватого стекла. По краям она была почти прозрачной, ближе к середине мутнела. Внутри едва светилась узкая полоска. Остей снял защитный колпак, и я рассмотрел неровную поверхность, мелкие пузырьки, застывшую возле края складку.

— Стекло? — спросил я.

— Стекло. Только руками туда лучше не лезь.

Я и сам не собирался хвататься за сердцевину, но руку все-таки отвел.

Источник был похож на вещь, которую можно изготовить в обыкновенной мастерской. По крайней мере, снаружи. Никакого драгоценного камня, добытого из чудовища, я не увидел.

— Оно сейчас светится, даже не слепит. А защиты нет?

— Сейчас нет. При перевозке почти гасим. Выставим — разожгу.

— Масло куда заливаете?

Остей покачал головой.

— Ему масла не требуется.

Я посмотрел на нашу лампу. На кончике фитиля подрагивало пламя, возле края чашки темнел нагар. Рядом, внутри стекла, ровно теплился свет.

Захотелось выругаться. Столько лет возился с проводами, лампами, контактами. А тут кто-то сварил стекло, поработал руками, нарек — и получил такое. Причем случилось это всего несколько лет назад. До появления магии он, наверное, делал кружки, оконные стекла или те же масляные плошки.

— Создатель сам стекло варил?

— При мне сердцевину вынимал, когда оправу собирал. Остальное у него спрашивай. Я готовое принимал.

Я склонился и снова искал связи.

Возле источника их было много. Некоторые я различал вполне отчетливо, другие терял уже через палец. Одна шла к внутреннему ободу, затем расходилась по стойкам. У поврежденного угла я находил ее продолжение, однако под перекошенным креплением линия становилась тоньше.

Я еще раз спросил, где именно прерывалась защита. Остей показал то же место.

— А вокруг остальных сторон держалась?

— Держалась. Я весь круг обошел.

— И до удара дальше доставала?

— С остальных сторон как прежде. Здесь к самому основанию подходил — все пусто.

Я сел на пятки.

Значит, за свет и за защиту здесь отвечали разные соединения. Сердцевина продолжала светиться, хотя с одной стороны уже можно было пройти. Чинить источник вроде не надо.

Это еще ничего не говорило о том, как сделать свой Фонарь. А мысль такая закралась, да. Зато я впервые мог разделить задачу на части, которые видел собственными глазами.

— Чем проверяешь?

Остей вынул из кармана плоский футляр. Внутри лежал маленький ободок с натянутой поперек тонкой нитью.

— Мерник. Его вместе с Фонарем нарекли. В защите нить прямая, снаружи опадает. С ним обхожу, по колышкам сверяю. Если круг меньше прежнего, заново смотрю крепления.

— Под дворовым Фонарем проверить получится?

— Этот только со своим связан.

Он показал, как держать футляр. Я рассмотрел вещицу и вернул. Простая с виду, а без нее хранитель мог бы уложить людей спать возле исправного на вид светильника.

— Таких хранителей в Вежене учат? — спросил я.

— У мастеров учатся, у старших. При больших Фонарях помощников держат. Ты что ль о своем думаешь?

Я усмехнулся.

— Думаю. Маленький бы. Чтобы возле фургона поставить.

— Все о маленьком спрашивают. Только сперва свет получи. У кого он вышел, те уже на оправу не скупят.

Остей произнес это с легкой насмешкой и вернулся к поврежденной опоре. Я некоторое время еще смотрел на сердцевину.

Куртку мы прогревали у печи. Потом она сохраняла тепло, хотя в ткани не было ни угля, ни горячей воды. Я уже привык к этому настолько, что перестал удивляться всякий раз, когда Ника выходила на холод.

А если подобным образом сохранить свет?

Я пока не понимал, что происходит внутри княжеского стекла. Но начинать можно было с вещи попроще: зажечь обычную лампу и попытаться сберечь хоть немного ее света в отдельной оправе. Потом выяснять, получится ли связать с ним защиту. Или это чушь? Надо будет подумать.

— Первые Фонари тоже такими были? — спросил я. — Со стеклянной сердцевинкой?

— Какие попадались. Большой, при котором я прежде служил, совсем иначе устроен. А первые я не застал. Когда зверье возле дорог пошло, еще на мельнице работал.

— Одновременно с наречениями?

— Кто теперь вспомнит? Сперва про чудеса рассказывали. Потом пастухов с дальних выгонов убрали. А там уже по ночам стали дежурить.

Я провел ладонью по лицу.

Все хотелось уложить в знакомые мне понятия: болезнь, голодный год, перемена погоды. Однако с каждым новым рассказом понятных мне объяснений становилось все меньше. И свет этот, от которого звери отступали...

Может, здесь в самом деле происходило что-то похожее на старую сказку? Людям досталась возможность нарекать вещи, а вместе с ней появилась беда, против которой пришлось искать защиту. Свет на одной стороне, озлобившиеся звери — на другой.

Я вспомнил Шпульку, которая наверняка уже спала возле Ники, и усмехнулся собственной «идее». С кошкой у нас пока никаких разногласий о добре и зле не возникало.

В дверях появился приказчик. Велин хотел знать, долго ли еще займет осмотр.

Я поднялся, размял ноги и попросил позвать князя.

С ремонтом все было достаточно ясно. Надо снять размеры, подобрать дерево и устроить временные опоры. Потом заменить поврежденные части, выровнять оправу и дать Остею проверить круг.

Когда я объяснил это Велину, тот спросил, почему нельзя закончить сейчас.

— Подгонку, допустим, подготовим сегодня. За связи возьмусь после сна. Я с утра на ногах, при такой работе торопиться нельзя.

Князь поморщился.

— К отъезду успеешь?

— Если материал найдется, успеем до выхода обоза. Понадобятся столяр и помощник по железу. Люди у меня есть, с ними договорюсь.

— А если задержитесь?

— Остановлюсь и скажу Остею, что еще требуется. Вслепую что-то обещать я не возьмусь. Пока я вижу это повреждение, а что там дальше...

Велин присел рядом, заглянул под оправу и осторожно потрогал щепленный край. Остей сразу поднес ему свет.

— Сколько?

Я назвал тридцать серебряных вместе с оплатой помощников. Князь предложил двадцать, затем спросил, отчего так дорого за несколько деревянных подкладок.

Пришлось показать тонкое крепление и объяснить, что мы будем сохранять в вещи во время замены.

— Дерево Радим быстро подгонит. Основное время уйдет на оправу. К утру она должна стоять, и ваш хранитель примет весь круг. За эту работу я и называю цену.

Велин некоторое время смотрел вниз, потом выпрямился.

— Ладно, двадцать пять.

Я покачал головой.

— Тридцать. Половину сейчас, чтобы рассчитаться за подготовку. Остальное после проверки.

Князь посмотрел на меня, затем на приказчика.

— Выдай. Остей, материал покажешь. И проследи, чтобы мастер утром нашел все на месте.

Я поблагодарил и вышел во двор.

Веста ждала возле фургона. Услышав цену, она тихонько присвистнула.

— Значит, удачно так посмотрел.

— Еще сделать надо. Я сейчас к Радиму, потом спать.

Она взяла меня за рукав, прежде чем я успел уйти.

— У Велина хорошо зарабатывают. Только он любит таких людей поближе держать. Если в городе тебя позовет, сразу спрашивай, на каких условиях, иначе...

— Ты с ним раньше дела имела?

— Возила для его двора. Мне после второго обоза предложили постоянно ходить по княжеским поручениям. Жалованье хорошее, лошадь обещали.

— Отказалась?

Веста кивнула.

— У меня свои люди. И я люблю знать, когда домой вернусь. У Велина за день несколько раз могут передумать что и куда везти. Это не по мне.

Я посмотрел на нее, про дом она почти ничего раньше не рассказывала.

— А ты в Вежене живешь?

— Когда добираюсь до него — да. Там комната есть. Окно на соседскую стену, хозяйка кормит сносно.

— После дороги и стена хороша.

Она улыбнулась и отпустила мой рукав.

Пока Радим подбирал дерево, а Илья с Остеем готовили упоры, я снял размеры поврежденных частей. Работы было достаточно, чтобы забыть о новом замысле. Но стоило на минуту отойти от оправы, как я снова поглядывал на стеклянную сердцевину.

Домой вернулся поздно. Ника уже лежала, оставив дверь приоткрытой. Услышав меня, приподнялась на локте.

— Что у него сломалось?

— Фонарь. Такой, который с собой возят.

— А почему у нас такого нет?

Я присел на край кровати и поправил сползшее одеяло.

— Дорогой очень.

Она подумала, потом спросила:

— А ты сделать можешь?

— Хочу попробовать.

Ника сразу загорелась идеей.

— Тогда Сметку возле двери поставим. И Шпульку можно выпускать.

Я провел ладонью по ее волосам. Интересно, как в том мире мои внуки. В том? Да-а-а, я оказывается уже смирился, что буду здесь всегда. Осталось корни пустить.

— Сначала я сам разберусь. На это время нужно.

— Я подожду.

Она зевнула и улеглась. Я посидел еще немного, потом погасил лампу.

Утром Остей разбудил задолго до рассвета. Я вылез из постели, надел приготовленную одежду и несколько мгновений стоял возле умывальника, собираясь с мыслями.

Из Никиной комнаты доносилось тихое сопение. Шпулька потянулась мне навстречу, потерлась о голень и сразу направилась к кухне.

— Позже, вымогательница, — прошептал я.

Кошка села возле шкафа.

В хозяйском доме уже горели лампы. Радим принес подогнанные заготовки, Илья раскладывал крепления на холсте. От горячей воды в кружках поднимался пар.

Я выпил несколько глотков и занялся оправой.

Главное мы приготовили вечером. Теперь тяжелую внутреннюю часть удерживали обычные упоры, и я мог освободить поврежденные подушки. Радим проверял посадку новых, снимал лишнее ножом, затем подавал мне.

На одном месте пришлось остановиться. Тонкая скоба сохраняла связь с основанием, но под ней застрял обломок дерева. Вытащить его и сразу подвести новую опору мешало само крепление.

Я поставил тиски, примерил движение и попросил всех на минуту замолчать.

Остей придержал стойку. Когда я раскрыл губки, легкий край скобы остался на месте. Я вынул щепленный обломок, подвел новую подушку и закрепил ее прежде, чем закончились восемь ударов.

Радим сразу подал следующий прижим. Я затянул его, коснулся металла и проследил связь.

Целая. Оказалось трудно удержаться от улыбки. Сколько ни делай, к такому все равно не привыкнешь: секунду назад едва касался чужого наречения, теперь оно сохранилось на новой опоре.

— Остальные проще будут, — сказал я.

Остей только тогда отпустил стойку. Он смотрел на тиски.

До рассвета мы закончили основную работу. Потом я еще раз обошел оправу, проверил крепления и попросил Радима нажать с той стороны, куда пришелся удар. Ничего не сместилось.

Перед глазами появились строки:

Защитный Фонарь.

Восстановление завершено.

Исходное наречение сохранено.

Я прочитал их и отошел, чтобы Остей мог осмотреть все сам.

Фонарь вынесли во двор вчетвером. Князь появился уже одетым для дороги, остановился возле снятых деталей и принялся расспрашивать хранителя. Я тем временем помог выставить опоры.

Утро было пасмурное. Возле коновязи парило от лошадей, слуги переносили поклажу, за воротами скрипела чья-то телега. Рядом с большим дворовым Фонарем княжеский казался совсем небольшим.

Остей открыл заслонку и повернул внутреннее кольцо. Стекло сердцевина постепенно засветилась ярче. От ее мягкого желтоватого света у меня почему-то сразу возникло ощущение теплой комнаты, хотя пальцы мерзли.

Хранитель взял мерник и начал обход. Приказчик шел за ним с кольшками, отмечая границу.

Я следил за поврежденной прежде стороной. Остей подошел к ней снаружи, отступил, снова приблизился. Проверил ниже, затем поднял мерник до плеча.

После его довольного жеста я наконец расправил спину.

Велин потребовал обойти еще раз. Хранитель без возражений повторил проверку, а я пошел рядом.

Теперь мне было важно увидеть связь между оправой и границей защиты. Я запоминал расстояние, смотрел на положение стоек, сравнивал с тем, что ощутил своими же руками во время ремонта. Остей объяснил, где он обычно ставит первый кольшек и почему проверяет круг у самой земли.

— Если здесь держит, значит, зверь не пройдет? — спросил я.

— Значит, Фонарь дает защиту, на которую его нарекли. А дальше смотрим, кого встретили. Я с этим пятый год езжу, пока всякое зверье держал. За то, чего сам не видел, ручаться не стану.

Рядом остановилась Веста. Ника выглядывала у нее из-за плеча.

— Вот такой нам нужен, — сказала девочка.

Я рассмеялся.

— Сначала поменьше сделаю.

— Сметка большая.

— Учту, ага.

Веста смотрела на отмеченный кольшками круг. Потом обернулась к воротам, где уже собирали передние подводы.

— Здесь бы и мой воз поместился, — сказала она негромко.

Я сразу представил ее лошадь рядом со Сметкой и общий стол под навесом. От этой простой мысли стало неожиданно хорошо.

— Поместился бы.

Она заметила, как я на нее смотрю, и отвела глаза к Фонарю.

— Ты только предупреди, когда испытывать начнешь. Я хочу видеть.

— Боишься, что сразу в лес уеду?

— По лицу было видно, что можешь и так...

Я усмехнулся.

Князь подозвал меня к приказчику. Остаток платы отсчитали при Остее, затем Велин распорядился выдать запись о выполненной работе и засвидетельствовать исправность Фонаря.

Пока приказчик готовил лист, князь спросил, куда я собираюсь после Вежени.

— Сначала доеду. У меня там поручение, потом Смотр.

— Изделие свое повезешь?

— Если успею сделать.

— Зайди ко мне до начала. Есть еще вещи, которые стоит показать. Скажешь у ворот, что по моему приглашению.

Я поблагодарил. Велин уже повернулся к Остее, однако задержался и снова посмотрел на меня.

— А о маленьком Фонаре подумай. Если выйдет, покупатель найдется.

Он сказал это так, будто речь шла о новой сбре. Я старался не выдать, насколько мне приятно такое услышать. Но он все равно меня бесит, есть в нем что-то такое, бесящее.

С помощниками я рассчитался. Радим пересчитал свои два серебряных, спрятал и спросил, понадобится ли сегодня работа с прежним приспособлением.

— Пока отложу. Хочу за другое взяться.

Столяр посмотрел в сторону княжеской повозки.

— За Фонарь?

Кажется, скоро каждый встречный будет знать о моей «идее».

— Попробую.

— Тогда сначала придумай, где его возить. Это ж та еще дура, не утащишь...

Я засмеялся.

У фургона Ника протянула завернутый хлеб. Сметка нетерпеливо переступила, услышав, как впереди тронулись телеги. Я забрался на козлы, устроил кошель поглубже и взял вожжи.

Позади Остей руководил погрузкой. Князь стоял рядом и уже сердился на слуг.

За следующие шесть дней я успел несколько раз обрадоваться своей затее и столько же раз разозлиться на нее.

Днем мы ехали. На размятых колесах подъемах я слезал с козел и шел рядом со Сметкой; возле ручьев заранее убирал Нику в дом. Лошадей теперь поили осторожно. Даже самые разговорчивые возчики замолкали, когда охрана спускалась к воде осмотреть берег.

Погода понемногу выправлялась. Дождь шел короткими полосами, земля на открытых местах подсыхала, однако в низинах колеса по-прежнему вязли. Один переход пришлось закончить раньше времени, дальше начинался лесной участок, и Веста отказалась перед сумерками вести туда обоз.

Возчики ворчали. Она выслушала, показала на небо и отправилась договариваться о местах во дворе. Через полчаса все уже распрягали лошадей.

Я помог Радиму перенести материал под навес, затем достал арбалет. Охранник, с которым мы условились заниматься, велел надеть кафтан и взвести арбалет так же, как я пытался у ручья. Я опять зацепил крючком складку.

— Ремень у тебя коротковат, — сказал он. — И локоть не отводи.

Мы передвинули крепление, подогнали ремень, и я начал все сызнова: взводил арбалет, отпускал руки, снова брался за него. Охранник терпеливо требовал повторять. К концу занятия у меня ломило плечи, я злился на себя, но все равно то и дело норовил поспешить.

После нескольких удачных попыток подряд я наконец выпрямился и вытер лоб рукавом.

— Завтра еще позанимаемся, потом постреляем, — сказал он. — Наловчись сперва взводить не глядя, самому легче будет.

Я расплатился с охранником и поблагодарил за урок. Позже в мастерской снова взялся за лампу.

Я менял оправу, пробовал прикрывать свет стеклом, переставлял вкладыш. Добился, чтобы лампа меньше коптила и ровнее горела; снимать колпак тоже стало удобнее. Я сверялся с Реестром, однако никакой магии в лампе по-прежнему не находил.

Особенно злило, что я почти видел, чего хочу добиться, но всякий раз начинал подгонять новую вещь под это «наречение». Искал в оправе подобие курточного шва, вспоминал устройство сушильного короба, пытался повторить положение связей княжеского Фонаря.

Потом все убирал и ложился спать. Утром заспанный мастер на козлах был бы полезен, приходилось контролировать режим.

Заказы, к счастью, получались лучше опытов. Радим закончил последние лотки, я подготовил вкладыши, и купец принял оставшиеся короба. Он пересчитал их, попросил еще раз показать замену и только после этого расплатился.

Свою долю я вечером разложил на столе. Эту сумму можно было потратить на материалы.

Ника села напротив и стала смотреть, как я пересчитываю.

— Теперь на Фонарь хватит?

— На стекло, наверное, хватит. Может и на железо останется. А может и нет. Надо смотреть цены в Вежене.

— А чего еще надо?

Я усмехнулся.

— Головой поработать.

Она задумалась, потом придвинула мне чашку.

— Тогда поешь сначала.

Я рассмеялся так, что Шпулька подняла голову от печи.

На следующей стоянке удалось поговорить со смотрителем. Его Фонарь стоял под каменным навесом, и со стороны глухой стены почти ничего не освещал. Защита там все равно сохранялась.

Я попросил разрешения постоять рядом во время обхода. Смотритель согласился после того, как я помог ему выправить заедающий запор на ларе с кормом.

Он мерил границу иначе, чем Остей, и пользоваться своим прибором мне не дал. Зато объяснил, что проверяет после каждого сильного ветра и почему недавно запретил ставить телеги возле одной из опор.

В мастерскую я вернулся озадаченным. Видимый свет и защита действительно могли действовать по-разному. Но источник необходим: смотритель прямо сказал, что при погашенном Фонаре никаких обходов не понадобится.

Получается, для начала мне нужен был свет, который останется после того, как я уберу огонь. Звучит глупо. И в этот момент меня озарило. Кажется, я знаю как это сделать.

Глава 14

Утром я перечитал запись и подправил рисунок. Куртку мы прогревали у печи, после чего Ника могла несколько часов ходить по холоду. Если удастся похожим образом сохранить свет в отдельном вкладыше, для первых опытов мне хватит и обыкновенной лампы.

Сначала надо было раздобыть подходящее стекло. С защитой от зверей разберусь позже, вчерашний смотритель довольно ясно объяснил, что по одному свечению судить об исправности Фонаря нельзя.

Я закрыл записи и убрал. Снаружи уже кричали, перекликались, кому-то мешала телега. Сегодня доедем до Вежени — если опять ничего не случится с дорогой.

На кухне Ника выскребала миску, она села завтракать еще сонная, а теперь, похоже, наконец-то проснулась и торопилась во двор. Шпилька дожидалась у печи, время от времени поглядывая на стол.

— Там пироги продают, — сообщила девочка, когда я сел напротив.

— Где?

— В Вежене. Веста сказала, с рыбой. И сладкие тоже есть.

Я посмотрел на свою кашу.

— Тогда надо попробовать. У нас из сладкого только твои припасы остались.
Ника потянулась к своей полке.

— Я сейчас подам.

— Оставь на дорогу. Вдруг до пирогов еще далеко.

Она нехотя убрала сверток обратно и села доедать. Я налил себе горячего, задержался над кружкой, грея пальцы. Выходить из дома не хотелось.

Интересно все же что там в городе. А еще там должен быть Матвей. Там же можно купить материал, спокойно поговорить с мастерами, найти человека, знающего о Фонарях.

Во дворе пахло костровым дымом. Под навесами сворачивали постели, у колодца мылись. Один возчик побрился и прикладывал тряпицу к порезанному подбородку; другой выколачивал пыль из праздничного кафтана.

Илья, проходя мимо, попросил придержать его сверток, пока он подтянет ремень.

— Хочу у речных кузниц побывать, — сказал он. — Там молоты водой двигают. Хозяин обещал отпустить, если быстро разгрузимся. Ты бы тоже сходил.

— Сначала человека найду, к которому еду. Потом с удовольствием.

— Я спрошу, в какой день можно смотреть. У нас на кузню иной раз придут, встанут под рукой, потом еще обижаются, что их гонят.

Он забрал сверток и зашагал к подводе. Радим собирался к знакомому столяру, с которым когда-то учился. Даже предупредил меня, чтобы я до их встречи не покупал дерево, у приятеля найдется хорошее либо он подскажет, где взять.

Я подошел к Сметке. Ника принесла ей размоченный корм, а угощение держала в другой руке. Кобыла потянулась именно к нему и так настойчиво полезла носом под локоть, что девочка прижала руку к груди.

— Сначала из ведра доешь. Я тебе потом дам.

Сметка принялась обшаривать губищами ее карман. Пришлось отвести кобылью морду. Она шумно выдохнула мне в ладонь и занялась кормом.

Возле колеса зашипела Шпулька. К ней сунулся дворовый пес с короткими лапами и мокрыми усами. Кошка выгнула спину, ударила перед его носом и, когда он отскочил, еще немного постояла боком, распушив хвост.

— Все, прогнала. Теперь умывайся, — сказал я.

Она уселась возле подножки и занялась лапой.

Ни одна из наших животных кротостью особенно не отличалась. Сметка могла прихватить зубами, Шпулька таскала мышей. При этом под Фонарем обе чувствовали себя прекрасно. Вчера я так увлекся самим источником, что об этом толком и не подумал.

Веста подошла, когда я укладывал инструменты в тамбуре. Нике она протянула небольшой сверток: хозяйка утром пекла медовые лепешки, и Веста купила несколько на дорогу.

Девочка заглянула под ткань и тут же предложила одну мне. Я взял половину, остальное попросил оставить себе.

— Скоро выходим, — сказала Веста. — Возле ворот держитесь за Радимом. Там повозки из другого двора пристраиваться будут.

Она придержала открытую дверцу и заглянула внутрь фургона.

Вдоль стены стояли ящики, между ними я пристроил дорожный мешок. Свернутый холст лежал на скамье. Внутреннюю дверь я закрыл, прежде чем выйти, и сейчас она ничем не отличалась от остальной обшивки.

Веста помедлила.

— Ярко, а как вы здесь спите?

Я перевел взгляд с нее на поклажу. Из-за ящиков оставался узкий проход, а свернутый холст занимал почти всю свободную скамью. На месте Весты я бы тоже спросил, куда здесь укладывают ребенка.

— Устроились, места хватает.

Она посмотрела на меня с явным сомнением.

— Давай хоть часть ко мне переложим. Этот мешок, например. И Нику можно у меня укладывать, когда ночевать в дороге будем. Я даже не подумала, не сообразила раньше предложить. Я у себя тюки сдвину, ей отдельное место получится. Все просторнее, чем среди...

Веста покосилась на открытый ящик с железом и подыскала слово:

— Среди инструмента.

Ника подошла к нам, прижимая лепешки к животу.

— Я у себя буду.

— Конечно, как захочешь, — ответила Веста. — Я просто предлагаю. Повозка рядом, утром опять вместе поедете.

— Мне там удобно. У меня своя...

Девочка осеклась, взглянула на меня и закончила:

— Постель. Как бы.

Веста улыбнулась ей, затем снова посмотрела в тамбур. Я едва удержался от смеха. Наверняка пыталась понять, каким образом я каждый вечер освобождаю здесь место. Хотя девчонка маленькая и тощая, в любом уголку уместилась бы.

На кухне у меня хватало стульев. Можно было позвать ее внутрь, налить горячего, посадить напротив Ники. Девочка показала бы свою чашку, Шпулька полезла бы знакомиться как следует, как со своей, домашней. Мне очень хотелось это сделать.

Вместо этого я подвинул мешок ногой, чтобы выбраться наружу.

— Спасибо тебе. У Ники постель устроена, на ночь вещи таскать не приходится. Но мешок я бы отдал, если он у тебя поместится.

— Поместится. Только скажи, что внутри. Если железо, его лучше вниз положить.

— Холст и ремни. Железо сам повезу.

Я поднял мешок и пошел за ней. Вестина повозка стояла через две от нашей. Под рогожей все было уложено плотно и аккуратно, мелкие вещи убраны в пришитые к полотнищу карманы. Сбоку оставалось место для постели. Нужно было найти повод отойти от фургона и сменить тему, мешок был отличной идеей.

— Сюда ставь, — показала она. — На стоянке заберешь, если понадобится.

Я опустил мешок и поправил горловину.

— Ника своим местом дорожит. Она прежде...

— Я понимаю, — перебила Веста. — Если устроились, хорошо. Просто со стороны тесно показалось.

Она подняла глаза на мой воротник, поправила загнутый край и отступила, чтобы я мог пройти.

Я еще несколько шагов думал об этом прикосновении. Потом вспомнил, что так и не сказал ничего вразумительного, и стало досадно. Веста предлагала обычную помощь, а я не сообразил из-за желания не раскрывать тайну фургона.

Ника ждала возле фургона, Шпулька терлась о ее сапог.

— Она решила, у нас плохо, — сказала девочка.

— Она видит только тамбур. Ты бы тоже удивилась, если бы мы здесь на самом деле спали все время.

Ника посмотрела на ящики, затем на меня.

— Я знаю.

Она взяла кошку на руки и хотела добавить что-то еще, но возле ворот раздался сердитый окрик. Следом послышался собачий визг. Я обернулся.

У выхода стоял мужик в коротком овчинном тулупе. Он держал на веревке крупного рыжего пса с белой грудью. Шерсть возле носа у того поседела, одно ухо было надорвано.

Пес упирался в землю, а хозяин тянул его к воротам.

— Да ступай же! Чего встал?

— Отпусти, — сказал наш охранник. — Он сейчас из ошейника вывернется.

Мужик ослабил веревку. Рыжий сразу отступил, отряхнулся и посмотрел на хозяина. Хвост у него шевельнулся, однако к воротам он не подходил.

Я попросил Нику остаться возле фургона с кошкой, а сам взял Сметку под уздцы. У выхода собирались люди.

Пришел смотритель. Его уже кто-то позвал, и он на ходу застегивал кафтан.

— Я тебе велел снаружи подождать, — сказал он мужику. — Зачем к воротам тянешь?

— Он здесь ночевал. В прошлом месяце. Спроси на кухне, ему еще костей давали.

Смотритель остановился поодаль. Хозяин собаки вынул из-за пазухи узелок, развернул кусок еды и присел.

— Рыжий, ко мне. Ну, иди. Видишь, что у меня?

Пес приблизился, вытянул шею. До протянутой руки оставалось немного. Он переступил передними лапами, пригнулся и вдруг отпрянул, жалобно скуля.

Мужик попробовал еще раз. Подвинулся сам, поманил, заговорил шепотом. Рыжий потянулся к нему и снова отступил примерно с того же места.

Я посмотрел на Фонарь под каменным навесом. Вчера мы проходили здесь со смотрителем. Граница защиты была именно у ворот, чуть дальше крайнего столба.

— Расскажи с начала, — потребовал смотритель. — Ты ко мне с утра пришел, значит, дома что-то случилось.

Хозяин убрал еду обратно в узелок.

— Третью ночь спать не дает. Ходит, скребется. Привяжу — воет. Я думал, подрался в лесу. Всего ощупал, раны никакой.

— Корм ест?

— Ест.

— Домашних подпускает к себе?

Мужик отвел взгляд.

— На бабу рыкнул. Она миску взять хотела. Чего ж ей под руку лезть, пока он ест?

— А прежде так бывало?

— Прежде, прежде... Восемь лет псу. У него тоже всякое болеть может.

Смотритель не стал спорить, он попросил одного из работников сходить к зверолову и велел сказать, что у ворот собака.

За моей спиной кто-то пробормотал, что стоило бы сразу принести топор. Хозяин Рыжего поднял голову.

— Тебя никто не просил.

— Я к тому, что еще укусит кого.

— Я держу.

Мужик намотал веревку на ладонь. Пес стоял, прижимаясь боком к его ноге, и следил за узелком с едой.

Веста попросила возчиков освободить проход. Те начали расходиться, оглядываясь. Смотритель указал на дальнюю коновязь снаружи двора.

— Отведи туда. Веревку за столб закрепи, чтобы лошади мимо прошли. Зверолов придет, сам осмотрит.

— И что он сделает?

— Сначала посмотрит. Он таких видел побольше моего.

Хозяин буркнул что-то и отошел от ворот. Рыжий охотно последовал за ним. Возле столба мужик присел и потрепал его по загривку. Пес ткнулся носом ему в подбородок.

— Он меня узнает, — сказал человек, глядя на смотрителя. — Смотри, как ластится.

Мне стало до того жалко их обоих, что я едва не подошел. В голове уже толпились вопросы: где гулял, что ел, давно ли начал беспокоиться. Только ответа на главный вопрос у меня все равно не было. Эта собака не могла подойти к Фонарю, и это было странно.

Смотритель дождался, пока хозяин привяжет веревку, и вернулся к выходу. Между псом и дорогой оставалось достаточно места.

Я подвел Сметку к воротам. Кобыла прошла обычным шагом, остановилась, когда я придержал повод, и принялась искать траву возле столба.

Шпулька вывернулась у Ники из рук и побежала следом. Я окликнул девочку, чтобы та поймала кошку. Шпулька тем временем перескочила колею, понюхала основание воротного столба и вернулась во двор. Ника подхватила ее у подножки фургона.

Ни кошка, ни лошадь на границе защиты даже не задержались.

— С домашними часто такое? — спросил я смотрителя.

Тот потер покрасневшую от утреннего холода щеку.

— Бывает. Корову с пастбища пригонят, а ее к хлеву не подвести. Встанет перед Фонарем и мычит. Люди сперва тоже на упрямство думают.

— Может, больно ей? Заболела чем-нибудь?

— Может. Я не берусь по одному нраву судить. У кузнеца жеребец любого чужого зубами встречает. И ничего, стоит во дворе. А этот ране хозяйку к миске подпускал, а теперь рычит.

Я оглянулся на Рыжего. Хозяин развернул попону и уселся на нее возле столба. Пес устроился рядом, вытянул передние лапы.

— Фонарь им боль причиняет?

— Одни сразу бегут, другие подходят и отходят, как он. Что у них внутри творится, я тебе не скажу. Если когда-нибудь придется своего зверя вести, а он упрется - силой под свет не тащи.

Ника слышала последние слова. Она прижимала Шпульку к груди, а та недовольно ворочалась, пытаясь высвободить передние лапы.

Я поблагодарил смотрителя и повел Сметку обратно к фургону. Девочка пошла рядом.

— Шпулька ведь тоже кусается, — сказала она.

— Когда ей надоедает, что ты держишь ее. Опустит пониже, ей неудобно.

Ника перехватила кошку. Та наконец устроилась, свесив лапы через никину руку.

— С ней может так случиться?

Я посмотрел на знакомую морду, на белесый ус, торчавший чуть в сторону. Шпулька зевнула мне в лицо.

Очень хотелось уверить Нику, что с нашей кошкой ничего подобного никогда не произойдет.

— Пока она ведет себя как всегда, — сказал я. — Ест, спит, к мискам лезет. Ты за ней присматривай. Если станет болеть или пугаться того, к чему привыкла, сразу мне скажешь.

— А Сметка?

— За Сметкой тоже следить будем. Сегодня она вон угощение у тебя выпрашивала.

Ника погладила кобылу по шее. Сметка потянулась к ее карману, и девочка наконец достала приготовленный кусочек.

Пока лошадь жевала, я думал о Рыжем. Он узнал хозяина, просил еду, позволял гладить себя. Значит, дело было сложнее, чем мне представлялось после нападения у ручья. И Шпулька охотилась каждый день, однако защита ей нисколько не мешала.

Возможно, с животными происходило что-то, на что Фонарь и действовал. Пока я мог назвать это только переменной. Больше ничего толком не приходило в голову.

Я занес кошку в дом. Шпулька сразу направилась к кухне, заглянула в миску и обернулась ко мне. Пришлось доложить немного еды. Вот же наглая морда.

Когда мы выезжали, Рыжий лежал, положив морду хозяину на сапог. Мужик перебирал пальцами шерсть за его ухом и смотрел на дорогу, откуда должен был прийти зверолов.

За убежищем тракт поднимался между огородами. Возле крайнего двора двое мужчин грузили мешки, а под навесом у стены светил небольшой Фонарь. Я еще раз посмотрел на его положение, прикинул расстояние до калитки.

На подъеме я слез с козел. Ника держала вожжи, Сметка шла рядом со мной, и можно было немного размять ноги.

Савка, хозяин пегой лошади, тоже шагал возле своей повозки. У водополя Веста помогала именно ему. После той встречи мы понемногу разговорились, и теперь он со мной проще держался.

— Рыжего жалко, — сказал он, оглянувшись на оставшийся позади двор. — У нас сосед такого же лишился. Детишки его на санках катали, кормить с ложки пытались. Потом к сараю привязали и во двор перестали пускать.

Я спросил, что стало с псом. Савка покачал головой.

— Не знаю. Я в отъезде был, вернулся — собаки нет. Расспрашивать не стал. У соседа трое ребят, младшая мала совсем.

Мы некоторое время шли не разговаривая. Потом Савка придержал пегую, чтобы та обошла камень, и с явным удовольствием похлопал по ее шее.

— Зато своей теперь обзавелся. Все собирался, денег не хватало. Марья помогла.

— За лошадь рассчитался?

— До конца. Она принесла недостающее и говорит: хватит чужим хозяевам половину отдавать. Пусть дома хоть что-нибудь остается.

Он улыбнулся.

— Корзины плетет. Нареченные тоже выходят. Нашу видел? В задке стоит, с горшками.

Я вспомнил большую потемневшую корзину, прижатую поклажей.

— Ей и вес такой нипочем?

— Ручки выдерживают. Бока тоже. Прошлой осенью сверху мешок с железом свалился. Я до стоянки боялся заглянуть. Потом вынул горшки — все целы.

Савка рассказал, как жена училась у матери. Плела сначала мелкие корзинки, затем побольше. Передельвала ручки, подбирала прутья, долго возилась с доньшками. Он иногда ворчал, что вещь давно можно продать, а Марья снова разбирала плетение.

Первое наречение получилось три зимы назад. Заказчик нагрузил новую корзину зерном и вернулся просить еще такую же. Сходу повторить удачу Марья не смогла. Несколько следующих изделий ушли по обычной цене, еще два остались дома.

— Я ей тогда предложил: давай за первую больше просить будем, раз она одна такая вышла. Марья меня чуть из дому не выгнала. Человек уже купил, чего ты, говорит, взад полезешь?

Я рассмеялся, в ответ Савка улыбнулся и продолжил:

— Потом снова получилось. Теперь у нее возчики заказывают, купец один берет. За простую корзину три медяка давали, за такую вчетверо больше. Только и работы с ней хватает.

Впереди Радим сбавил шаг, пропуская свою подводку, и поравнялся с нами.

— Это ты про Марью? — спросил он. — Хорошо плетет, да. Я твою корзину смотрел, пока груз поправляли.

Савка оживился, заговорил о ручках, которые жена переделала, о том, как удобно теперь носить вдвоем. Это было мило, он так гордился ее работой, что все время возвращался к какой-нибудь подробности.

Потом разговор зашел о его собственном ученичестве.

Отец отдал Савку к колеснику на три года. За корм даже приплатил. Мастер делал хорошие колеса, однако ученик первый год почти все время таскал воду, заготавливал топливо и

бегал по поручениям. Когда Савку допустили к дереву, хозяин один раз показал работу и тут же рассердился на испорченную заготовку.

— Он руками все мог, — объяснял Савка. — А спросишь, как сделал, — опять берет и сам делает. Я смотрю. Быстро у него, ловко. Мне бы остановиться, попробовать, еще раз спросить. Куда там.

— У моего терпения тоже мало было, — отозвался Радим. — Я сперва по вечерам на обрезках упражнялся. Хорошо, старший подмастерье показывал, когда хозяина рядом не было.

— А у нас сын его рос. Вот ему объясняли. Мне срок вышел — отец забрал. Я потом в возчики пошел.

Савка поправил рукав и посмотрел на свою лошадь.

— Магия людей все-таки поравняла. Марью кто бы в хорошую мастерскую взял? Денег нет, знакомых нет. А она дома плела, старалась, пока не получилось нарекать. Теперь сами приходят, просят к сроку сделать.

Радим согласился, что у нее получилось, затем спросил, сколько лет Марья плела до первого наречения.

— Да с девчонок. Она и обычные хорошо делала.

— Вот и я про то. Ей дело знакомое. А у нас сосед как услышал про имена, стал пороги тесать на продажу. Сам толком посадить не умел, зато чудес ждал. Потом переделывали за ним.

Савка хмыкнул, его жена свой заработок получила, и ему этого хватало.

На остановке он достал корзину. Прутья потемнели, снаружи кое-где добавили свежую перевязку. Даже пустая, она оказалась тяжелой. Я приподнял ее за ручки, посмотрел, как держится плетение, и похвалил работу.

Савка сразу показал место, которое Марья позже укрепила. До этого за корзину было неудобно браться, а сейчас рука свободно проходила под ручку.

Ника тоже попробовала поднять ее.

— Мне маленькую можно сплести?

— Почему нет? — ответил Савка. — Только прут сухой ломаться будет. В городе связку дам, у меня на починку припасено.

Она посмотрела на меня.

— Возьмем немного, — сказал я. — И попросим кого-нибудь показать. Я с таким плетением пока не справлюсь.

Ника явно вспомнила бумажную птицу, промолчало, но по улыбке я все равно догадался.

Мы остановились у водопоя. Мимо проехали несколько тяжелых повозок под охраной. С одного из коней спешил широкоплечий человек в дорожном кафтане и окликнул моего учителя стрельбы. Они поздоровались, обнялись за плечи и отошли к ручью.

Вскоре рядом встали еще двое. Они заговорили о мече, который служилый получил после зимнего похода. Охранник попросил посмотреть и я тоже подошел.

На клинке почти не было украшений. У основания виднелся небольшой знак, рукоять потемнела от ладоней. Хозяин протер сталь тряпицей и передал меч товарищу.

Тот повел острием в сторону пустого двора.

— Имя какое?

— Кромку держит. Сам увидишь. Только выбери, обо что пробовать, хозяин телег с нас спросит коли что.

На телеге нашлась старая циновка, которую работник собирался порвать на растопку. Ее край растрепался, середина еще держалась. Спросили разрешения, вырезали два одинаковых куска и туго свернули.

Охранник сначала взял свой меч. Поставил сверток на обрубок, примерился и рубанул. Нижние волокна удержали разрезанные части, пришлось освобождать лезвие.

Второй сверток он рассек нареченным клинком. Верхняя часть упала на землю. Сам охранник удивленно посмотрел на меч, затем большим пальцем осторожно коснулся плоской стороны у лезвия.

— Дай еще.

Хозяин усмехнулся.

— Циновки на всех хватит?

Я подошел рассмотреть срез. Та же рука, похожий удар, а работа получилась заметно легче. Кромка после пробы оставалась ровной.

Савка за моей спиной тихонько присвистнул.

— Оружейники обогатились поболя всех прочих мастеров.

— За девяносто серебряных еще попробуй найди, — ответил служилый. — Мне этот за поход дали. Старый там и оставил, обломился.

Что-то не сильно и дорого. Я мысленно примерил цену к своим расходам и отступил от клинка. Пока арбалета мне хватало. Еще бы пользоваться им как следует научиться.

Наш охранник вернул оружие.

— У переправы мне таким древко срубили. Следом по щиту прошлись, до самой руки достали. Товарищ вовремя зашел сбоку, а то вторым ударом бы закончили.

Он показал край старого шрама под рукавом. Рассказывал он относительно равнодушно, но меч отдавал с явным сожалением.

В новых повозках везли оружие для царских людей. Служилый пожаловался на размытую дорогу: опаздывали, и теперь придется объясняться перед воеводой. Савка спросил, кто платит за дорогие клинки, если их раздают после похода.

— Царь заказывает, — ответил тот. — Мастеру железо дадут, уголь подвезут. За хорошую работу еще и со сбором послабят. Только срок назначат — делай.

Я спросил о князьях. Выяснилось, что своих людей они снаряжают сами, а когда велено выступать, приводят дружины на царскую службу.

— Велин, значит, оружейников у себя держит?

— Держит. У кого деньги есть, тот хорошего мастера поселит поближе. Велин не жметя на железо для своих.

Радим посмотрел на меня. Я вспомнил княжеское приглашение в Вежень. Ве

Савка стал расспрашивать, можно ли царскому оружейнику брать чужие заказы. Служилый объяснил, что все зависит от обещанной работы: если свое вовремя сдает, почему бы и нет. Но когда полку нужны клинки к походу, придется сначала выполнить этот заказ.

Я слушал и понемногу понимал отчего Кудрин так настойчиво предлагал серебро вперед. Способного мастера здесь старались надолго занять. Материал, жилье, хороший заработок — мне и сейчас было приятно все это представлять. Только за ремонт одного Фонаря я получил деньги и уехал со своими, а с постоянным содержанием так свободно уже не получится.

Перед уходом я спросил, где в Вежене можно поучиться стрельбе. Наш охранник назвал двор возле стрельбища и пообещал при случае представить меня знакомому.

Когда Веста позвала собираться, Савка завернул корзину обратно в рогожу. Я отвел Нику к фургону и заглянул в дом проверить кошку. Шпулька спала возле печи. Ее миска была пуста, а на усах прилипла крошка.

После привала Ника устроилась рядом со мной и достала оставшуюся лепешку. Половину протянула мне. Я взял, хотя у нее самой кусок был невелик.

Сметка повернула голову. Девочка погрозила ей пальцем.

— Тебе дали, не жадничай.

Кобыла фыркнула и пошла дальше. Я некоторое время следил, как она ставит ноги, прислушивался к дыханию. Все как обычно, на ровном участке прибавляла шаг, а возле травы тянулась к обочине.

Ника заметила.

— Ты опять за ней смотришь?

— Она устала. Хочу до города спокойно довести.

Девочка кивнула, пожевала лепешку и вдруг сказала:

— Рыжий хороший. Он хозяина ждал.

Я покосился на нее. Она продолжила:

— Может, его вылечат?

Я посмотрел на дорогу.

— Зверолов осмотрит. Наверняка он больше нашего знает.

Ника придвинулась плечом к моему рукаву. Я оставил локоть так, чтобы ей было удобнее сидеть.

Некоторое время мы ехали молча. Впереди покачивались пустые бочки, на одной белой краской вывели три крупные буквы. Девочка прищурилась, стала разбирать.

Я подсказал, а потом отвлекся на колею. Повозка которая была впереди нас, широко объезжала ее, приходилось выдерживать расстояние.

— Весте все-таки надо наш дом показать, — сказала Ника.

— Чего это? — вырвалось у меня.

— Она хорошая. И тебе помогает.

Это да, не поспоришь.

— Сначала до Матвея доберемся. Хорван просил перед смертью письмо передать, фургон показать. Может, Матвей знает о нем что-то.

Ника посмотрела на меня настороженно.

— А он его себе не заберет?

— Фургон мне оставлен, бумаги есть. К Матвею другое поручение.

Я сразу ответил, чтобы она не придумала себе какую-то страшилку.

— Мы здесь живем, Ника. Просто я еще многого об этом доме не знаю. Хотелось бы разобраться, прежде чем гостей звать.

— А потом позовем?

Я представил Весту у нашего стола. Красивая, да. Честная, открытая. Она бы наверняка осмотрелась, потом спросила, почему я столько времени молчал. И что бы я ответил?

— Мне самому хочется, — признался я.

Ника улыбнулась.

— Я ей чашку выберу.

— Сначала наши покупки осилим. Ты же пироги обещала попробовать.

Она засмеялась и вернулась к надписи на бочке.

Над фургоном тихо поскрипывали крепления. Где-то внутри спала кошка, стояла на своей полке Никина чашка, лежало одеяло на ее кровати. Снаружи наша повозка выглядела тесной даже рядом с Вестиной. Я понимал, почему она предложила переселить ребенка, и все равно радовался, что никого переселять не придется.

Через несколько часов доберемся до города. Найду Матвея, передам письмо, покажу медную ленту. Посмотрим, что он скажет.

Веста подъехала и некоторое время держалась рядом. Сметка повела ухом, покосилась на ее лошадь, затем снова уставилась на дорогу.

— За воротами пойдем вместе до двора, — сказала Веста. — Там поставим возы на разгрузку. Я спрошу про Мостовую и покажу, куда идти.

— Я думал, сразу с фургоном к Матвею.

— Можно и так. Только если у него тесно, будешь потом разворачиваться среди подвод. Сперва пешком сходи, спроси, где встать. От нашего двора доберешься.

Я согласился, город был ей знаком.

Письмо лежало во внутреннем кармане, завернутое вместе с бумагами. Медную ленту я убрал к инструменту. Я сохранил и запись о княжеском заказе — вдруг пригодится, когда стану искать работу или договариваться о материале.

До последнего дня приема изделий оставалось четыре дня. Сегодня устроиться и найти Матвея. Завтра — стекло, железо и разговор о Фонарях. Свою догадку я все еще считал стоящей, но после Рыжего вопросов прибавилось.

Узнать бы, кто в городе занимается такими животными. Кто видел, с чего начинается перемена, пробовал помочь, записывал наблюдения. Я мог расспрашивать хранителей бесконечно, однако у каждого были свои секреты.

Веста заметила, что я замолчал, и уточнила:

— Ты на Смотри куда подаваться будешь, уже выяснил?

— По объявлению нашел, а на месте надо посмотреть.

— Тогда после Матвея сразу сходи. К последнему дню толпа соберется. Лучше заранее все узнать.

Я поблагодарил. Она собиралась ехать вперед, и я поспешил спросить:

— Надолго в Вежене останешься?

— Дня на три точно. Да и выспаться хочу.

Мне вдруг стало мало этих трех дней. До сих пор мы каждое утро собирались вместе и вечером оказывались на одном дворе. В городе у нее будут собственные дела, знакомые.

— Поужинаем сегодня? — предложил я. — Выбирай, где хорошо кормят. Я приглашаю.

Веста улыбнулась.

— После разгрузки я могу быть сердитая. Люди устают, начинают плохо считать, каждый норовит первым уйти.

— Тем более надо поесть. И я постараюсь за столом ни к кому на починку не убежать.

— Договорились. Только дожись, пока разберусь со своими.

Ника сразу напомнила о пирогах. Веста пообещала, что голодной ее не оставят, и направила лошадь к передним подводам.

Я проводил ее взглядом. Девочка на козлах довольно улыбалась.

Ближе к городу дорога сделалась оживленнее. Навстречу тянулись порожние телеги, нас обгоняли верховые. С соседней подводы пахло угольной пылью.

Люди в нашем обозе тоже приготовились к въезду. Савка натянул чистую шапку, Радим убрал передник. Один возчик на ходу оттирал рукавом грязь с пряжки. Веста посоветовала ближе держаться, чтобы другие повозки не вклинивались между нами.

Я пригладил волосы и поправил воротник. Вспомнил, как утром Веста сделала это за меня, и невольно хмыкнул.

Тракт шел на подъем между высокими заросшими откосами. Впереди скрылись первые подводы. Оттуда доносились голоса, скрип колес, пахло дымом.

Ника вдруг ухватила меня за рукав.

— Мед! Там «мед» написано. Я сама прочитала.

Она указала на бочку. Я взглянул на буквы, затем на ее довольное лицо.

— Правильно.

Девочка выпрямилась, собираясь еще раз прочесть слово по слогам, но впереди появилась Веста. Она придержала лошадь и обернулась к нам.

— Ну вот — Вежень.

Я повернул голову и открыл рот от изумления.

**От автора: Доброго имени! Прошу, не забывайте нажимать 5 звездочек. В зависимости от количества «пятерок», Ярко получает больше шансов на успешное наре-
чение)))**

Глава 15

Баржу поднимали над рекой вместе с грузом. Я подался вперёд, пытаюсь разглядеть, на чём её держат, и едва не съехал с козел.

Под широким днищем виднелась длинная площадка с поперечными опорами. На ней, возле бортов, стояли рабочие. Выше их голов громоздился тёсанный камень, уложенный ровными рядами. Всю эту тяжесть поднимали вдоль отвесной стены, и до воды внизу было уже с трёхэтажный дом.

Я поискал глазами ворот или упряжки тягловых животных. По краям подъёмника высились две башни, между ними тянулся мостик. Различить устройство отсюда было трудно. На мостике стоял человек в синей одежде, а возле верхнего причала дожидались грузчики.

— Ярко, — позвала Ника и потянула меня за рукав. — Мы стоим.

Сзади сердито крикнули:

— На спуске чего встал? Проезжай!

Только тут я обнаружил, что натянул вожжи. Сметка повернула голову, дожидаясь, чего от неё хотят, и я поспешил тронуть её с места.

— Засмотрелся.

Веста подождала, пока мы поравняемся. Судя по улыбке, моё лицо она успела рассмотреть.

— Теперь понимаешь, почему я говорила: у пристани можно целый день провести?

— Мне бы поближе к этому подъёмнику.

— Доберёмся. Только про дорогу поглядывай, сзади на тебя уже ругаются.

Я оглянулся. За нами спускались ещё четыре повозки. Савка на ближайшей махнул вперёд и вернулся к своей лошади.

Пришлось заняться вожжами, хотя смотреть хотелось всюду.

Вежень стоял на высоких берегах. От нижних пристаней, где теснились склады и навесы, улицы поднимались между домами к верхней стене. Там белели оштукатуренные фасады, над оградами виднелись деревья, поблёскивали черепичные крыши. Между двумя склонами перебросили каменный мост. По нему ехали повозки, шли люди, а далеко внизу, под арками, пенялась вода.

За мостом продолжался город. Дома там стояли просторнее, посреди садов. На самой высокой точке возвышалось здание с широкой крышей. Я попытался разглядеть, что это, но Сметка обошла выбоину, фургон качнуло, и пришлось крепче ухватиться за край сиденья.

Пока мы спускались, за каждой крышей открывалась следующая. Между стенами тянулись лестницы, через узкие проезды носили корзины. Во дворе возле реки поднимали к верхнему окну площадку с бочками. На соседнем крыльце женщина вытряхивала половик, и прохотный торопливо оттащивал собаку из-под сыпавшейся пыли.

Баржу тем временем почти подняли до верхнего причала.

— Там тоже вода? — спросил я у Весты.

— За стеной канал. Выше по реке пороги, суда через них не пройдут.

— Так их целиком перетаскивают?

— Которые помещаются на подъёмник. Большие разгружают внизу. Отец ещё возил оттуда товар наверх, я с ним маленькая ездила. На той дороге лошади надрывались.

Я снова посмотрел на башни. За такую работу у нас взяли бы с чертежами, расчётами и целой бригадой, а потом долго проверяли бы каждое крепление. Здесь тоже наверняка считали и проверяли. Вот бы узнать как.

На верхнем мостике человек в синем поднял руку. Внизу, возле причала, двое рабочих потянули за канат. Больше отсюда разглядеть ничего не удалось: между нами и подъёмником оказались деревья.

— Закончишь у Матвея, сходишь к реке, — сказала Веста. — Там с берега хорошо видно.

Ника придвинулась ко мне.

— Я тоже хочу. А люди зачем на площадке остались? Им же высоко.

— Работают. Надо подать канат, закрепить баржу, потом отпустить. Спросим у них, когда придём.

— Только вместе.

Я придержал её за плечо, пока колесо переваливало через камень. Девочка вытянула шею, высматривая подъёмник между стволами, и я рассмеялся: ещё минуту назад меня самого приходилось окликать.

После лесных стоянок и грязных дорог здесь было удивительно много обычной жизни. За невысокой оградой играли дети. Двое перебрасывали мяч, третий пытался достать его длинной палкой с крыши сарая. Женщина несла открытое блюдо через улицу и ругалась на мальчишку, пробежавшего у самых ног. Возле двери сидел старик и чинил башмак.

Мне захотелось так же спокойно пройти к реке, купить хлеба и задержаться у лавки. С утра до вечера решать, куда самому свернуть, вместо того чтобы прикидывать, успеем ли до ближайшего убежища.

Сметка вышла на ровный участок. Впереди звякнул колокольчик, Веста подняла руку, и возчики стали сближать повозки.

У ворот стояли Фонари.

Над проездом возвышались две каменные башни с открытыми верхними площадками. В тяжёлых оправах горели источники; даже днём, на фоне светлого неба, их было хорошо видно. Я невольно вспомнил маленький княжеский Фонарь и названную за него цену. Сколько же стоили здешние?

По наружной лестнице одной из башен спускались двое. У первого за плечом висела сумка, второй нёс длинный чехол. Я проводил их взглядом до самого низа, надеясь рассмотреть прибор, но оба свернули за стену.

— Возле ворот держитесь своих возов, — предупредила Веста. — Как пропустят, сразу проезжайте на площадь. Там места хватит.

Потом обратилась к Нике:

— С козел сойдёшь вместе с Ярком. И далеко от него не отходи, здесь народ шустрый.

Девочка поправила воротник и обернулась ко мне.

— А пироги сегодня купим?

Я улыбнулся. Она помнила всё, что я успел наобещать по дороге.

— Купим. Дай только въехать.

Под стеной ждали телеги с сеном, вдоль ограды торговли расставили корзины. Из проезда показался всадник, следом вывели двух навьюченных лошадей. Стражник отступил к столбу и махнул переднему возчику.

Веста проверила сумку с бумагами и поехала первой.

Под воротами было прохладно. В нише у стены стоял широкий стол с раскрытой книгой. Рядом приготовили весы, несколько мер и скамью для тех, кому приходилось ждать.

Наш обоз отвели под длинный навес. Веста разговаривала с сухощавым весовщиком в потёртом синем кафтане. Он держал её запись за верхний край и время от времени поглядывал на переднюю повозку.

— Полотно вижу, железо вижу. Почему в товарной записи пусто?

— Это запас на дорогу. На обороте расход посмотри: где чинили, сколько взяли.

— Остаток-то новый.

— Откуда ему старому взяться? Развернуть тебе?

Весовщик перевернул лист. Веста дождалась, пока он прочтёт, и указала на свёрток под сиденьем.

— Полотна меньше половины осталось. Скобы тоже сочтены. Мы сюда со своим обозным запасом въезжаем, с ним дальше поедём.

Я помог Нике спуститься и взял Сметку под уздцы. Вмешиваться пока было незачем: Веста прекрасно обходилась сама.

Девочка держалась возле меня, хотя под навесом было на что посмотреть. На весах проверяли бочонок, а у соседнего стола женщина показывала яйца в корзине и объясняла, что несёт их сестре.

К нам подошёл второй служащий, помоложе. Осмотрел колёса, попросил открыть фургон и заглянул в тамбур.

— Инструмент на продажу?

— Для работы.

— Откуда столько везёшь?

— Из Соснового двора. Часть в наследство досталась, остальное сам покупал.

Я вынул бумаги. В описи Хорвана значилась большая часть инструмента, к ней приложил записи о покупках. Молодой человек пробежал глазами первые строки и отнёс всё старшему.

Ника осталась со Сметкой возле Весты, а я подошёл к столу. За дорогу опись помялась на сгибах; пришлось придержать её ладонью, пока весовщик искал нужную строку.

Он сличил имя и подпись.

— В городе собираешься работать?

— Сначала свои дела закончу. Там посмотрю.

— Ящик открой, который у двери.

Я вынес его на край тамбура и поднял крышку. Сверху лежали свёрла и мелкий инструмент в холщовом свёртке, ниже — части купленных изделий. Служащий взял одну направляющую, повертел и вернул на место.

— Эту тоже купил?

— Купил. Восстанавливать буду.

Он ещё раз посмотрел в ящик, после чего отошёл. Я убрал инструмент и забрал документы.

Возле передней повозки Веста разворачивала полотно. С одного края отрезали широкий лоскут, на сгибе остались грязные следы дорожного ремонта. Весовщик сверился с записью, поправил что-то в книге и назвал сумму.

За проезд и товар всё равно пришлось платить. Веста отсчитала монеты, получила отметку и велела возчикам двигаться к выходу.

Когда мы оказались на площади, она убрала бумаги в сумку.

— Знакомый твой? — спросил я.

— Знакомый. Каждый раз запас товаром считает. Пока всё вместе не пересчитаем, так и будет стоять на своём.

— Хорошо, что у тебя записано.

— Ещё бы. Я потом хозяину груза как объясню лишнюю пошлину?

Она поправила ремень сумки, а я поблагодарил за помощь с моими бумагами. Веста только махнула рукой: впереди наши возчики пытались разминуться с телегой сена, и ей пришлось пройти к ним.

На площади торговали всем, что могло понадобиться после дороги. Под навесами висели плащи, на досках лежала обувь, из котлов наливали горячую похлёбку. Возчики сворачивали к постоянным дворам, носильщики предлагали отнести поклажу. Один пристроился рядом с нашим фургоном и долго уверял, что знает кратчайший путь к любой лавке.

Веста назвала двор. Он сразу отстал: стало ясно, что дорогу мы найдём.

На перекрёстке пришлось подождать телеги с камнем. Рядом торговец показывал покупателю дорожный плащ: лил воду на плечо, потом проводил ладонью по ткани. Капли скатывались на землю, оставшееся тёмное пятно быстро светлело.

— «Сухое плечо», Еремеева работа, с Гончарной. В таком целый день по дождю проходишь. Сверху стряхнул, в дом зашёл — пол сухой.

Покупатель оттянул ворот собственного плаща и потёр шею.

— Выверни-ка.

Торговец показал подкладку. Мужчина осмотрел швы, нашёл клеймо на кожаной нашивке и только потом спросил цену.

Чуть дальше женщина выбирала небольшой горшок. Продавщица сняла крышку и дала ей попробовать кашу деревянной ложкой.

— С утра стоит?

— До первого колокола сняли. Из харчевни приносят, можешь спросить.

Женщина подула на кашу, попробовала и потянулась к другому горшку, с узором по краю. Тот тоже дали осмотреть.

Мне нравилось, что изделия показывали в деле. За хорошую вещь я и сам охотнее платил, когда мог подержать её в руках, убедиться, что она годная. Рядом лежала посуда попроще, заметно дешевле. За ней тоже подходили, выбирали по размеру, проверяли ободок на сколы.

Ника тронула меня за рукав.

— Нам такой нужен? Чтобы еда была тёплая.

— Посмотрим, сколько стоит. У нас хорошая печь.

— А если брать с собой?

Она снова оглянулась на прилавок. Я запомнил место и пообещал вернуться, когда разберёмся с ближайшими расходами.

У следующего торговца лежали ножи. Три штуки он выложил отдельно, на чистой ткани, и теперь нахваливал длинный клинок с блестящей рукоятью.

— «Лёгкий рез»! Кожу режет, верёвку режет, на ремне носить удобно. Мастер, подойди, попробуй!

Я как раз вёл Сметку рядом с прилавком. Ника держалась возле кобылы, и я на минуту остановился.

Торговец подал нож. Держать его оказалось удобно, лезвие заточили хорошо. Я рассмотрел посадку, проверил большим пальцем гладкость дерева.

— Кто нарёк?

Он назвал незнакомое имя и показал маленький знак возле рукояти.

— Видишь, всё как положено. Хочешь, верёвку дам?

— А в чём действие имени?

— Я же говорю: легко режет. Сейчас сам убедишься.

Он подтянул обрезок тонкой верёвки. Я вернул нож на ткань.

— Такую любой острый нож возьмёт. Я про наречение спрашиваю.

Торговец убрал верёвку и назвал цену ниже. Выяснять, ошибался он сам или надеялся на приезжего, мне расхотелось. Впереди освободился проезд, наши повозки тронулись, и я пошёл следом.

Веста дождалась меня.

— Присмотрел что-нибудь?

— Пока обойдусь своим.

Мы свернули с площади на улицу, где пахло хлебом. За невысокой оградой сушили вымытые мешки. На воротах ближайшего двора висел деревянный каравай, а из боковой двери женщина выносила корзину.

Веста окликнула её:

— Дарья, доброго имени! Принимай, доехали.

Та поставила корзину на лавку и поспешила открыть ворота.

Во дворе оказалось просторно. Под навесом стояли две чужие повозки, возле колодца мыли деревянные лотки. Из пекарни вышел широкоплечий мужчина в мучном фартуке и сразу направился к Весте.

— Доброго имени! Что-то долго на этот раз.

— На дороге задержались. Семён, поставь передние ближе к складу, их первыми разгружать.

Она повела хозяина к возчикам, а Дарья показала мне свободное место возле стены.

— Свою сюда ставь. Утром солнце поздно доходит, зато в проходе мешать никому не будешь. Лошадь отведёшь к дальнему навесу, там кормушка свободная.

Я поставил фургон, подложил упоры и помог Нике спуститься. Пока снимал упряжь, Сметка несколько раз потянулась к мешку с кормом. Пришлось отодвинуть его подальше.

— Подожди, сейчас размочим.

Дарья принесла ведро и остановилась рядом.

— Давно у тебя кобыла?

— Недавно. Вместе с фургоном досталась.

— Дошла хорошо?

— Хорошо. Зуб только беречь надо.

— Овёс есть, сечку тоже найдём. Скажи мальчишке, он покажет, где брать.

Мальчишка появился почти сразу. Высунулся из пекарни, посмотрел на Сметку, потом на Нику.

— Гладить можно?

— Можно. Только с этой стороны подходи. Тем глазом она плохо видит.

Дарья назвала его Мишкой и попросила принести мерку для корма. Он сбегал, вернулся и лишь после этого погладил кобылу по шее. Сметка повернула к нему голову, проверяя, что у него в руках. Мальчик рассмеялся и отступил.

— У нас кошка на мешках спит. Вчера отец чуть вместе с мукой её не унёс.

— У нас тоже есть, — сказала Ника. — Шпулька.

Они заговорили о кошках, и я смог спокойно закончить с лошадью. Осмотрел спину, проверил ноги, поставил воду. От размоченного корма Сметка отвлеклась только раз, когда я погладил её по шее.

Самому тоже хотелось вымыться, поесть и хоть немного посидеть. С дороги у меня ещё болели плечи, хотя новые сапоги выдержали поездку гораздо лучше прежней обуви. Я отнёс упряжь к фургону и постоял возле колеса.

За стеной двора звонили колокола. Где-то там, на Мостовой, работал человек, к которому я добирался с самого начала. Откладывать встречу ещё на день было бы глупо.

Радим поставил свой свёрток возле нашего стола.

— Я к знакомому схожу. Вместе когда-то учились. Скажу, что приехал, заодно про дерево узнаю. К вечеру здесь будешь?

— Собираюсь.

— Тогда увидимся.

По дороге к воротам он напомнил Нике держаться возле взрослых. Девочка выслушала с достоинством: за сегодняшний день её предупреждали уже несколько раз.

Илья подождал, пока столяр уйдёт, и подошёл ко мне.

— Я тоже схожу? До кузниц. Говорят, отсюда недалеко, вниз по улице.

— Иди. Только поешь сначала.

Он с сожалением оглянулся на ворота, но из пекарни как раз вынесли противень. Запах был такой, что спорить со мной Илья передумал.

Дарья накрыла длинный стол под навесом. Возчики ели по очереди, пока остальные разгружали передние повозки. Я вымыл руки и сел рядом с Никой.

Хлеб был ещё горячий. Когда я разломил каравай, из середины пошёл пар. Девочка поспешила подставить ладонь под осыпавшиеся крошки.

— Обожжёшься, — предупредил я.

Она отщипнула маленький кусочек, подула и отправила в рот. Дарья, проходившая мимо, положила рядом с ней ещё ломоть.

— Ешь. С дороги небось проголодалась.

Ника благодарно посмотрела на хозяйку и подвинула хлеб ко мне, чтобы нам обоим было удобно брать.

Семён присоединился позже. Повесил фартук у двери, вымыл руки и сел напротив.

— Веста говорит, ты наречённые вещи восстанавливаешь. Короб её видел, хорошая штука.

— Пригодился?

— Ещё бы. С мешками мне такой помог бы, здесь от реки сыро. Ты надолго?

— Пока точно сказать трудно. На Смотр хочу успеть и к Матвею Рудину зайти. Семён отломил хлеба.

— На Мостовую? После обеда иди. Утром он часто у заказчиков пропадает. Веста повернулась к нему с другого края стола.

— Провести кто-нибудь сможет?

— Да там прямо почти. До каменного колодца, вправо и вверх. Над дверью медный циркуль, большой. Издали увидит.

Я уточнил, где сворачивать, и запомнил дорогу. Ника положила недоеденный кусок.

— Я с тобой?

— Хочешь?

Она посмотрела на Мишку. Тот сидел напротив и пытался сложить из обрывка исписанной бумаги что-то похожее на лодку. Пока у него получался мятый угол.

— Ты долго будешь?

— Сперва узнаю, застану ли Матвея. К ужину вернусь.

— Оставайся со мной, — предложила Веста. — Я здесь закончу, потом за пирогами сходим.

Ника снова посмотрела на меня, дожидаясь разрешения.

Я согласился, узнал у Дарьи, где дети будут заниматься, и попросил далеко их не отпускать. Хозяйка указала на стол у окна пекарни.

— Вот здесь. Мишку мне сегодня тоже надо при себе держать.

Сам он тем временем протянул Нике бумагу.

— Птицу умеешь?

Она расправила листок ладонью и рассмотрела прежние стибы.

— Тут криво будет. Другого нет?

— Пока нет.

— Ладно, попробуем.

Я оставил их разбираться и вернулся к фургону. Запер за собой наружную дверь, прошёл в дом. Шпулька встретила меня возле кухни и сразу направилась к миске. Пришлось накормить её, сменить воду, а потом уже переодеться.

Письмо Хорвана хранилось на прежнем месте. За дорогу я столько раз проверял, цело ли оно, что и теперь раскрыл сумку ещё раз. Вместе с письмом убрал документы и медную ленту, разгладил ворот чистой рубахи и вышел.

Веста стояла возле наружного стола.

— Дорогу запомнил?

— До колодца, вправо и вверх.

— Если увидишь рыбные ряды, возвращайся. Значит, на первом повороте свернул не туда.

Она поправила загнутый край моего воротника и сняла с плеча нитку. Я стоял спокойно, хотя хотелось перехватить её руку.

— Ну, иди. Здесь мы закончим.

Возле окна Ника показывала Мишке, как сложить крыло. Увидев меня, подняла ладонь.

— К ужину!

— Помню.

У ворот я ещё раз оглянулся. Ника снова склонилась над бумагой, Мишка смотрел через её плечо. Тогда я вышел на улицу.

Пешком по городу идти оказалось гораздо проще. Я обходил повозки там, где со Сметкой пришлось бы ждать, на тесном повороте пропустил носильщиков и вскоре добрался до каменного колодца.

Две женщины наполняли вёдра. Одна держала ладонь на рукояти ворота, вторая переставляла посуду под коротким желобом. Вода текла ровной струёй, хотя ворот стоял. Я замедлил шаг, разглядел возле оси небольшое колесо и пошёл дальше. Вернуться сюда ещё успею.

На подъёме лавок стало меньше. В открытых дверях работали ремесленники, со дворов доносились удары молотков. Мальчик нёс длинную доску и сердито просил встречных отойти. Возле стены сушили свежавыкрашенные рамы; рядом человек с ножом вырезал мелкие насечки на деревянной ручке.

Большой медный циркуль над дверью был виден издалека. Он потемнел от времени, только края поблёскивали. Под ним на узкой доске написали имя мастера. Я проверил надпись и вошёл.

В передней стояли столы. На одном лежали линейки и угольники, на другом под тканью угадывались продолговатые футляры. Молодой человек у окна раскладывал тонкие пластинки. Увидев меня, он отложил работу.

— Доброго имени. По какому делу?

— Мне нужен Матвей Рудин. Письмо привёз, от Хорвана.

Из соседней комнаты позвали:

— Пропусти его.

Я обошёл стол и увидел невысокого седого мужчину в кожаном переднике. На носу у него сидели очки в тонкой оправе. Одной рукой он придерживал деревянную рамку, другой пробовал ход маленького винта.

— Сейчас закончу. Садись пока.

Я остался возле стола и вынул медную ленту. Положил футляр на свободное место, подальше от рамки. Матвей взглянул на него, потом на меня.

— Дай-ка сюда.

Он отложил работу, вытянул часть ленты и провёл большим пальцем возле нескольких мелких отметок.

— Ну вот, привёз наконец. Я Хорвану говорил, чтобы эту брал. Где сам-то? С повозкой остался?

— Хорван умер.

Матвей положил ленту на стол и снял очки. Некоторое время он смотрел на меня, затем потёр переносицу.

— Когда?

Я назвал день. За стеной несколько раз стукнули молотком, кто-то позвал ученика. Матвей повернулся к двери.

— Воды принеси. И пока сюда никого.

Помощник ушёл. Хозяин подвинул мне стул и сел напротив.

— Рассказывай.

Я рассказал про дорогу, рану и укрытие. Думал, что смогу изложить всё коротко, однако на последних словах Хорвана пришлось остановиться. Я помнил его голос, руку, просьбу позаботиться о Сметке. Странно было произносить это здесь, перед человеком, который ещё минуту назад ждал этого старого мастера в гости.

Матвей выслушал до конца. Потом спросил, кто помог с похоронами.

— Марфа, на Сосновом дворе. И Радим, столяр. Он тоже сюда приехал, вместе со мной.

— Радима знаю.

Я достал письмо и положил перед ним.

— Хорван велел вам отдать. И фургон показать.

Матвей развернул лист. Читал медленно, потом вернулся к началу, ещё раз пробежал несколько строк. Я сидел на краю стула и ждал, стараясь смотреть на стол перед собой.

— Значит, ты Ярко.

— Да.

— Он о тебе писал.

Я поднял глаза.

— Давно?

— Ещё до последней поездки. Заказ мы тоже давно готовили.

Помощник принёс воду. Матвей наполнил две чашки и одну подвинул ко мне. Я отпил и только тогда устроился на стуле поудобнее.

— Сметка дошла? — спросил он.

— Дошла. Стоит на дворе, поела. Корм ей размачиваю.

— Про зуб сказал?

— Сказал. Под самый конец ещё напомнил.

Матвей опустил взгляд на письмо, затем аккуратно сложил его. Пока он убирал бумагу, я рассматривал следы работы на столе: мелкие медные опилки, неглубокие зарубки, потёртое место у самого края. Здесь Хорвана знали. Можно было спросить, каким он был прежде, что рассказывал об ученике. А я всё никак не решался.

Хозяин снова взял ленту.

— Вот эти отметки сам ему добавлял. Уж очень любил точность. Ему говоришь: размер тот же. А он всё равно своей перемерит.

В его голосе впервые послышалась досада. Я невольно улыбнулся.

— Правильно же делал.

— Правильно, конечно. Только мне же потом переделывать, если разойдётся.

Он свернул ленту и вернул мне.

— Бумаги на имущество при тебе?

Я разложил документы. Матвей прочёл их внимательнее, чем весовщик у ворот. Проверил имя, опись, отдельно задержался на записи о фургоне. Про внутреннее устройство он ничего не спросил. Я тоже молчал: пока было достаточно тех сведений, которые Хорван оставил в письме.

— Где остановился?

Я назвал двор пекарей.

— У Семёна? Хорошо. Завтра после первого колокола пригоняй сюда. Через боковые ворота заезжай, здесь тесно. Лошадь будет куда поставить.

Я собрал бумаги и хотел спросить о плате. После княжеского Фонаря к стоимости незнакомых вещей я относился настороженно.

Матвей встал.

— Пойдём, покажу заказ.

Через узкую дверь мы прошли в помещение с высокими окнами. Там пахло деревом. Вдоль стены стояли ящики, на крючьях висели большие шаблоны. На одном я узнал изгиб наружного крепления фургона и задержался возле него.

Матвей остановился у длинного свёртка на козлах. Развязал шнур и откинул холст.

Под ним лежала опорная рама. В отдельных гнездах рядом уложили складные части стола, крепления и небольшой станочный узел. Я наклонился над ровными направляющими, рассмотрел пригнанные поверхности и попросил разрешения попробовать ход.

Матвей показал, за что братья.

Узел двигался плавно, ощутимого люфта я не нашёл. Попробовал ещё раз, осторожно довёл до упора. На таком оборудовании хотелось сразу закрепить заготовку, выставить размер и сделать первую пробу.

В кладовой фургона оставались размеченные места. Теперь я примерно понимал, что там должно стоять.

— Подгоним на повозке, — сказал Матвей. — По меркам сходится, но крепления я сам посмотрю.

Я выпрямился.

— Сколько я вам должен?

Хозяин отогнул край холста, чтобы тот не попал под лежащую сбоку деталь.

— За это Хорван полностью рассчитался.

Я посмотрел на раму, на приготовленные крепления. Старик позаботился даже о том, чтобы ученику всё установили. Мне вдруг стало неловко от того, как жадно я только что разглядывал направляющие.

— Подгонку тоже оплатил?

— Тоже. Ты фургон привези, Ярко. Всё остальное у меня готово.

Что-то все гладко слишком. Не верил я в такие вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.